К. Жаковъ

ТЕОРІЯ

ПЕРЕМѢННАГО И ПРЕДѢЛА

ВЪ ГНОСЕОЛОГІИ

и

ВЪ ИСТОРІИ ПОЗНАНІЯ

Цѣна 1 р.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Изданіе М. В. Пирожкова
1904

М. В. ПИРОЖКОВЪ

Спб., В. О., 2 л., д. 13

Математическія науки

Собственныя изданія:

Бертранъ, Ж. **Алгебра**, въ переводѣ М. В. Пирожкова. Часть I. Спб. 1899 г. 3 р.

Часть II. (Высшая Алгебра). Спб. 1901 г. 2 р.

Содержаніе: Глава I. **Дополненіе къ элементарной алгебрѣ** (ряды, сочетанія и биномъ Ньютона; о логариѳмахъ; повѣрка алгебраическихъ формулъ; методъ неопредѣленныхъ коэффиціентовъ).—Глава II. **Теорія производныхъ** (производныя отъ явныхъ функцій съ одною перемѣнною; изученіе функцій при помощи производныхъ; ряды для вычисленія логариѳмовъ и числа π). — Глава III. **Общая теорія уравненій** (основные принципы численныхъ уравненій какой-угодно степени; теорема Декарта; теорема Ролля; теорія равныхъ корней; соизмѣримые корни; теорема Штурма).—Глава IV. **Конечныя разности** (обозначенія и основныя формулы; интерполированіе; рѣшеніе численныхъ уравненій; рѣшеніе трансцендентныхъ уравненій).—**Приложеніе** (разложеніе раціональныхъ дробей на простѣйшія; мнимыя выраженія; рѣшеніе уравненій 3-ей степени; рѣшеніе системы двухъ уравненій 2-й степени съ двумя неизвѣстными; нѣкоторыя замѣчательныя преобразованія; о рѣшеніи уравненій первой степени; непрерывныя дроби; методъ исключенія Безу и Эйлера).

Одобрено **Ученымъ Комитетомъ** Мин. Нар. Просв. для фундаментальныхъ библіотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній Мин. и для ученич. библіотекъ старшаго возраста мужскихъ гимназій и реальныхъ училищъ; рекомендовано **Главнымъ Управленіемъ** военно-учебныхъ заведеній для фундаментальныхъ библіотекъ кадетскихъ корпусовъ.

Ариѳметика, въ переводѣ М. В. Пирожкова. Спб. 1901 г. 2 р.

Пирожковъ, М. В. **Ариѳметика ирраціональныхъ чиселъ.** Спб. 1898 г. 1 р. 50 к.

Дополнительныя статьи по Алгебрѣ. Курсъ 7-го и 8-го классовъ гимназій. Пособіе для готовящихся въ высш. технич. учебн. завед. Спб. 1900 г. 75 к.

Содержаніе: Теорія соединеній, биномъ Ньютона, непрерывныя дроби, неопредѣленныя уравненія первой степени съ двумя неизвѣстными, несоизмѣримыя (ирраціональныя) числа, задачи.

Одобрено **Ученымъ Комитетомъ** Министерства Народнаго Просвѣщенія для фундаментальныхъ библіотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ зиведеній Министерства Народнаго Просвѣщенія и для ученическихъ библіотекъ старшаго возраста мужскихъ гимназій и реальныхъ училищъ; рекомендовано **Главнымъ Управленіемъ** военно-учебн. заведеній для фундамент. библіотекъ кадетскихъ корпусовъ.

Сборникъ задачъ для вступительныхъ экзаменовъ въ высшія техническія учебныя заведенія. Пособіе для гг. экзаменторовъ. Спб. 1903 г. 1 р. 50 к.

Серре (J.-A). **Прямолинейная тригонометрія**, въ переводѣ М. В. Пирожкова. Спб. 1902 г. 60 к.

Допущено **Ученымъ Комитетомъ** Мин. Нар. Просв. въ качествѣ **руководства** для средн. учебн. завед. Мин. Нар. Просв.

Сферическая тригонометрія, въ переводѣ М. В. Пирожкова. Спб. 1902 г. 40 к.

Допущено **Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія** въ ученическія, старшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

Печатаются:

Серре, J. A. **Ариѳметика**, въ перев. М. В. Пирожкова.

Дополненіе къ теоріи круговыхъ функцій, въ переводѣ М. В. Пирожкова. 50 к.

Бертранъ, Ж. **Дифференціальное и интегральное исчисленіе**, въ пер. М. В. Пирожкова. 2 большихъ тома in-4 во франц. изданіи (около 1500 стр.).

Всѣ переводы—безъ всякихъ сокращеній и измѣненій.

К. Жаковъ

ТЕОРІЯ

ПЕРЕМѢННАГО И ПРЕДѢЛА

ВЪ ГНОСЕОЛОГІИ

и

ВЪ ИСТОРІИ ПОЗНАНІЯ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-Литографія „Герольда“, Вознесенскій пр. № 3
1904.

Пров. 1959

БИБЛИОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ,
448
26

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

Введеніе 1

ЧАСТЬ I.

Естественно-историческая точка зрѣнія на познаніе и понятія перемѣннаго и предѣла въ гносеологіи.

Глава I. Непосредственное свидѣтельство сознанія 8

Глава II. Физическое и психическое въ ихъ закономѣрности и взаимодѣйствіи (проблемы гносеологіи). 10

Глава III. Доказательства ноуменальнаго міра 16

Глава IV. Идеализмъ и естествознаніе 19

Глава V. Логическія противорѣчія въ системѣ Канта 34

ЧАСТЬ II.

Пространство, время, матерія съ точки зрѣнія перемѣннаго и предѣла въ гносеологіи.

Глава I. О безконечности пространства и вещества 42

Глава II. Время и Вѣчность съ точки зрѣнія теоріи познанія. . 53

Глава III. Ученіе о матеріи 66

Глава IV. Психофизическій параллелизмъ. 81

ЧАСТЬ III.

Происхожденіе познанія.

Глава I. Генезисъ внѣшняго воспріятія. 94

Глава II. Происхожденіе и приложеніе законовъ логики. . . . 103

Глава III. Психологическая природа силлогизма 115

Глава IV. Объ имманентной философіи. 125

Глава V. Нѣсколько словъ къ представителямъ имманентной философіи 131

Заключеніе 150

ВВЕДЕНІЕ.

Гартманъ въ „философіи безсознательнаго“ въ X главѣ говоритъ: „Кантъ въ своей трансцендентальной эстетикѣ высказалъ, что пространство не воспринимается пассивно душою извнѣ, но производится ею самостоятельно, и этимъ положеніемъ произвелъ цѣлый переворотъ въ философіи. Почему же однако это вѣрное положеніе столь антипатично какъ общему человѣческому смыслу, такъ, за немногими исключеніями, и естественно-научному образу мыслей?

1) Потому (отвѣчаетъ Гартманъ), что Кантъ, а за нимъ Фихте и Шопенгауеръ, изъ вѣрнаго положенія вывели ложныя и противорѣчащіе инстинкту здраваго смысла односторонніе идеалистическіе слѣдствія.

2) Потому, что Кантъ для своего вѣрнаго положенія далъ невѣрныя доказательства, которыя на самомъ дѣлѣ ничего не доказываютъ.

3) Потому что Кантъ, не давая въ томъ себѣ отчета, говоритъ о безсознательномъ процессѣ въ душѣ, между тѣмъ какъ тогдашній образъ воззрѣній зналъ и считалъ возможнымъ только сознательные душевные процессы. Сознаніе же отрицаетъ свою самостоятельность въ произведеніи пространства и времени и съ полнымъ правомъ считаетъ за fait acompli то, что они даны чувственнымъ воспріятіемъ.

4) Потому что Кантъ на ряду съ пространствомъ поставилъ и время, для котораго его положеніе не имѣетъ силы“ (переводъ А. А. Козлова, стр. 218). Этими замѣчательными словами начинается X глава книги Гартмана. Далѣе онъ доказываетъ, что пространство и время столько же объективныя формы бытія, сколько и субъективныя формы мышленія.

Онъ также говоритъ, что уже Шеллингъ (Darstellung des Naturprocesses, Werke I) и Тренделенбургъ (über eine Lücke in Kants Beweis von der ausschliessenden Subjectivität des Raumes und der Zeit) указали на опрометчивость заключенія объ существованіи пространства и времени исключительно въ мышленіи изъ того обстоятельства, что они не вошли извнѣ въ нашъ умъ, а самостоятельно произведены имъ.

Считаемъ необходимымъ здѣсь прибавить, соглашаясь съ Гартманомъ, что въ такомъ положеніи дѣло обстоитъ и съ вещами въ себѣ. Изъ того факта, что тѣла природы суть наши ощущенія (какъ доказываетъ это намъ психофизіологія, а никакъ не гносеологія), отнюдь не вытекаетъ, чтобы не было вещей, независимыхъ отъ нашихъ ощущеній. Эти вещи могутъ существовать въ объективномъ пространствѣ и въ объективномъ времени (въ какомъ смыслѣ это увидимъ мы ниже). Признаніе ихъ существованія есть примиреніе нашего теоретическаго ума, считающаго міръ своимъ представленіемъ, съ практическимъ (и съ инстинктами всѣхъ живыхъ существъ), знающимъ только тѣла природы, какъ вещи въ себѣ. Доказательству этой истины, примиряющей инстинктъ съ интеллектомъ, естественныя науки съ философскими системами, посвящается эта книга. Не только вещи въ себѣ существуютъ (какъ это будетъ доказано), но и находятся въ двухъ отношеніяхъ къ комплексамъ нашихъ ощущеній.

1) Наши ощущенія перемѣнная величина, стремящаяся къ предѣлу въ теченіи біологической исторіи; предѣломъ являются аттрибуты вещей въ себѣ.

2) Вещи въ себѣ дѣйствующая причина на наше „я“; реакція на это дѣйствіе—воспріятіе внѣшняго міра.

Ученіе, доказывающее эти положенія, должно быть названо теоріей перемѣннаго и предѣла въ гносеологіи и въ исторіи познанія. Оно понятно, разъ психическій міръ считается, вѣчно измѣняющимся, приближаясь къ нѣкоторому предѣлу, къ внѣпсихическому міру бытія; (причемъ, въ количественномъ отношеніи первый можетъ адэкватно совпасть со вторымъ, а въ качественномъ только уподобляется). Вселенная, по этому ученію, рисуется, не какъ предустановленная, а какъ созидающаяся Гармонія, и смыслъ, и цѣль жизни не столько намъ даны, сколько построятся

нами въ приближеніи къ идеальному знанію и къ совершенству воли и характера. Второе, что нужно замѣтить здѣсь, это то, что ученіе въ теоріи перемѣннаго и предѣла въ гносеологіи и въ исторіи познанія допускаетъ два принципа—психическое и независимое отъ психическаго. Многіе думаютъ, что совершенство философской системы заключается въ единомъ принципѣ, послѣдовательно проведенномъ по всѣмъ областямъ человѣческаго разумѣнія. Въ этомъ смыслѣ теорія перемѣннаго и предѣлъ не изъ совершенныхъ точекъ зрѣнія на явленіи человѣческаго духа и природы. Но со своей стороны осмѣливаюсь я думать, что самое пагубное въ философіи—это исканіе единаго принципа, единственнаго начала въ природѣ или въ существѣ психическихъ явленій. Дѣло въ томъ, что понятія, одно изъ которыхъ хотятъ сдѣлать принципомъ, имѣютъ опредѣленный смыслъ лишь при наличности другихъ понятій, имъ противоположныхъ, или ихъ ограничивающихъ. Понятіе *сознанія* имѣетъ все свое значеніе, пока существуютъ два другихъ понятія: вещи сознаваемой, и лица, сознающаго. Понятіе *представленіе* имѣетъ ясность, пока существуютъ предметы, могущіе быть представимыми для представляющаго лица и т. д. Поэтому, имманентная философія нашего времени (Махъ), на основаніи данныхъ психологіи, приходящая къ заключенію, что все въ мірѣ—переживаніе, все психическое, и ничего болѣе, такая философія немыслима въ своей первой основѣ, недопустима. Въ самомъ дѣлѣ имѣются въ опытѣ три величины A, B, C. A—личность переживающая B—фактъ переживанія, C предметъ, вызывающій психическое переживаніе. Эти три понятія въ наличности всякаго психическаго акта. Но вотъ философы начинаютъ сводить A, B, C къ двумъ величинамъ A и B. Личность A переживаетъ B, C не существуетъ, потому что де A причина B достаточная и необходимая. Дальше утверждается, что A и B одно и тоже. Субъектъ сумма испытываній, переживаемыхъ имъ, и ничего болѣе. Получается все B, все психическое.

При этихъ размышленіяхъ совершенно упускается изъ виду, что понятія измѣняютъ свой смыслъ при уничтоженіи ихъ коррелятовъ, что заключеніе страдаетъ отсутствіемъ содержанія въ понятіи, которое было обусловлено существованіемъ другихъ понятій. Также нелогично утвержденіе

что все мое сознаніе, и ничего болѣе. Такое утвержденіе безсодержательно и не соотвѣтствуетъ опыту. Въ опытѣ намъ даны: предметъ, считаемый внѣшнимъ, субъектъ, созерцающій его, органы внѣшнихъ чувствъ, при посредствѣ которыхъ возможно внѣшнее воспріятіе. Поэтому при всѣхъ выкладкахъ никогда не нужно забыть сложности процесса сознанія и обусловленности его. Слѣд. говорить, что все сознаніе, все равно утвержд. все = все, если не забывать сложности факта сознанія. Это такъ только, а въ другихъ смыслахъ, это нелѣпость. Это мы все къ тому позволяемъ себѣ говорить, чтобы показать, что два (или болѣе) принципа, допущенные въ нашемъ изложеніи гносеологіи, не подрываютъ научности ученія, а скорѣе наоборотъ, свидѣтельствуетъ объ осторожности изслѣдованія, въ которомъ пытались мы сопоставить основоположенія математики и естествовѣдѣнія съ принципами критической философіи и идеалистическаго ея толкованія, надѣясь что такія сопоставленія всегда имѣютъ нѣкоторый научный интересъ, какъ попытка примиренія философскаго идеализма съ тенденціями опытныхъ наукъ, синтеза разнородныхъ, повидимому понятій.

Часть I.

Естественно-историческая точка зрѣнія на познаніе и понятіе перемѣннаго и предѣла въ гносеологіи.

ГЛАВА I.

Непосредственное свидѣтельство сознанія.

Наука должна начинаться съ аксіомъ и истинъ, которыя не требуютъ доказательствъ. Непосредственныя свидѣтельства сознанія, провѣряя другъ друга, должны быть первыми данными, откуда начинается научное изслѣдованіе.

Сознаніе намъ говоритъ, что существуютъ тѣла природы, познаваемыя черезъ органы внѣшнихъ чувствъ. Когда открываю я глаза, я вижу черный шкапъ, закрываю ихъ, и шкапъ для меня болѣе не существуетъ. Мы простыми опытами убѣждаемся, что если заболѣваютъ глаза, или зрительные нервы, мы начинаемъ плохо видѣть, перестаемъ отличать предметы, тоже самое и относительно другихъ внѣшнихъ чувствъ — слуха, осязанія. Слѣд. мое сознаваніе внѣшнихъ предметовъ зависитъ отъ здоровья и отъ извѣстнаго устройства моей физической организаціи.

Также для насъ очевидно, что, если разрушается одно тѣло природы, другое при этомъ можетъ остаться цѣлымъ. *A* разрушается, *B* остается цѣлымъ. Мой физическій организмъ одно изъ тѣлъ природы. Слѣд. это положеніе и къ нему примѣнимо, т. е. онъ можетъ уничтожиться, не измѣнивъ, не уничтоживъ другихъ тѣлъ природы. Но мы знаемъ, что сознаніе, (ощущенія тѣлъ природы и внутреннихъ измѣненій организма) зависитъ отъ устройства нашихъ органовъ внѣшнихъ чувствъ, отъ нервовъ и т. д. Отсюда ясно, что сознаніе наше можетъ померкнуть вмѣстѣ съ уничтоженіемъ (разрушеніемъ) нашего тѣла, оставивъ въ прежнемъ видѣ всю природу вещей.

Другими словами. Очевидно, что существуютъ вещи независимо отъ сознанія.

Далѣе сознаніе намъ говоритъ о существованіи другихъ людей. Тожество ихъ физической организаціи съ моимъ

тѣлеснымъ „я“, тожество ихъ дѣйствій при равныхъ условіяхъ, тожество реакцій на безчисленныя явленія природы съ моими воздѣйствіями на тѣ же явленія — все это дѣлаетъ невозможнымъ сомнѣніе, что ихъ душа подобна моей.

Вотъ тѣ очевидности, не упираясь на которыя, невозможно построить никакую науку. Если философы разныхъ временъ подвергали сомнѣнію эти очевидности и затѣмъ строили системы, то всегда оказывалось, что втайнѣ эти истины они всегда допускали.

Многимъ, напр., кажется, что психологія, доказавши, что тѣла природы—комплексы нашихъ ощущеній, тѣмъ самымъ опровергаетъ непосредственное свидѣтельство сознанія о независимости природы отъ способности ощущеній. Если тѣло природы есть комплексъ ощущеній, то съ исчезновеніемъ способности воспринимания (сознаванія) исчезнутъ и комплексы ощущеній, т. е. тѣла природы. Но такой выводъ нелогиченъ (изъ посылокъ психологіи).

Возьмемъ факты видѣнія. Лучи, идущіе отъ предмета, пересѣкаются на сѣтчаткѣ. Глазныя оси приходятъ въ такое положеніе, что продолженіе ихъ пересѣкается на предметѣ, нервы приходятъ въ особое состояніе и центры ихъ, возникаетъ фактъ видѣнія предмета. Тоже самое относительно каждаго чувства. Сначала допускается предметъ, потомъ дѣйствіе его на наши органы, затѣмъ психическій фактъ видѣнія, слышанія и т. д. Изъ безчисленныхъ опытовъ подобнаго рода можно вывести заключеніе, что при наличности тѣлъ природы, или по крайней мѣрѣ при наличности нервовъ и ихъ дѣятельности, возникаютъ психическія явленія. Міръ — комплексъ нашихъ ощущеній, но эти ощущенія возбуждены физическими агентами, независимыми отъ сознанія, отъ способности воспріятія.

Къ такому же выводу приведетъ насъ и всякая метафизическая точка зрѣнія. Намъ необходимо всегда допустить субъектъ, на который дѣйствуютъ вещи; подъ вліяніемъ дѣйствій и воздѣйствій возникаютъ психологическія явленія. Иначе совершенно будутъ не понятны: организація человѣка и приспособляемость видовъ.

Теперь возникаетъ вопросъ. Если тѣла природы съ точки зрѣнія психологіи суть комплексы ощущеній, психическія явленія, чувства и представленія тоже психическія явленія,

то въ этомъ смыслѣ между ними нѣтъ разницы. Но комплексамъ ощущеній, соотвѣтствующихъ вещамъ, существующимъ независимо отъ сознанія, должны принадлежать какія-нибудь признаки, отличающіе ихъ отъ субъективныхъ фактовъ сознанія, которымъ вещи не соотвѣтствуютъ, а только молекулярныя измѣненія нервовъ въ воспринимающемъ субъектѣ. Нужно намъ изслѣдовать, какіе же это признаки, отличающіе внѣшнія ощущенія о природѣ отъ такъ называемыхъ внутреннихъ явленій сознанія? Другими словами, опредѣлить, на какіе два класса явленій дѣлится наше сознаніе? Это мы и сдѣлаемъ въ главѣ о физическомъ и психическомъ.

ГЛАВА II.

Физическое и психическое, въ ихъ закономѣрности и взаимодѣйствіи (проблемы гносеологіи).

Двѣ области сознанія.

1. Геометрическія фигуры обладаютъ непрерынвостью своего построенія, потому что онѣ пространственны, а пространство непрерывно и все заключающееся въ немъ.

2. Геометрическія фигуры неизмѣнны въ трехмѣрномъ пространствѣ: параллельное движеніе всѣхъ частей контура или вращательное около точки или прямой линіи не измѣняютъ эго фигуры. Квадратъ или кругъ — всюду квадратъ и кругъ.

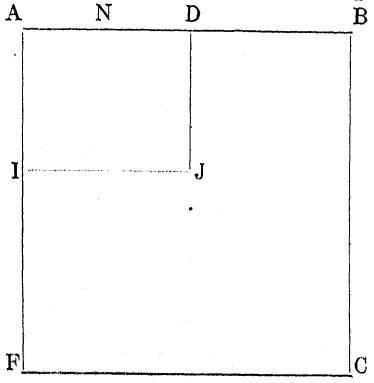
3. Построенія въ пространствѣ изъ геометрическихъ линій неизмѣнны во времени. Квадратъ во всѣ времена квадратъ.

4. Физическія явленія не что иное, какъ постоянное измѣненіе въ пространствѣ и времени, измѣненіе непрерывное.

5. Во всѣхъ измѣненіяхъ природы однако есть нѣчто неизмѣнное — законъ.

6. Законъ—это геометрическая фигура или число, неизмѣнныя во времени и въ пространствѣ, пребывающія (или подразумѣваемыя) во всѣхъ явленіяхъ природы.

Такъ двѣ массы A и B, равныя единицѣ, притягиваются силою, обратно пропорціональною квадрату $ABCF$. Это значитъ, когда B будетъ въ точкѣ D ($AD = BD$), притяженіе будетъ въ четверо больше, какъ и квадратъ $ABFC$ вчетверо больше $ADIJ$.



7. Квадратъ пребываетъ въ явленіяхъ тяготѣнія. Назовемъ силу притяженія A и B единицей, силы A и D будетъ 2^2, A и N 2^4.

Сила $AB = 2^0 = 1^2$
Сила $AD = 2^2 = 2^2$
Сила $AN = 2^4 = 4^2$

Сила притяженія $= X^2$, если разстояніе между массами $\frac{I}{X}$

8. Возьмемъ другой примѣръ — звучащую струну. Если длина ея—единица, то она производитъ (скажемъ) do, соотвѣтствующій n колебаніямъ воздуха въ секунду. Если A ç c B сократимъ эту струну на $\frac{1}{2}$, число колебаній будетъ 2 n (звукъ do въ актаву выше); четвертая часть струны произведетъ 4 n колебаній въ секунду. Произведеніе длины струны на число колебаній — постоянная величина m [ширина] n . $1 = \frac{1}{2}$ m 2 n $= \frac{1}{4}$ 4 mn $=$ mn $=$ $=$ площадь прямоугольника.

Эта формула сохраняется для всѣхъ струнъ. Геометрически представляется, какъ измѣненіе сторонъ прямоугольника при постоянствѣ площади.

$$\frac{1}{x} \text{ñx} = \text{n} \quad (\text{yx} = \text{n}); \quad \text{y} = \frac{1}{x} \text{n}$$

Въ этомъ законѣ пребываетъ величина площади при измѣненіи периметра.

9. Въ законѣ природы мы видимъ, такимъ образомъ, постоянство какого-либо свойства геометрической фигуры или постоянство какого-либо числа, входящаго въ функцію, въ выраженіе явленія. Измѣненіе величины геометрической фигуры при неизмѣнности характера, или измѣненіе ея вида при неизмѣнности величины—выражаютъ непрерывный рядъ измѣненій явленія природы. Сохраненіе же вида функціи и нѣкоторыхъ значеній элементовъ—это законъ природы.

10. Теперь перейдемъ къ описанію явленій и законовъ психическаго. Возьмемъ два сектора, одинъ изъ которыхъ окрашенъ въ желтый, другой въ синій цвѣтъ. При вращеніи этихъ секторовъ мы получимъ ощущеніе зеленаго цвѣта (также при смѣшеніи красокъ синей и желтой).

11. По какому закону происходитъ синтезъ психическихъ явленій? Бѣловатый предметъ мнѣ кажется сѣрымъ при сопоставленіи съ бѣлымъ, наоборотъ при сравненіи съ чернымъ онъ производитъ впечатлѣніе бѣлаго.

12. Можно ли выразить черезъ число или геометрическую фигуру законы психологическіе (равнодѣйствующихъ, контраста, отношенія)? Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ качествами, которыя не подлежатъ измѣренію (сколько зеленаго въ желтомъ?). Поэтому математическій законъ въ примѣненіи сюда невозможенъ.

13. Въ области представленій подобные законы еще менѣе возможны.

Галлюцинаціи не притягиваютъ къ себѣ окружающихъ тѣлъ природы подобно тому, какъ изображеніе въ зеркалѣ не имѣетъ ни свойствъ сцѣпленія частицъ, ни химическаго сродства (оно явленіе психическое).

14. Сновидѣнія показываютъ намъ, что предметы, видимые во снѣ, иногда, будучи газомъ, имѣютъ свойства твердыхъ тѣлъ (напр., мы летаемъ во снѣ по воздуху, упираясь съ руками объ его слои, какъ о твердое тѣло), иногда не

имѣютъ ихъ (въ другихъ случаяхъ мы падаемъ черезъ воздухъ, какъ черезъ газъ). Предметы сновидѣній не имѣютъ постоянства закона во времени, постоянства физическаго закона, характеризуемаго неизмѣнностью формы геометрической фигуры и числа.

15. Законы ассоціацій смежности или сходства выражаютъ только временную послѣдовательность, но не математическую зависимость; законы логики (тожества, противорѣчія, исключеннаго третьяго)—не суть функціи, но только условія функцій.

16. Обобщая сказанное, можно выразиться такимъ образомъ: одни изъ явленій сознанія обладаютъ свойствами, опредѣляемыми математическими функціями, модификаціями пространства (физическія), другія не имѣютъ этихъ свойствъ (психическія).

17. Имѣется ли однако какая-либо зависимость между этими двумя серіями явленій?

Законъ Вебера (Фехнера) выражаетъ эту зависимость. Взявъ килограммъ тяжести и прибавляя къ нему сначала $^1/_3$ килогр., потомъ $^1/_3$ получившейся суммы и т. д., мы получимъ рядъ величинъ, испытываемыхъ рукой, какъ различающіяся на едва замѣтную величину, (едва замѣтное измѣненіе ощущенія

$$1, \frac{4}{3}, \frac{4}{3}+\frac{4}{9}, \frac{48}{27}+\frac{16}{27} \text{ и т. д.}$$

обозначая

$$\frac{2^\circ}{3} = a, \frac{4}{3} = b,$$

мы видимъ слѣдующія возрастанія приращеній вѣса

$$a,\ ab,\ ab^2,\ ab^3,\ ab^4,$$

и приращенія ощущенія:

$$l,\ l,\ l,\ l.....$$

или

$$c+l,\ c+2l,\ c+3l,\ c+4l \text{ и т. д.}).$$

Приращенія вѣса составляютъ геометрическую прогрессію, увеличенія ощущенія — ариѳметическую.

18. Свойства степеней таковы:

$$a^y = b,$$
$$a^{y+1} = ab,$$
$$a^{y+2} = a^2 b,$$
$$a^{y+3} = a^3 b,$$

что когда логариѳмы идутъ въ ариѳметической прогрессіи (y, $y+1$, $y+2$, $y+3$), то числа (b, ab, a^2b) идутъ въ геометрической, слѣдовательно:

приращеніе ощущенія — рядъ логариѳмовъ,
приращеніе вѣса — рядъ чиселъ.

Ощущеніе (приращеніе) = Log. физическаго раздраженія; психическое = Log. физическаго.

19. Попробуемъ теперь придать всему этому гносеологическую терминологію.

Въ одинаковой ли степени развивались разныя стороны познанія? Несомнѣнно, нѣтъ. Понятіе о пространствѣ (о трехмѣрности и безконечности), о времени (бываніи и и вѣчности) не измѣняется въ умѣ человѣка въ теченіе тысячелѣтій (говоря такъ, я имѣю въ виду, конечно, геометрическое пространство, возникшее черезъ эволюцію изъ перспективнаго, а это послѣднее, разумѣется, болѣе субъективнаго характера).

20. Пиѳагорейцы еще допускали движеніе міровъ по кругамъ, они знали и нѣкоторые законы струны. Слѣдовательно, они уже понимали постоянство геометрической фигуры и числа въ явленіяхъ міра. Понятіе о пространствѣ и о законѣ (единообразіи) не измѣняется въ теченіе вѣковъ.

21. Иное дѣло въ познаніи качествъ природы. Въ микроскопъ краски блѣднѣютъ, предметы усложняются, въ телескопъ мы видимъ строеніе двойныхъ, тройныхъ звѣздъ. Усовершенствованіе зрѣнія даетъ новыя качества міра, и здѣсь все перемѣнно.

22. Слѣдовательно, познаніе количества міра и закономѣрности — формы нашего ума (неизмѣнныя понятія, подъ которыя мы подводимъ качества міра). Качество измѣняется съ измѣненіемъ органовъ чувствъ.

23. Наблюдая взаимныя отношенія тѣлъ, мы координируемъ явленія этихъ отношеній въ трехмѣрномъ простран-

ствѣ, уловляемъ законъ этихъ отношеній въ математической функціи, выражающей постоянство нѣкоторыхъ свойствъ геометрической фигуры.

24. Законъ явленій понимаемъ въ частяхъ пространства — въ модификаціи его. Пространство — форма пониманія вещей, оно же своими частями (геометрическими фигурами) — причина объектированія.

Пространство никогда не измѣняется — символъ вѣчности. Вѣчное представляется „внѣшнимъ“ по отношенію психическому, подчиненному закону времени.

25. Постоянство матеріи, энергіи, постоянство движенія опредѣляются постоянствомъ нѣкоторой протяженной величины. Законъ природы — постоянство вида протяженной величины. Здѣсь мы видимъ источникъ объектированія (пространство и его модификація).

26. Законъ объектированія (я и не-я) объясняетъ только раздѣленіе сознанія на субъектъ и объектъ („я“ и чувство), но внѣшній міръ всецѣло объясняется модификаціей пространства (ego и non-ego = психическій субъектъ и психическій объектъ).

27. Такимъ образомъ Кантовы категоріи должны быть замѣнены законами геометріи, которые управляютъ явленіями природы. Эти законы — причины образованія „внѣшняго“ физическаго міра.

28. Теперь мы должны дать послѣдній отчетъ, возможный въ гносеологіи. Существуютъ ли вещи внѣ формъ познаванія? не имѣютъ ли онѣ участія въ созиданіи нашего познанія и его формъ?

Если мы отвѣтимъ на эти вопросы утвердительно, это не значитъ, что мы вполнѣ знаемъ вещи, существующія до сознанія подобно тому, какъ знаніе того, что онѣ существуютъ, не означаетъ еще, что мы знаемъ всѣ ихъ свойства.

Этотъ вопросъ относится къ онтологіи. Поэтому, прежде чѣмъ перейти къ ней, перечислимъ доказательства невозможности сознанія безъ вещей, независимыхъ отъ него. Хотя въ пользу этого мы приводили непосредственное свидѣтельство самаго сознанія, но въ виду преобладанія въ наше время крайняго субъективизма, приведемъ аргументы, уничтожающіе этотъ субъективизмъ.

ГЛАВА III.

Доказательства ноуменальнаго міра.

Разсмотрѣвши двойственное содержаніе сознанія, мы должны спросить, въ какомъ отношеніи находится міръ сознанія къ бытію, (независимому отъ сознанія и свидѣтельствуемому самимъ сознаніемъ)? Это лучше всего сдѣлать, сопоставляя субъективный идеализмъ, наиболѣе полно описывающій психическій міръ, съ данными естествознанія, описывающими вещи, считаемыя сознаніемъ независимыми отъ него. Это мы и сдѣлаемъ въ главѣ „Идеализмъ и естествознаніе“. Но прежде мы приведемъ доказательства несостоятельности идеальнаго субъективизма въ видѣ трехъ доказанныхъ положеній.

I. Связь души и тѣла (психофизическій параллелизмъ) доказываетъ существованіе ноуменальнаго міра, независимаго отъ сознанія.

Я разсматриваю рядъ тѣлъ природы: *A. B. C... F...* и *T.* Измѣняя каждое изъ нихъ, мы видимъ одно и тоже слѣдствіе: измѣняется это тѣло, а другія остаются въ прежнемъ видѣ. Но одно изъ нихъ имѣетъ исключительное свойство — это головной мозгъ. Измѣняя *F* (головной мозгъ), я измѣняю всѣ величины міра.

A. B. C.... U. T. суть функціи *F.* Между тѣмъ, какъ тѣла природы (по инертности, массѣ, химическому составу и т. д.) *F* не отличается отъ другихъ тѣлъ природы. $A = B = C = F = U = T$. Въ *F* такія же вещества, какъ и въ другихъ тѣлахъ.

Разность въ функціи при равенствѣ величинъ не объяснима съ точки зрѣнія феноменальнаго міра. Необходимо допустить, что тѣла природы—символы ноуменальнаго міра.

(Въ этомъ доказательствѣ я преднамѣренно замалчиваю существованіе другихъ „сознаній“, другихъ душъ, потому что душа другого, психика — вещь трансцендентная, ноуменальная по отношенію къ моему сознанію. Связь между нами можетъ быть только черезъ символы. Ноуменальнымъ я считаю трансцендентное моему сознанію и могущее объяснить недочеты феноменальнаго. Здѣсь крайняя уступка субъективизму).

II-е положеніе. Составъ сознанія указываетъ на вѣчность ноуменальнаго.

Доказательство.

Вѣчнымъ я называю то, что не измѣняется во времени.

Въ нашемъ сознаніи два міра:

а) область чувствъ, представленій, понятій.

b) область ощущеній, концепцій ощущеній (тѣлъ природы).

Какъ объяснить, не выходя изъ міра феноменальнаго, это раздвоеніе?

Кантіанцы объясняютъ это закономъ объектированія.

Сознаваніе „я“ немыслимо безъ сознаванія „не я“. Вотъ почему, объясняютъ они, мы видимъ „внѣшнюю“ природу въ противоположеніи съ „внутреннимъ“ я.

Законъ объектированія вѣренъ, но приложеніе его произвольно. Въ нашемъ сознаніи имѣется міръ чувствъ, представленій, понятій; испытывая ихъ, мы можемъ умозаключать объ испытывающемъ „я“. Въ этомъ мірѣ „узкой психики“ находитъ свое приложеніе законъ объектированія.

Откуда же „внѣшній“ міръ?

Онъ или *чудо* или результатъ взаимодѣйствія „трансцендентнаго къ моему сознанію съ „феноменальнымъ“. Ergo — ноуменальный міръ долженъ существовать. Мало того, во „внѣшнемъ“ мірѣ „нѣчто“ постоянно (энергія, сила, масса, все равно), слѣдов. постоянно одинаково дѣйствіе ноуменальнаго на мое сознаніе. А что одинаково во времени — то вѣчно.

III-е положеніе. Протяженность „внѣшняго“ міра доказываетъ, что протяженность также принадлежитъ къ ноуменальному.

Доказательство. Разъ доказано, что существуетъ ноуменальное и трансцендентное (за кругомъ моего сознанія ле-

жащее), то имѣется основаніе допустить существованіе другихъ людей, другихъ „сознаній“, такъ какъ другія существа такъ-же реагируютъ на явленія природы, какъ и „я“. Связь между этими существами и мною — черезъ символы, которые они возбуждаютъ въ моей душѣ. Изучая эти символы, я убѣждаюсь, что основной законъ жизни — эволюція, приспособленіе къ окружающей средѣ. Но „я“, существо среди другихъ, долженъ быть подчиненъ этому же закону. Слѣдовательно, все, что мною выработано, наиболѣе соотвѣтствуетъ (изъ возможнаго) „окружающей“ ноуменальной средѣ, познаваемой мною въ символахъ. Если понятіе о безконечномъ пространствѣ и о вѣчности болѣе во мнѣ не измѣняется, то, значитъ, я здѣсь достигъ предѣла „приспособленія“, адэкватнаго совпаденія съ аттрибутами-ноуменальнаго.

Отсюда выводъ: ноуменальное, неизвѣстное по качеству, по количеству — безконечно протяженіемъ и вѣчно въ своемъ существованіи.

При такомъ взглядѣ на познаніе легко разрѣшить вопросъ естественно-историческаго характера.

Что было до сознанія человѣка?

Міръ трансцендентный, протяженный и вѣчный.

Призракъ ли или нѣчто реальное все видимое нами въ телескопъ? — Реальное, хотя и постигаемое въ символахъ сознанія. Это реальное, дѣйствительно, обладаетъ протяженностью, какъ намъ и представляется.

Такую точку зрѣнія на познаніе и можно назвать, какъ мнѣ кажется, естественно-исторической. Ея принципъ: познаніе — перемѣнная величина, ноуменъ — предѣлъ.

ГЛАВА IV.

Идеализмъ и естествознаніе [1]).

Глава изъ онтологіи.

Человѣкъ сознаетъ себя въ центрѣ Вселенной, и вѣчный вопросъ, который онъ задаетъ себѣ, это вопросъ о томъ природа ли причина духа или духъ—творецъ природы, или то и другое суть лишь проявленіе существа болѣе высокаго, нежели міръ матеріальныхъ вещей и психическій міръ человѣка.

Этотъ вопросъ — наиважнѣйшій изъ всѣхъ другихъ.

Первый отвѣтъ на этотъ вѣковой вопросъ таковъ: Природа, явленія которой совершаются по законамъ механики,— единственная причина психическихъ явленій, слѣдов.—человѣческому духу не присущи ни свобода воли, ни безсмертіе. Въ этомъ сущность матеріализма.

Возможно и иное рѣшеніе вопроса. Природа — картина, нарисованная въ перспективѣ трехъ измѣреній силою человѣческаго духа, который долженъ быть свободнымъ и безсмертнымъ. Это—основа идеализма. На протяженіи исторіи мы видимъ господство то одной системы, то другой; но возможно еще и третье рѣшеніе вопроса.

Природа создана изъ нашихъ ощущеній; ей сосуществуетъ міръ протяженныхъ вещей, которому видимая природа соотвѣтствуетъ какъ приближенная величина къ своему предѣлу. Каждый разъ, какъ протяженное бытіе принимаетъ опредѣленную организацію и интенсивность, съ нимъ параллельно возникаетъ міръ сознанія, воли и чувствъ.

---

[1]) Докладъ, читанный въ засѣданіи С.-Петерб. Философскаго Общества.

Бытіе—ритмъ то возникающихъ, то уничтожающихся формъ протяженныхъ многообразій съ одной стороны, и ритмъ возникновенія и уничтоженія психическихъ концепцій — съ другой стороны. Что̀ соединяетъ эти два міра — вопросъ нерѣшимый. Неизмѣнно ли постояненъ ихъ параллелизмъ— тоже неизвѣстно.

Преимущество этого третьяго рѣшенія состоитъ въ томъ, что въ данномъ случаѣ неизвѣстность принципа, соединяющаго протяженный и психическій міры, не въ состояніи заставить человѣческую мысль отказаться отъ знанія извѣстнаго—двухсторонности бытія.

Философы часто опровергаютъ тезисы матеріализма: этимъ они удерживаютъ насъ отъ увлеченія внѣшнимъ, объективнымъ, матеріальнымъ. Мнѣ кажется, и критика идеализма тоже была бы полезна: она предохранила бы насъ отъ крайняго субъективизма. Кромѣ того, дѣйствительно, имѣются факты и соображенія, дѣлающіе идеализмъ одною изъ философскихъ системъ, но не лучшею, т. е. не окончательно доказанною, какъ и другія системы.

Идеализмъ — крайность, какъ и матеріализмъ, и эти системы могутъ навести на мысль, что человѣкъ переходитъ отъ одной крайности къ другой подъ вліяніемъ какой то причины, которая не только логическаго, но и моральнаго свойства. Исторія философіи можетъ невольно внушить мысль, что умъ человѣческій боится двойственности міра, его двухсторонности матеріальной и духовной. Умъ ищетъ единаго принципа. Не только умъ, но воля и сердце ищутъ единства. Мы невольно склоняемся къ тому, чтобы или весь міръ счесть психическимъ, идеальнымъ или вовсе отказаться отъ идеала и полагать, что все матеріально, неразумно, что и сама мысль — слѣдствіе свойствъ матеріи. Эти требованія ума и сердца освѣтить весь міръ съ одной точки зрѣнія могутъ оказаться однако требованіями субъективными: они могутъ не соотвѣтствовать дѣйствительности. Поэтому каждый разъ со всѣхъ точекъ зрѣнія мы должны провѣрять матеріализмъ и идеализмъ, желая убѣдиться, дѣйствительно ли вполнѣ согласны ихъ данныя съ данными опыта, если мы становимся на точку зрѣнія эмпирика, дѣйствительно ли они не противорѣчатъ положеніямъ логики, если мы избираемъ раціональный путь изслѣдованія.

Поэтому въ данной главѣ мы думаемъ сопоставить нѣкоторыя основныя положенія естествознанія съ принципами идеализма и посмотрѣть, насколько они покрываютъ другъ друга.

Прежде чѣмъ перейти къ разбору положеній идеализма, предпринимаемому для объясненія изъ нихъ фактовъ естествознанія, необходимо, конечно, дать опредѣленіе идеализма, чтобы строго установить его основную точку зрѣнія.

Идеализмъ представляется такою системою міропониманія, которая считаетъ протяженный міръ сѣтью, сотканной только изъ субъективныхъ, психическихъ явленій, при чемъ все равно, понимается ли подъ протяженнымъ міромъ капля воды съ кишащими въ нихъ тысячами организмовъ или вся вселенная съ безчисленными планетными и солнечными системами; объективный же міръ, внѣ психическихъ событій, считается проблемой или даже совершенно ненужнымъ предположеніемъ.

Идеализмъ этого рода имѣетъ два ряда доказательствъ— опытнаго характера на основаніи физіологіи и психологіи и гносеологическаго на основаніи ученія Канта объ апріорности пространства и времени.

Разсмотримъ сначала доказательства идеализма, почерпнутыя имъ въ физіологіи, психологіи (и въ теоріи воспріятія внѣшняго чувства.

Философы, опровергающіе матеріализмъ, всегда выставляютъ на видъ необъяснимость психическихъ явленій изъ аттрибутовъ матеріи, и мы, для испытанія идеализма, разсмотримъ нѣкоторыя данныя изъ естествознанія, насколько они объяснимы съ субъективно-идеалистической точки зрѣнія. Эти данныя будутъ:

1) Фактъ существованія нервной системы и замѣчательныя ея функціи.

2) Фактъ эволюціи, замѣченный въ процессахъ природы; фактъ приспособляемости организма къ свойствамъ внѣшняго (объективнаго) міра.

3) Законъ сохраненія энергіи, не приложимый, повидимому, къ явленіямъ психической жизни.

Прежде всего обратимъ вниманіе на первое обстоятельство. Между молекулярными измѣненіями мозга и психическими событіями существуетъ зависимость, найденная эмпирическимъ путемъ, что измѣненіе первой группы явленій

обусловливаетъ измѣненіе второй. (Вспомнимъ общеизвѣстные факты.—У обезьянъ, живущихъ особенно чувственной жизнью, развита преимущественно затылочная доля, у человѣка, живущаго мыслями и волевыми актами—преимущественно лобная доля. Изъ примѣровъ психопатологіи видно, что центръ зрѣнія въ затылочной долькѣ, центръ слуха—въ височныхъ долькахъ, кортикальные центры служатъ центрами представленій, субкортикальные узлы—центрами ощущеній... Третья лобная извилина и рейліевъ островокъ — центръ рѣчи, передняя часть лобной доли—центръ заключеній).

Что означаютъ эти факты съ точки зрѣнія идеализма? — Идеалистъ говоритъ, что всѣ тѣла природы суть только концепціи ощущеній, комплексы душевныхъ явленій. Нервная система—тоже тѣло, слѣдовательно концепція ощущеній. Когда измѣняется дерево, камень,—мое сознаніе не претерпѣваетъ измѣненій; когда же измѣняется строеніе моего мозга, вся моя душа испытываетъ глубокія перемѣны. Что это значитъ?

A. B..C. D. E. F... обозначимъ тѣла природы а сознаніе знакомъ y, мы можемъ формулировать свою мысль такъ, что когда измѣняются тѣла *A. B. C. D...*, душа по существу не измѣняется; когда же измѣняется величина F, y испытываетъ глубокія измѣненія. Слѣдовательно y функція F (центры первой системы).

$$Y = \phi\,(F)$$

Отсюда надо допустить, что или F (мозгъ), или нѣчто имъ выражаемое, или съ нимъ связанное— есть истинная причина явленій; F или $\phi\,(F)$ = какая нибудъ функція, которая не равна $y = [\psi(F)]$ есть реальный міръ, обусловливающій міръ душевныхъ явленій. Объ этомъ подробнѣе въ главѣ объ основоположеніи естественно исторической теоріи познанія. Доказавъ, что существуетъ объективный міръ, обуславливающій душевныя явленія, необходимо далѣе показать, что этотъ объективный міръ протяженъ, только тогда увидимъ несостоятельность идеализма.

Возможны два допущенія; первое — объективный міръ протяженъ, второе—къ объективному міру категорія протяженности неприложима. Эти допущенія равно возможны; но которое изъ нихъ наиболѣе объяснитъ законы міра и психической жизни, найденные эмпирическимъ путемъ?

Умозрѣніемъ или опытомъ разрѣшимъ этотъ вопросъ?

Можетъ быть, самое понятіе „опытъ“ уже показываетъ, что объективный міръ непознаваемъ, а природа — нѣчто субъективное? Въ самомъ дѣлѣ, опытъ — рядъ ощущеній, комплексъ субъективныхъ явленій, а такъ какъ природу мы узнаемъ только изъ опыта, то и вся природа — сумма ощущеній необходимыхъ и возможныхъ, и ничего болѣе; слѣдовательно — объективный міръ непознаваемъ и недоказуемъ. Это было бы такъ, если бы ощущеніе имѣло только одно опредѣленіе, но оно, къ нашему счастью, имѣетъ три опредѣленія:

1) Ощущеніе—фактъ только субъективный

или

2) Ощущеніе — неадэкватное испытываніе объективной вещи,

или

3) Ощущеніе—испытываніе объективной вещи, какъ она есть (фактъ объективный по содержанію).

Какъ рѣшить, которое изъ опредѣленій соотвѣтствуетъ природѣ вещей?—Для умозрѣнія возможны всѣ эти допущенія. Слѣдовательно, приходится обратиться опять къ опыту, а самое понятіе опытъ, какъ и всѣ отвлеченныя понятія, безъ фактовъ ничего не даютъ не только въ наукахъ, но и въ психологической теоріи познанія.

Теперь идеалистъ и его критикъ должны бороться равнымъ оружіемъ, согласившись въ двухъ положеніяхъ:

1) Что существованіе объективнаго міра доказано;

2) Что протяженъ онъ или нѣтъ—рѣшитъ или не рѣшитъ только опытъ, другихъ средствъ нѣтъ.

Опытъ бываетъ двоякій, внутренній и внѣшній. Внутренній даетъ намъ знаніе о психическихъ явленіяхъ, внѣшній опытъ учитъ знанію о природѣ, внутренне-внѣшній опытъ создаетъ самую интересную въ данномъ случаѣ область знанія — психофизіологію. Человѣкъ, перебирающій свои представленія и не наблюдающій природы и другихъ людей, никогда не объяснитъ ни происхожденія въ немъ сложныхъ психическихъ явленій, ни качества, ни разнообразія ихъ. Только наблюдая людей въ разномъ возрастѣ, онъ пойметъ

прошедшее и будущее своей души. Если же мы захотимъ узнать все разнообразіе психическихъ явленій и сложные ихъ синтезы, необходимо обратиться къ тщательному изученію нервной системы. Тутъ мы увидимъ, какой музыкантъ заключенъ въ нашихъ нервахъ, играющій на струнахъ нашей души! Вся сложность нервной системы имѣетъ значеніе въ деталяхъ психической жизни. Такъ нервныя волокна, связывающія нервныя клѣтки, весьма можетъ быть, играютъ нѣкоторую роль въ процессѣ синтеза психическихъ явленій, какъ нервы, идущіе къ периферіи тѣла, являются условіями волевыхъ процессовъ, подобно тому, какъ нервы, идущіе отъ органовъ чувствъ, являются созидателями внѣшняго воспріятія. Всѣ эти факты, наблюдаемые нами надъ другими, можно представить наблюдаемыми надъ самимъ собою. Далѣе, психологія показываетъ, что движеніе органовъ необходимое условіе для возникновенія представленія о разстояніи предметовъ, о фигурѣ ихъ.

Эти факты за что говорятъ?

— За міръ матеріальный, протяженный, объективный (нервная система и др. тѣла природы) и за психическія явленія, какъ за испытыванія этихъ матеріальныхъ вещей. Ощущеніе, судя по этимъ фактамъ—испытываніе протяженной вещи [1]).

Только фактъ существованія „субъективныхъ“ ощущеній заставляетъ насъ ввести поправку въ опредѣленіе ощущенія, выведенное изъ опыта. Ощущеніе есть неадэкватное испытываніе протяженной вещи, т. е. событій нервной системы и другихъ матеріальныхъ предметовъ.

Если бываютъ случаи, что мы видимъ или слышимъ вещи, которыхъ нѣтъ, за то никогда не бываетъ, чтобы мы видѣли или слышали безъ происходящей въ тоже время протяженной нервной дѣятельности.

Изъ этихъ примѣровъ можно сдѣлать два заключенія: 1) Существуетъ матеріальная, протяженная природа и въ организмахъ совершается рядъ психическихъ процессовъ; 2) ощущеніе, обусловленное дѣятельностью нервной системы, есть испытываніе, хотя неадэкватное, совершающихся въ мірѣ протяженныхъ явленій. Изъ нихъ отнюдь не получается вы-

---

[1]) Глава „о положеніяхъ противъ субъективизма“.

вода—природа только субъективное явленіе. Нѣтъ ни одного психическаго явленія безъ протяженной нервной дѣятельности, нервная дѣятельность обусловливается и возбуждается событіями въ протяженномъ мірѣ;—откуда же выводъ: „Все субъективно“? А фактъ эволюціи въ животномъ царствѣ и законъ сохраненія энергіи положительно говорятъ, что идеализмъ не есть система болѣе доказанная, чѣмъ другія, хотя бы, наприм., символическій реализмъ.

Фактъ эволюціи вообще хорошо описанъ, какъ процессъ дифференціаціи и интеграціи; оба эти процесса управляются однимъ принципомъ въ животномъ мірѣ — приспособляемостью живыхъ организмовъ къ свойствамъ объективнаго міра. Эволюціонная теорія говоритъ, что изъ простыхъ организмовъ, одноклѣточныхъ или одноядерныхъ, развились всѣ существующіе виды, подобно тому, какъ изъ одного зерна развивается дерево со всѣми своими вѣтвями и листьями. Вѣтви органическаго дерева—роды и виды. Одна вѣтвь отъ другой не происходитъ, такъ видъ или родъ не превращается непосредственно въ другой, но всѣ произошли изъ простѣйшихъ. Впрочемъ, каждая самостоятельная вѣтвь можетъ дать свои побѣги (разновидности).

Инстинкты возникаютъ и измѣняются подъ вліяніемъ естественныхъ причинъ параллельно съ возникновеніемъ и измѣненіемъ нервныхъ центровъ организма. Изъ инстинкта развился умъ, болѣе подвижный и быстро развивающійся въ индивидуумѣ, чѣмъ первый. Руководящимъ принципомъ въ этомъ развитіи является реальный міръ, его аттрибуты. Тѣ животныя, у которыхъ представленія наиболѣе соотвѣтствуютъ объективнымъ вещамъ, выживаютъ, остальныя гибнутъ въ борьбѣ за существованіе. Психическій міръ приспособляется, конструируется по образцу протяженнаго объективнаго міра. Микрокосмъ стремится быть въ гармоніи съ макрокосмомъ. Слѣдовательно, выработанныя ощущенія, представленія, понятія человѣка наиболѣе изъ возможныхъ соотвѣтствуютъ вещамъ, существующимъ объективно. Познаніе стремится быть адэкватнымъ съ познаваемымъ. Первое — перемѣнная величина, второе—предѣлъ. Это — эволюція. Теорія символизма думаетъ, что символы безконечно приближаются къ вещамъ. Символизмъ долженъ быть реалистическимъ. Наши внѣшнія чувства, копирующія природу, развивались вѣками; ми-

кроскопы и телескопы далѣе приближаютъ содержаніе нашихъ ощущеній къ свойствамъ протяженнаго міра.

Тенденція этихъ фактовъ такова, что разъ развились въ насъ представленія о протяженномъ мірѣ, то значитъ этотъ міръ такъ или иначе существуетъ, хотя, быть можетъ, и не совпадаетъ абсолютно съ нашими представленіями. Въ самомъ дѣлѣ, иначе вѣдь необъяснима разница между концепціями ощущеній, испытываемыхъ всѣми, и между грезами, существующими только для субъекта.

Не только то обстоятельство, что ощущеніе весьма отличается отъ представленія, нарушаетъ единство идеализма, а и вообще, чѣмъ больше мы будемъ спрашивать о разнообразіи психическихъ явленій, тѣмъ менѣе услышимъ отвѣтовъ отъ идеализма. Что такое качество ощущеній съ точки зрѣнія идеализма — цвѣта, звуки, осязаніе и т. д. Эволюціонизмъ, признающій міръ протяженный, объективный и міръ психическій, субъективный, говоритъ, что организмы выработали разнообразное постиженіе, разнообразную символизацію дѣйствительности, болѣе и болѣе приближаясь къ разнообразію бытія. Разнообразіе количества бытія вызываетъ разнообразіе качества субъективнаго міра. Идеалистъ никакъ не объяснитъ этихъ явленій. Что такое субъектъ съ его точки зрѣнія? „Трансцендентальное я“ отвергнуто еще Шопенгауеромъ. Единства личности не существуетъ. Что соединяетъ ощущеніе и представленія въ одинъ душевный организмъ? Отвѣта нѣтъ въ идеализмѣ. Вспомнимъ слова Милля, что какъ части ожерелья соединены нитью, такъ и отдѣльные психическіе акты должны быть объединены духомъ. Но Джемсъ говоритъ, что теорія духа не объясняетъ раздвоенія личности. Актуальное понятіе души не удовлетворяетъ никого, потому что изъ единства душевнаго процесса нельзя объяснить все разнообразіе психическихъ явленій. Всѣ эти явленія понятны для эволюціониста, признающаго протяженный объективный міръ. Какъ въ организмѣ, хотя есть нѣкоторая система, но нѣтъ полнаго единства, такъ въ душевныхъ явленіяхъ, при системѣ, нѣтъ постояннаго тожества личности. Параллелизмъ психическихъ и матеріальныхъ явленій на ограниченномъ пространствѣ объясняетъ порядокъ теченія психическихъ явленій и разнообразіе ихъ концепцій.

Далѣе, законъ постоянства энергіи является сильнымъ доводомъ за реалистическій дуализмъ, за символическій реализмъ и служитъ противъ идеализма.

Во всемъ рядѣ естественныхъ процессовъ нѣтъ такого круговорота, который давалъ бы возможность пріобрѣсти механическую силу безъ соотвѣтствующей затраты. Perpetuum mobile—невозможно. При ударѣ получается теплота, которая предъ грозой переходитъ въ электричество и т. д.

Обративъ затѣмъ вниманіе на такое, напр., явленіе, какъ постоянство вѣса, мы видимъ, что ничего подобнаго намъ не найти въ мірѣ чувствъ и ощущеній; какъ объяснитъ эти особенности фактовъ психическихъ и тѣлесныхъ идеалистъ, признающій міръ только субъективный?[1])

Такимъ образомъ мы видимъ, что необходимо допустить существованіе двухъ міровъ: міра энергіи (матеріи, силы) и міра ощущеній. Вторая область стремится быть равной первой.

Познаваніе есть безпрерывное приближеніе явленій ума и чувствъ къ объективнымъ вещамъ. Міръ вещей — предѣлъ, міръ ощущеній и понятій — перемѣнная величина. Такъ пересѣченіе системы прямыхъ въ предѣлѣ стремится создать поверхность геометрическаго тѣла.

Какъ связаны между собой эти два міра? — Неизвѣстно. И эту неизвѣстность нужно постоянно имѣть въ виду, ясно признавая, что только при этомъ условіи и при вѣрномъ пониманіи возможно истинно научное міросозерцаніе. Несоблюденіе этихъ требованій вело къ безчисленнымъ заблужденіямъ.

Каковъ же объективный міръ, міръ энергіи?

Мы о немъ должны судить по его символамъ. О предѣлахъ судятъ по перемѣннымъ величинамъ. Опытъ показываетъ, что геометрія Эвклида имѣетъ мѣсто приложенія въ явленіяхъ природы; отсюда мы дѣлаемъ заключеніе, что пространство, гдѣ движутся свѣтила, — эвклидовское, слѣдовательно оно по самому опредѣленію безконечное, допускающее безконечныя параллельныя плоскости и безконечныя параллельныя линіи. Но мы раньше доказали, что наше познаваніе — приближающаяся величина, а міръ вещей

---

[1]) Глава „физическое и психическое".

въ себѣ — предѣлъ; если пространство, изучаемое нами, безконечно, значитъ, и абсолютное пространство тоже безконечно, ибо перемѣнная величина и предѣлъ не противоположны другъ другу. Относительно вещества природы мы не знаемъ, занимаетъ ли оно безконечное пространство или сосредоточено на конечномъ протяженіи. Умозрѣніе здѣсь ничего не говоритъ, разсужденія Риля о конечности матеріи не имѣютъ логической силы: онъ на основаніи закона постоянства энергіи думаетъ, что энергія въ количествѣ конечна, потому что только конечное можетъ быть постоянной величиной; но онъ забываетъ, что законъ сохраненія энергіи выведенъ изъ конечныхъ системъ (солнечной, системы земныхъ явленій и т. д.) и только къ нимъ примѣнимъ; о безконечной Вселенной тутъ не можетъ быть и рѣчи, не изъ нея выводится законъ сохраненія энергіи и не къ ней примѣняется. Разсужденія ничего не говорятъ ни о конечности, ни о безконечности матеріи. Опытъ астрономіи даетъ примѣры, что конецъ предполагать мы не имѣемъ никакихъ основаній; астрономическія трубы открываютъ все новые міры, все новыя вселенныя. За то физика и химія приходятъ къ заключеніямъ, что вѣчное движеніе, вѣчную дѣятельность мы должны предполагать въ основаніи явленій; здѣсь наше познаваніе приближается къ предѣлу, и этотъ предѣлъ — разнообразное движеніе, колебаніе, волненіе. Двѣ вещи — безконечность абсолютнаго пространства и не прекращающееся въ немъ движеніе — только и извѣстны наукѣ и философіи. Нашему же представленію времени въ мірѣ вещей соотвѣтствуетъ движеніе. Что такое сутки, какъ не движеніе земли вокругъ своей оси, годъ — движеніе земли около солнца? Абсолютнаго пространства и движенія достаточно, чтобы объяснить въ насъ представленіе времени. Слѣдовательно, время чисто психическій, субъективный фактъ; какъ представленіе и синтезы ихъ, такъ и время — они не имѣютъ тожественныхъ себѣ предметовъ въ мірѣ вещей.

Поэтому пространство и время, какъ условія локализаціи и распредѣленія ощущеній — глубоко различаются между собою тѣмъ, что пространству въ мірѣ вещей въ себѣ соотвѣтствуетъ пространство же, а времени — движеніе въ пространствѣ, но не время. Слѣдовательно пространство

субъективно - объективный фактъ, а время — чисто - субъективное явленіе. Неразличеніе этихъ двухъ формъ нашей душевной жизни всегда вело къ большимъ заблужденіямъ.

Итакъ какъ природа, символъ міра вещей, безконечна и богата разнообразіемъ, такъ и міръ вещей въ себѣ, предѣлъ природы, безконеченъ и разнообразенъ разноколичественными движеніями, и эти два міра не противоположны другъ другу, но нашъ умъ и наши чувства вѣчно приближаются одинъ къ другому.

Зависимость же между ними, т. е. между психическими явленіями и событіями въ мірѣ вещей, хотя и должна быть констатированною, въ существѣ своемъ однако необъяснима, потому что опытъ — единственный источникъ знанія, а возникновеніе ощущенія не наблюдается въ мірѣ и не самонаблюдается, этотъ фактъ стоитъ внѣ всякаго опыта и онъ совершенно непознаваемъ. Всѣ наши попытки къ его объясненію — неудачные символы этого акта міра.

Такъ же совершенно непонятно намъ, какъ Высочайшее Существо, требуемое мыслью и сердцемъ, управляетъ міромъ, гдѣ всюду господствуютъ механическіе законы. Отказаться мыслью отъ Верховнаго Существа мы не можемъ, потому что механическіе законы даютъ гармонію міра и чудо жизни, и невольно думается, что эти механическіе законы — продуктъ высочайшаго ума. Итакъ — это фактъ непонятный для насъ также, какъ непонятна зависимость между мыслью и матеріей.

Чтобы окончательно убѣдиться, успокоиться на „предѣльномъ ученіи о мірѣ“, нужно еще показать, что трансцендентальный идеализмъ Канта, не смотря на всю стройность и величіе его системы, въ основѣ своей остается всетаки недоказаннымъ,

Начнемъ съ доказательствъ Канта объ апріорности пространства. т. е. опровергнуть гносеологическія основанія идеализма, но это мы сдѣлаемъ въ главѣ „критика Канта“.

Первое доказательство Канта состоитъ въ слѣдующемъ: Если бы, говоритъ онъ: мы не имѣли способности, присущей разуму a priori располагать свои ощущенія въ пространствѣ, мы не имѣли бы предметовъ внѣшняго воспріятія: ощущенія не могутъ быть сознаны, если они своей совокупностью не

составляютъ предмета, расположеннаго въ пространствѣ. Во вторыхъ, пространство, по мнѣнію Канта, можно мыслить пустымъ, но невозможно представлять или понимать вещи внѣ пространства. Значитъ, пространство — чистая форма созерцанія, условіе a priori предметовъ нагляднаго представленія.

Въ третьихъ, синтетическія сужденія a priori въ геометріи являются доказательствомъ, что пространство апріорно, иначе теоремы геометріи не были бы приложимы къ міру явленій.

Мнѣ кажется, что въ первомъ аргументѣ Канта уже предрѣшается сложный вопросъ психологіи: возможно ли происхожденіе пространства изъ непротяженныхъ ощущеній? Школа генетивистовъ (Вундтъ) находитъ единственно возможнымъ отвѣтомъ на этотъ вопросъ слѣдующее: какъ сложные звуки получаются изъ элементарныхъ посредствомъ синтеза психическихъ явленій, такъ сложное представленіе пространства должно возникать изъ элементарныхъ нелокализированныхъ ощущеній. Правы генетивисты или нѣтъ, но у Канта во всякомъ случаѣ мы находимъ не рѣшеніе, а предрѣшеніе вопроса. Предрѣшеніе же никогда не можетъ быть аргументомъ въ пользу болѣе сложной мысли.

Относительно второго положенія нужно сказать, что если пространство можно мыслить пустымъ, что если оно неустранимо, то изъ этого нельзя еще выводить, что оно apriori'но: 1) пространство (какъ форма созерцанія) могло возникнуть за порогомъ сознанія; 2) пространство — можетъ быть форма бытія, интуитивно созерцаемая.

Третье соображеніе Канта въ пользу доопытнаго происхожденія пространства — это всеобщность и необходимость геометрическихъ истинъ.

Въ противовѣсъ этому можно привести взгляды новѣйшихъ математиковъ. Такъ въ статьѣ „объ основныхъ гипотезахъ геометріи Пуанкарэ говоритъ слѣдующее: можно спросить себя, что представляютъ собою эти гипотезы (такія, что плоскость имѣетъ два измѣренія или что сумма угловъ треугольника постоянна)? факты ли, полученные изъ опыта, или сужденія аналитическія и синтетическія a priori? Мы должны отрицательно отвѣтить на эти три вопроса. Если бы эти гипотезы были фактами опыта и наблюденія, то

геометрія подлежала бы постоянному пересмотру, а не была бы наукой точной; еслибы это были синтетическія сужденія a priori, а тѣмъ болѣе аналитическія, то невозможно было отрѣшиться отъ нихъ и на ихъ отрицаніи ничего нельзя было бы построить...

Такимъ образомъ основныя гипотезы геометріи не суть факты, добытыя изъ опыта; но наблюденіе надъ нѣкоторыми физическими явленіями приводитъ къ выбору ихъ именно изъ числа всѣхъ возможныхъ гипотезъ".

Отсюда мы видимъ, что мнѣнія нѣкоторыхъ математиковъ не совпадаютъ съ мнѣніемъ Канта. Совпаденіе эвклидовской геометріи съ данными опыта не можетъ считаться доказательствомъ апріорности пространства еще и потому, что оно объяснимо простымъ допущеніемъ эвклидовскаго пространства въ мірѣ, и дѣло будущаго окончательно разъяснить, какое допущеніе вѣрнѣе, когда будетъ уяснено: многообразіе міра подчинено закону геометріи или какой иной. Такимъ образомъ третій аргументъ Канта есть только фактъ, допускающій разныя объясненія.

Въ данномъ случаѣ намъ нужды нѣтъ подвергать разбору трансцендентальную аналитику Канта, потому что если положенія трансцендентальной эстетики, самой строгой части сочиненія, не являются вполнѣ доказанными, то тѣмъ болѣе споровъ можетъ возникнуть при разсмотрѣніи аналитики понятій; а съ другой стороны, для насъ достаточно и того, что Кантъ не окончательно доказалъ апріорность пространства, слѣдовательно, возможно, что пространство апостеріорно; оно, быть можетъ, возникаетъ, благодаря опыту, движенію сознающаго субъекта между тѣлами, находящимися въ объективномъ пространствѣ, значитъ, возможно допущеніе, что существуетъ протяженный объективный міръ, копіей котораго является міръ субъективный, т. е. не доказано, что идеализмъ — единственно вѣрная система пониманія природы и человѣка.

Я могъ бы на этомъ остановиться, но предвижу упрекъ, который мнѣ сдѣлаютъ тѣ, кто философскія системы всѣ, за исключеніемъ системы Канта, считаетъ догматическими. Прежде всего, самая постановка вопроса у Канта антинаучна, а именно: онъ изучаетъ явленія уже философски развитаго сознанія и интеллекта и отсюда уже дѣлаетъ свои

выводы. Далѣе, весьма рискованно, если не болѣе, представлять весь процессъ познанія, какъ процессъ ясно сознаваемый, что дѣлаетъ Кантъ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ образованіе представленій пространства и времени и постиженіе матеріальныхъ вещей могутъ происходить до процессовъ ясно сознаваемыхъ, т. е. въ глубинѣ, подъ порогомъ сознанія. Но кромѣ этого, вставши на точку зрѣнія трансцендентальнаго идеализма, я долженъ сказать, что эта система не чужда догматизма.

Разсматривая поле сознанія Кантъ находитъ, что пространство и время — формы созерцанія. Отчего же они не объекты созерцанія, а формы? Отчего же они не вещи въ себѣ, интуитивно постигаемыя сознаніемъ? Кантъ говоритъ, что они неустранимы изъ сознанія, оттого и называетъ ихъ формами, а вѣдь можетъ быть, что они формы бытія, непосредственно созерцаемыя, и неустранимы изъ поля сознанія потому, что эти формы бытія неустранимы отъ вещей, а сознаніе адэкватно вещамъ. Такія разсужденія Канта, что пространство и время не вещи въ себѣ, потому что они не аттрибуты и не субстанціи,— очень мало убѣдительны. Пространство и время могутъ быть формами бытія, не будучи ни аттрибутами, ни субстанціями. А то, что адэкватное постиженіе вещей — процессъ таинственный, не уничтожаетъ такого предположенія, точно такъ какъ таинственность того, что сознаніе имѣетъ формы созерцанія, категоріи и т. д., не удерживаетъ Канта отъ изложенія и трактованія подобныхъ вещей.

Далѣе, Кантъ, разсматривая предметы внѣшняго міра, объясняетъ ихъ реальное бытіе въ полѣ сознанія, какъ синтезъ представленія съ категоріей причинности или какой-либо другой; но вѣдь возможно, что необходимость объектированія предмета обусловливается непосредственнымъ познаніемъ самаго существованія вещей? Разбирая сочиненія Канта, вездѣ видимъ мы предрѣшеніе въ пользу субъективизма и ученія о сознаніи, какъ о чемъ то замкнутомъ внутри „я“. Такое предрѣшеніе есть догматизмъ, какъ предположеніе объективнаго міра — тоже догматизмъ. Все отличіе догматизма Канта отъ догматизма естественно-исторической системы состоитъ только въ томъ, что послѣдній создалъ всѣ науки, а кантовская точка зрѣнія является

только попыткой объяснить весь сложный міръ матеріальныхъ вещей, волевыхъ движеній, сферы идей, темной области чувствъ изъ однихъ ясно сознанныхъ положеній — концепцій нашего ума, для этого заключеннаго въ самомъ себѣ, Это попытка — перестроить зданіе міра, начиная съ крыши, не изслѣдовавъ и не зная фундамента.

ГЛАВА V.

Однако, и на все это можно сдѣлать возраженіе. „Вы опровергаете теорію познанія Канта психологическими соображеніями, а психологія—наука догматическая безъ теоріи познанія". Поэтому нужно опровергнуть трансцендентальную теорію Канта тоже на основаніи гносеологическихъ разсужденій. Это мы сдѣлаемъ въ главѣ „о философіи Канта", гдѣ показано, что онъ самъ смѣшалъ психологію съ теоріей познанія. Да и вообще теорія познанія немыслима безъ данныхъ науки (въ томъ числѣ и психологіи). Дѣло теоріи познанія лишь въ томъ, чтобы расположить данныя науки въ логическій порядокъ и представить опытъ человѣчества, какъ опытъ одной личности, все выводящей изъ аксіомы.

Логическія противорѣчія въ системѣ Канта.

1. Трансцендентальный методъ не имѣетъ права пользоваться никакимъ другимъ. Кантъ пользуется втайнѣ отъ себя методомъ психологическимъ, когда говоритъ: явленія—мои представленія. Онъ долженъ былъ говорить такъ: для меня данныя вещи существуютъ въ пространствѣ. Существуютъ вещи, существуетъ пространство". Здѣсь не можетъ быть рѣчи о формахъ созерцанія апріорныхъ. Вещи существуютъ, я ихъ созерцаю, причемъ тутъ апріорность, когда все дано вмѣстѣ, и вещи и сознаніе ихъ. Мысль, что изъ существованія вещей нельзя вывести положенія, чтобы было сознаніе, только говоритъ о томъ, что сознаніе невыводимо.

Сказать „пространство форма созерцанія“ нельзя, ибо пространство существуетъ, существуютъ и вещи. Ни вещи не зависимы отъ пространства, ни пространство не зависимо отъ вещей. Такъ кажется для сознанія. Кантъ допустилъ тайное положеніе „вещи суть представленія нашего духа“, функціи сознанія, слѣдовательно, пространство — форма созерцанія. Это допущеніе Кантъ заимствовалъ у прежнихъ философовъ, слѣдовавшихъ психологическому пониманію теоріи познанія. Безъ психологическаго разумѣнія не можетъ быть трансцендентальной теоріи познанія.

2. Кантъ полагалъ, что существуютъ въ умѣ синтетическія сужденія a priori. Ни откуда это не видно. „Все имѣетъ свою причину“, „при всѣхъ измѣненіяхъ нѣчто неизмѣнно“ навѣяны намъ изъ книгъ отъ другихъ людей. Получились ли эти истины другими людьми опытнымъ путемъ или онѣ — сужденія апріорныя — неизвѣстно до тѣхъ поръ, пока этотъ вопросъ не подвергнутъ тщательному историческому изслѣдованію.

Такимъ образомъ Кантъ пользуется случайными особенностями своего ума (присутствіемъ въ его умѣ синтетическихъ сужденій a priori, которыя могли бы и не быть, еслибы онъ не читалъ прежнихъ философовъ) и дѣлаетъ выводы, построяющіе трансцендентальную теорію познанія.

Снова мы видимъ, что трансцендентальная теорія познанія невозможна безъ историческаго пониманія вещей до тѣхъ поръ, пока умъ, создавшій эту теорію, не докажетъ абсолютную „свою чистоту“, его полную неприкосновенность къ историческимъ вліяніямъ.

Ясно слѣдуетъ отсюда, что трансцендентальная теорія невозможна. А психо-историческая догматична. Спрашивается, какъ же быть при такомъ положеніи вопроса? Сознаніе ясно говоритъ, что существуютъ вещи, существуютъ другіе люди, которые сказали мнѣ, что нѣтъ измѣненія безъ причины, что при всѣхъ измѣненіяхъ нѣчто пребываетъ неизмѣннымъ. Сознаніе говоритъ, что совершенно неизвѣстно, что было въ моемъ умѣ, пока другіе люди не сообщили мнѣ разныхъ вещей. Трансцендентальный методъ изслѣдованія невозможенъ. Историко-психологическій методъ изслѣдованія дастъ намъ естественно-историческую теорію познанія, которая можетъ показать, что такъ называемыя син-

тетическія сужденія a priori—опытнаго характера, слѣдовательно индукціи, а необходимость ихъ для нашего ума объясняется отсутствіемъ критическаго къ нимъ отношенія. Можетъ оказаться, что законъ тожества, прилагаемый нами къ природѣ, дѣлаетъ эти сужденія аподиктическими. Самъ же законъ тожества—опытнаго характера, какъ результатъ формулированія фактовъ видѣнія, при которыхъ предметъ *А* остается самимъ собою. Все получается изъ внѣшнихъ чувствъ и способности формулированія. Способность же формулированія есть комбинація понятій, понятія — символы представленій, представленія—повторенныя ощущенія. Все возникаетъ изъ внѣшнихъ чувствъ путемъ вѣковъ и тысячалѣтій.

Отличается ли естественно-историческая теорія познанія отъ психологіи?

Она является приложеніемъ данныхъ психологіи къ историческому разсмотрѣнію основъ познанія и развитія. Данныя психологіи и принципъ эволюціи созидаютъ теорію познанія.

Теорія наукъ выводная, она слѣдуетъ за познаніемъ. Теорія познанія — исторія первоначальной мысли—исторія философіи. Философію въ наше время считали за теорію познанія и противополагали другимъ наукамъ. Къ сожалѣнію, это совершенно напрасно. Вопросы о пространствѣ принадлежатъ математикѣ, остальныя части теоріи познанія другимъ наукамъ. Она производная, синтезирующая наука.

Однако, такое изслѣдованіе приведетъ къ констатированію способности ощущать „объемно“ и „во времени“, способности къ „соединенію представленій“. Эти способности апріорны. И такъ мы вновь приходимъ къ *апріорному*.

Слѣдовательно, въ человѣкѣ способность ощущать апріорна, мышленіе (связь представленій) апріорно, но это все въ первичномъ видѣ. Развитіе, дифференціація—опытны и представляютъ результатъ приспособленія ума къ бытію и къ мыслямъ другихъ. Все стремится къ гармоніи съ Богомъ (природой) и другими людьми.

Какъ возникли эти способности?—Онѣ возникли не изъ опыта, а потому неизвѣстны. Онѣ даны вмѣстѣ съ организаціей человѣка (и всякаго организма). Самыя первыя нити познанія намъ не даны, какъ и основы бытія.

Отсюда видно также, что мысль о бытіи не искоренима, и мы всегда должны представлять исторію человѣка, какъ приближеніе мысли къ бытію. Получается недоконченная теорія познанія. Но можетъ ли быть что-либо абсолютно законченнымъ въ этомъ мірѣ, гдѣ все безконечно, гдѣ огромными усиліями достигается лишь малое проявленіе неизвѣстнаго. Общеобязательной теоріи познанія нѣтъ и быть не можетъ. Въ этомъ вопросѣ необходимо „снисхожденіе“ противной сторонѣ.

Часть II.

Пространство, время, матерія съ точки зрѣнія перемѣннаго и предѣла въ гносеологіи.

ГЛАВА I.

Мы пришли къ такимъ заключеніямъ:

a) Существуетъ трансцендентное, кромѣ міра явленій сознанія.

b) Міръ явленій—природа, какъ нами она ощущается.

c) Міръ явленій—перемѣнная величина, трансцендентный предѣлъ.

d) Нѣкоторыя свойства міра явленій (пространство, вѣчность, энергія) совпадаютъ съ свойствомъ трансцендентнаго.

e) Зависимость между трансцендентнымъ и міромъ явленій можно понимать въ нѣкоторой степени по типу соотвѣтствія физическаго и психическаго.

Эти положенія даютъ направленія нашимъ дальнѣйшимъ изысканіямъ. Такъ какъ положенія a), b) и c) уже выяснены, намъ нужно остановиться еще на утвержденіи d) и e), чтобы возможно выяснить ученіе о безконечности природы и трансцендентнаго, и понять, сколько это возможно при нашихъ слабыхъ силахъ, зависимость „физики“ и „психики“. Только послѣ этихъ вопросовъ можно будетъ перейти къ разсмотрѣнію высшихъ свойствъ духа (морали, эстетики, религіи) съ точки эволюціонной философіи.

Итакъ первое, что нужно разсмотрѣть, это ученіе о безконечности пространства и вещества (также и о безконечности трансцендентнаго, какъ предѣла первой безконечности).

Уясненіе же соотношенія и вліянія „физическаго“ на „психическое“ необходимо для пониманія происхожденія высшихъ свойствъ „духа“.

О безконечности пространства и вещества.

Съ понятіемъ безконечности мы встрѣчаемся въ разныхъ дисциплинахъ: и въ алгебрѣ, и въ дифференціальномъ, и въ интегральномъ исчисленіяхъ, и въ геометріи, и въ философіи. Это понятіе, однако, въ этихъ наукахъ не вездѣ имѣетъ одинаковый объемъ и одинаковое содержаніе. Въ алгебрѣ и въ анализѣ оно имѣетъ относительное значеніе, въ геометріи же, и въ философіи абсолютное. Начнемъ съ алгебры. Знакъ безконечности въ алгебрѣ ∞ основное выраженіе этого знака $\frac{a}{\infty} = o$; легко доказать, что если подъ ∞ будемъ разумѣть число, заключающее въ себѣ безконечное число единицъ, то выраженіе $\frac{a}{\infty}$ не имѣетъ въ себѣ никакого смысла. Какъ понять дѣленіе конечнаго числа a на безконечное число? Дѣйствія умноженія и дѣленія мы можемъ совершать только надъ конечными числами, а безконечность не есть число, потому что оно ни съ чѣмъ несравнимо. Съ другой стороны $\frac{a}{\infty} = o$ заключаетъ въ себѣ противорѣчія, если подъ ∞ мы будемъ подразумѣвать обсолютно безконечное число, потому что тогда частное будетъ абсолютное o, и получится, что $a = o + o + o + \ldots\ldots$, т. е, $a = o$. Многіе математическіе софизмы созданы именно на этомъ положеніи. Выраженіе $\frac{a}{\infty} = o$ имѣетъ полную ясность, если подъ знакомъ ∞ будемъ подразумѣвать большое конечное число, столь большое, что a, раздѣленное на него, даетъ частное o; причемъ подъ o полагаемъ конечное малое число, не вносящее въ наши вычисленія и соображеніе погрѣшности бо́льшей, чѣмъ мы это заранѣе себѣ опредѣлили. Такъ какъ мы ставимъ себѣ разные предѣлы погрѣшности, то и o имѣетъ разное значеніе, но каждый разъ конечное и опредѣленное.

Слѣдовательно, въ выраженіи $\frac{a}{\infty} = o$, ∞ конечное большое число, а o конечно-малое число, хотя они и называются безконечно-большимъ и безконечно-малымъ вслѣдствіе того, что имѣетъ разныя значенія въ разныхъ вопросахъ.

Теперь, если мы перейдемъ къ высшей математикѣ, къ анализу, то тамъ встрѣтимъ знакъ dx и $\frac{a}{dy}$, означающія тоже, что o и ∞. Въ самомъ дѣлѣ дифференціальное и интегральное исчисленіе имѣютъ дѣло только съ конечными числами. Возьмемъ очень простую функцію $y = x^3$; допустимъ, что x возрастаетъ на величину Δx столь малую, что Δx меньше погрѣшности, допускаемой въ данной задачѣ, въ данной системѣ конечныхъ величинъ, тогда

$$y + \Delta y = (x + \Delta x)^3 = x^3 + 3x^2\Delta x + 3x\Delta x^2 + \Delta x^3.$$

Какъ Δx ничего не значитъ въ сравненіи съ x и съ другими данными вопроса и задачи, такъ Δx^2 и Δx^3 являются величинами неуловимо-малыми, въ сравненіи съ Δx, поэтому

$$y + \Delta y = x^3 + 3x^2\Delta x,$$

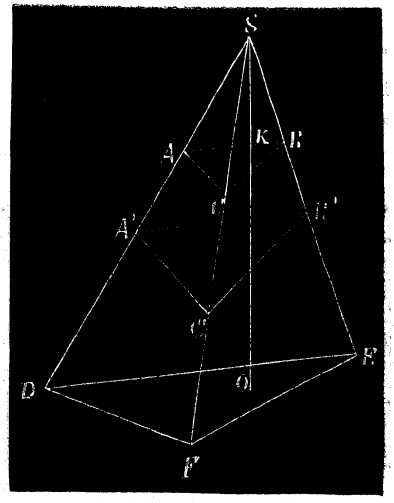
а

$$\Delta y = 3x^2\Delta x,$$

или

$$dy = 3x^2dx.$$

Послѣднее выраженіе есть дифференціалъ функціи $y = x^3$. Такъ какъ интегральное исчисленіе есть дѣйствіе обратное дифференцированію, то, очевидно, оно не вноситъ новыхъ принциповъ. Для иллюстраціи возьмемъ простѣйшій примѣръ. Дана пирамида $SDEF$, гдѣ $ABC \parallel DEF$. Пусть $Sk = x$, а объемъ $SABC = y$, тогда $y = f(x)$.



Если дадимъ приращеніе x, то получится тонкій листъ

$ABC\ A'B'C'$ (призма),

обозначая площадь $ABC = b$, объемъ призмы $ABC\,A'B'C' = b \cdot \Delta x$; эта призма есть приращеніе объема Δy, слѣд.

$$\Delta y = b \,.\, \Delta x,$$

а такъ какъ

$$\frac{DEF}{b} = \frac{a}{b} = \frac{So^2}{Sk^2} = \frac{L^2}{x^2},$$

то

$$b = \frac{ax^2}{L^2}$$

и

$$\Delta y = \frac{ax^2}{L^2}\ \Delta x,$$

что тоже

$$dy = \frac{ax^2}{L^2}\ dx = \frac{a}{L^2}\ .\ \underline{x^2 dx}.$$

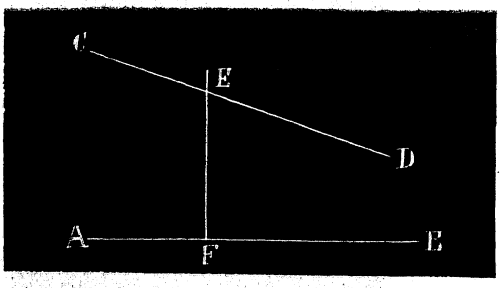
Мы видѣли выше, что дифференціалъ $dy = 3x^2 \,.\, dx$ получается отъ функціи $y = x^3$, слѣд. $dy = \frac{a}{3L^2}\ 3x^2 dx$ получается отъ $y = \frac{a}{3L^2}\ x^3 =$ объемъ $SABC$; если $x = L$, то

$$y = \frac{a}{3L^2}\ L^3 = \frac{aL}{3}.$$

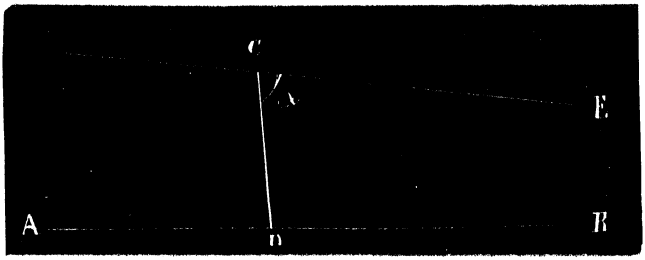
Такимъ образомъ понятіе безконечности въ алгебрѣ заключаетъ въ себѣ слѣдующее содержаніе:

Подъ безконечностью или безконечно большимъ числомъ въ алгебрѣ и въ анализѣ понимаютъ такое конечное большое число, по раздѣленіи на которое каждое данное число задачи дастъ частное, ускользающее изъ предѣловъ погрѣшности, принимаемой въ разсчетъ условіями данной задачи.

Иное дѣло геометрія. По крайней мѣрѣ геометрія Эвклида и геометрія Лобачевскаго заключаютъ въ себѣ абсолютную безконечность. На плоскости Эвклида, если $AB \perp EF$, а CD подъ угломъ $\alpha < 90^0$, то AB и CD пересѣкаются на разстояніи конечномъ отъ точки F; но если и AB и CD обѣ перпендикулярны къ EF, то пересѣченіе CD и AB совершится только на разстояніи абсолютно безконечномъ отъ точки F.



Вѣтви параболы AB и BC въ пространствѣ Эвклида пересѣкаются тоже на разстояніи абсолютно безконечномъ отъ точки B. Въ геометріи Лобачевскаго на плоскости (псевдосфера) прямая AB, перпендикулярная къ CD и CE подъ



острымъ угломъ къ CD, (если этотъ острый уголъ α не перестаетъ быть большимъ опредѣленной величины $k < 90^0$),— пересѣкаются тоже на разстояніи абсолютно безконечномъ отъ точки D.

Эти безконечно-большія разстоянія уже не суть величины и не могутъ быть выражены числами, если подъ величиной разумѣть нѣчто сравнимое съ другими количествами (какъ оно всегда и понимается), надъ ними не могутъ быть совершаемы никакія дѣйствія, хотя, къ сожалѣнію, иногда, обозначая ихъ знакомъ ∞, и пишутъ ничего не значущія выраженія $\frac{a}{\infty} = o$.

Такъ геометрія, имѣя дѣло съ аттрибутомъ природы, съ пространствомъ, по своему пониманію безконечности отличается отъ алгебры и анализа и приближается къ философіи, вѣчно занятой изученіемъ истинно-реальнаго въ глубинѣ явленій.

Дѣйствительно философія, начиная съ Анаксимандра, понимаетъ безконечность въ примѣненіи къ міру въ абсолютномъ смыслѣ. Анаксимандръ же считалъ ее сущностью всѣхъ конечныхъ явленій. Правда, Парменидъ считалъ истинно-сущее шарообразной формы и Аристотель замыкалъ вселенную въ планетныя и въ звѣздную сферу, но зато и говорили, что міръ не безконеченъ: понятіе безконечности понимали тоже въ абсолютномъ смыслѣ, какъ и Анаксимандръ или Демокритъ. Эпоха возрожденія наукъ и искусствъ въ

Италіи провозгласила безконечность міра въ абсолютномъ смыслѣ, отвергнувъ ученіе Аристотеля о семи небесахъ. Бруно проповѣдывалъ нераздѣльность пантеистическихъ и индивидуалистическихъ мыслей, всеобщее одушевленіе и безконечность міра, относясь съ религіознымъ умиленіемъ ко вселенной и фантастически обоготворяя природу. Бруно доканчиваетъ коперниковскую картину міра тѣмъ, что устраняетъ твердый куполъ неподвижныхъ звѣздъ, о которомъ Коперникъ, а также Кеплеръ, еще предполагали, что онъ окружаетъ систему нашего солнца, и взамѣнъ того открываетъ взглядъ на безконечность міра... Безконечное пространство пробѣгаютъ безчисленныя созвѣздія, изъ которыхъ ни одно не составляетъ средоточія міра. Декартъ, отецъ европейскаго раціонализма, утверждалъ, что нѣтъ ненаполненнаго пространства, что матерія такъ же не имѣетъ малыхъ недѣлимыхъ частицъ, и міръ также не имѣетъ конца, какъ и пространство. При сравненіи пространства и матеріи, первое заимствуетъ отъ послѣдняго наполненность, матерія отъ пространства неограниченность внутреннюю (безконечную дѣлимость) и внѣшнюю (безпредѣльность). Поэтому нѣтъ разныхъ матерій, а есть только одна однородная матерія и только одна безконечная вселенная.

О сущности вещей рѣдко кто училъ лучше Спинозы, а онъ говорилъ, что извѣстные намъ аттрибуты субстанціи — безконечное пространство и мышленіе. Также и другіе новые мыслители всѣ признавали безконечность міра, понимая ее въ абсолютномъ смыслѣ. Теперь посмотримъ, какъ понимаетъ это Кантъ и новѣйшіе мыслители.

Въ ученіи объ антиноміяхъ выразился взглядъ Канта на безконечность міра. Тезисъ (II антиноміи) выражается такъ: міръ имѣетъ начало во времени и заключенъ въ границахъ въ пространствѣ. Доказательство отъ противнаго. Чтобы мыслить въ себѣ міръ, который наполняетъ всѣ пространства, какъ цѣлое, на послѣдовательный синтезъ частей безконечнаго міра надо смотрѣть какъ на законченный, что невозможно, потому что безконечность ряда состоитъ именно въ томъ, что онъ никогда не можетъ быть законченъ путемъ послѣдовательнаго синтеза. Слѣдовательно конеченъ.

Антитезисъ:

Міръ не имѣетъ начала, ни границъ въ пространствѣ, но безконеченъ какъ въ пространствѣ, такъ и во времени. Доказательство отъ противнаго.

(Міръ вѣченъ). Всякому существованію должно предшествовать нѣчто, ибо пустое время ничего создать не можетъ.

Допустимъ, что міръ конеченъ и ограниченъ въ пространствѣ. Такимъ образомъ онъ находится въ пустомъ пространствѣ, которое неограничено. А такъ какъ міръ есть абсолютное цѣлое, внѣ котораго не можетъ быть предмета созерцанія, то отношеніе міра и пустоты пространства было бы отношеніемъ ни къ какому предмету. То такое отношеніе ничто.

Слѣдовательно міръ неограниченъ.

Не касаясь того въ эту минуту, что правильнѣе — тезисъ или антитезисъ, мы сейчасъ можемъ констатировать тотъ фактъ, что Кантъ, въ противоположность Картезіанцамъ, безконечность міра понимаетъ, какъ безконечность пространства и какъ безконечность матеріи. Его тезисъ говоритъ, что міръ заключенъ въ границахъ въ пространствѣ, а пространство предполагается безконечнымъ. Антитезисъ говоритъ, что міръ не имѣетъ границъ въ пространствѣ, а пространство остается опять внѣ сужденій. Итакъ Кантъ понималъ безконечность въ абсолютномъ смыслѣ, только онъ, считая пространство безконечнымъ, не считаетъ возможнымъ доказать, безконечна или конечна матерія и противополагаетъ тезисъ и антитезисъ.

Переходя къ послѣдующимъ мыслителямъ, мы видимъ скорѣе признаніе безконечности міра, чѣмъ ея отрицаніе. Такъ Тренделенбургъ въ своихъ „логическихъ изслѣдованіяхъ“ находитъ, что пространство и время субъективны и апріорны. но также и предметны. Существуетъ необходимая гармонія, въ которой субъективное, обусловливаемое и порождаемое въ извѣстной мѣрѣ жизнью, должны потомъ и поладить съ нею. Изъ движенія возникаютъ безконечное пространство и время.

Гербертъ Спенсеръ, находя всѣ основныя идеи науки не могущими быть понятыми, потому что основная истина всего недостижима, считаетъ пространство безконечное во

всѣхъ отношеніяхъ не понятнымъ, какъ и прочія основныя идеи.

Такъ что Спенсеръ нисколько не оспариваетъ насъ въ томъ, что пространство безконечно или конечно, а утверждаетъ, что пространство, время, матерія, сила, мысль не познаваемы, что свидѣтельствуетъ объ относительности природы и намекаетъ на абсолютное.

Спенсеръ не считаетъ пространство ни аттрибутомъ вещей, ни субстанціей, ни апріорной формой созерцанія ума (когда мы созерцаемъ пространство, какія бываютъ условія созерцанія?).

Такое мнѣніе его, однако, не помѣшаетъ намъ доказать, что пространство все же безконечно, не касаясь того, что оно такое по существу. Изъ современныхъ философовъ приведемъ ясно выраженное мнѣніе Паульсена о безконечности міра; онъ говоритъ (космолого-теологической проблемѣ): „мы приходимъ такимъ образомъ къ формулѣ — всѣ движенія въ безконечномъ времени и въ безконечномъ пространствѣ образуютъ собою въ дѣйствительности единое движеніе; тѣлесный міръ есть единая система съ единымъ великимъ движеніемъ“. Повидимому Паульсенъ вездѣ придерживается этого положенія, какъ факта.

Теперь отъ мнѣній философовъ, разъяснившихъ намъ, какъ они понимали безконечность, мы должны перейти къ вопросу, безконеченъ міръ въ дѣйствительности или конеченъ, или этотъ вопросъ неразрѣшимъ?

Разобьемъ мы этотъ вопросъ на два вопроса:

1) безконечно-ли пространство?
2) безконечна-ли матерія?

Задача о томъ, безконечно-ли наше пространство или конечно, принадлежитъ математикамъ. Утвержденія и отрицанія должны исходить отъ основателей новыхъ геометрій (Лобачевскій, Риманнъ и др.). Все дѣло, чтобы доказать эмпирически, что наше пространство Эвклидовское, а не Лобачевскаго или Риманна.

Надо доказать, что треугольникъ, построенный на трехъ небесныхъ свѣтилахъ, какъ вершинахъ этого треугольника, заключаетъ въ суммѣ своихъ угловъ два прямыхъ; тогда наше пространство безконечно; если эта сумма меньше двухъ

прямыхъ, то пространство системы Лобачевскаго больше системы Риманна.

Если наше пространство Эвклидовское или Лобачевскаго, тогда оно безконечно; если же оно системы Риманна, оно конечно (плоскости окажутся сферами).

(Лобачевскій занимался изученіемъ небеснаго треугольника, постр. на трехъ небесныхъ свѣтилахъ, и пришелъ къ мысли, что сумма угловъ равна или почти равна двумъ прямымъ угламъ) Риманнъ (въ своей статьѣ объ основаніи геометріи) говоритъ, что факты (въ основаніи геометріи Эвклида) не необходимы, они имѣютъ только эмпирическую достовѣрность, они суть гипотезы, нужно изслѣдовать ихъ правдоспособность, которая во всякомъ случаѣ очень велика въ предѣлахъ наблюденій.

По мнѣнію Гельмгольца наше пространство безконечно.

Дѣйствительно, наши астрономы, инженеры, архитекторы всѣ свои выкладки дѣлаютъ на основаніи принциповъ Эвклидовской геометріи, и дѣйствительность не обманываетъ ихъ. Это эмпирическое доказательство того, что пространство міра Эвклидовское или близко тому. Слѣдовательно идеально-выточенные прямые стержни, будучи параллельно поставлены и безпрерывно удлиняемы, нигдѣ въ нашемъ пространствѣ не встрѣтятся (потому что Эвклидовское), никогда не выходя изъ него, что убѣждаетъ нашъ умъ въ безконечности пространства міра. Допущеніе, что наше пространство сферической формы, никѣмъ не доказано.

(Поэтому я могу сказать, что и то, чему пространство служитъ какъ перемѣнная, т. е. абсолютное протяженное многообразіе, какъ предѣлъ, должно быть безконечно, потому что перемѣнная приближается къ аттрибутамъ предѣла).

Теперь возникаетъ болѣе трудный вопросъ: безконечно-ли вещество міра?

Противъ положенія, что вещество безконечно, выставляютъ свои возраженія съ одной стороны философы, основываясь на данныхъ естествознанія, съ другой послѣдователи идеализма Канта.

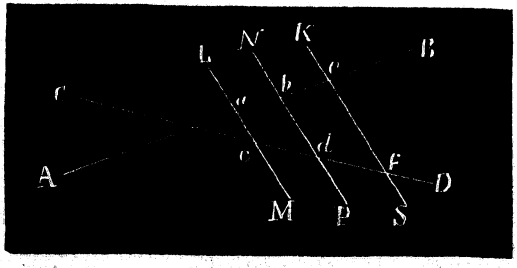
Такъ нѣкоторые думаютъ (Риль въ его книгѣ „теорія науки и метафизика“), что законъ постоянства энергіи говоритъ за конечность матеріи, потому что только ко-

нечное опредѣленно, постоянно или перемѣнно. Разъ энергія міра постоянна, слѣдовательно, количество ея опредѣленно, а энергія и матерія по существу одно и тоже, слѣдовательно, матерія конечна въ своемъ количествѣ.

Но, кажется, въ данномъ случаѣ изъ конечнаго факта сдѣланъ безконечный выводъ. Если мы выводимъ законъ сохраненія энергіи изъ механическихъ соображеній, то разсуждаемъ такъ: камень B, падающій съ высоты h въ точкѣ A, имѣетъ скорость O, но также имѣетъ способность при паденіи на землю произвесть работу L; энергія камня B въ точкѣ $AO + L$; въ точкѣ K тѣло имѣетъ скорость Vk, а живая сила его $\frac{mV^2k}{2}$, способность произвести работу при паденіи на землю съ этой меньшей высоты $= E < L$; оказывается $O + L = \frac{mVk^2}{2} + E$; это равенство существуетъ для всякой точки линіи AL.

Если мы такъ выводимъ законъ сохраненія суммы кинетической и потенціальной энергіи, то, очевидно, имѣемъ дѣло съ конечными системами и законъ, только для нихъ имѣетъ значеніе, но ко всей Вселенной примѣнять мы его не можемъ, потому что относительно всей энергіи Вселенной мы ничего не знаемъ, это вопервыхъ, а вторыхъ, быть можетъ, энергія Вселенной абсолютно безконечна, слѣдовательно, не величина, и о постоянствѣ ея говорить безсмысленно.

Если выводимъ законъ сохраненія энергіи физическимъ путемъ на основаніи эквивалентныхъ чиселъ, на основаніи того, что калорія производитъ всегда и всюду опредѣленное число единицъ механической работы, то изъ такого постоянства соотношеній вывести ограниченность всей міровой энергіи столь же логично, сколь логично сдѣлать выводъ о конечности прямыхъ линій AB и CD на основаніи постоянства соотношеній отрѣзковъ этихъ прямыхъ между



параллельными, пересѣкающими эти двѣ линіи, прямыми *LM*, *NP*, *KS* и т. д.

$$\frac{ab}{cd} = \frac{be}{df} \text{ и т. д.}$$

Если опредѣленное количество теплоты порождаетъ опредѣленное количество механической силы, то отсюда слѣдуетъ ли, что количество теплоты во вселенной конечно? Отнюдь нѣтъ.

Изъ этого всего мы дѣлаемъ два вывода. Вопервыхъ, законъ сохраненія энергіи имѣетъ мѣсто только въ опредѣленномъ кругу системы конечныхъ тѣлъ и явленій, а Вселенная здѣсь не причемъ, а вовторыхъ, очевидно, что этимъ путемъ доказать нельзя конечность энергіи міра, т. е. конечность матеріи.

Теперь остается намъ разсмотрѣть возможность возраженія со стороны идеализма. Могутъ сказать, что вещество міра столь велико, сколь велика область нашего ощущенія, потому что весь-то міръ—суть нашихъ ощущеній. О безконечности вещества, разъ вещество не объектъ, существующій независимо отъ субъекта, не можетъ быть и рѣчи.

На это можно отвѣтить, вопервыхъ, никто не доказалъ, что ощущеніе — фактъ чисто субъективный и по происхожденію и по содержанію, что оно не есть неадэкватное испытываніе протяженной реальности; послѣднее же опредѣленіе ощущенія приводитъ насъ къ мысли, что содержаніе ощущенія—вещество—фактъ въ нѣкоторомъ отношеніи объективный, и къ нему приложимъ вопросъ, имѣетъ ли онъ свойства безконечнаго. А, вовторыхъ, съ точки зрѣнія чистаго субъективизма, вопросъ о безконечности вещества выразится такъ: всюду ли мы въ пространствѣ будемъ испытывать то, что называется веществомъ, если бы мы стали двигаться по прямой линіи въ вѣчное время, конечна ли эта область вещественнаго ощущенія, или безконечна?

Такъ что идеализмъ своими принципами не доказываетъ заранѣе ни того, что безмысленъ вопросъ о безконечности вещества въ міровомъ пространствѣ, ни того, что невозможна эта безконечность.

Итакъ ничто, ни данныя физики, ни силлогизмы, не мѣшаютъ намъ допустить, что вещество безконечно. Но

этого совершенно не достаточно, чтобы быть увѣренымъ, что матерія неконечна въ пространствѣ. Есть ли какія либо данныя, которыя были бы лишнимъ шансомъ въ пользу безконечности или конечности матеріальнаго міра? Имѣются данныя въ пользу безконечности, и никакихъ нѣтъ въ пользу мысли о конечности. Эти данныя — астрономическія.

Съ первыхъ дней существованія мыслящаго человѣка, (который съ вавилонской башни или гдѣ-нибудь въ Китаѣ наблюдалъ теченіе небесныхъ свѣтилъ), границы міра постоянно и непрерывно разширялись; а въ наши дни эти границы отъ насъ постоянно удаляются. Оказалось, не солнечной системой ограничивается міръ и не млечнымъ путемъ, замыкающимъ звѣздную систему, и не далекими туманными пятнами, которыя сами быть можетъ звѣздныя вселенныя... Труба открываетъ все новыя и новыя системы міровъ. Имѣя въ виду этотъ чрезвычайно великій и дивный фактъ, надо остановиться на томъ положеніи, что не только пространство міра, но и вещество, движущееся въ немъ — равно безконечны.

Мы еще могли бы привести соображеніе о безконечности энергіи и вещества, если бы коснулись понятія времени: то обстоятельство, что міръ до сихъ поръ не остылъ, не принялъ одинаковую во всѣхъ своихъ частяхъ температуру, доказываетъ, при допущеніи вѣчности міра, что матерія безконечна. Но мы объ этомъ аргументѣ не распространяемся, потому что въ данной статьѣ нѣтъ рѣчи о времени и о вѣчности.

А, если допустить, что нашъ умъ и наши внѣшнія чувства постоянно приближаютъ содержаніе нашего познанія къ аттрибутамъ абсолютнаго, то нужно сказать, что бытіе истинно-сущаго безконечно во всѣхъ отношеніяхъ.

ГЛАВА II.

Время и Вѣчность съ точки зрѣнія теоріи познанія.

Если бы не было такихъ видовъ познанія, какъ утвержденіе существованія другихъ людей, кромѣ насъ самихъ, если бы не было познанія о существованіи міра до человѣческаго сознанія, возникшаго на землѣ въ четвертичный геологическій періодъ, то, конечно, мы могли бы довольствоваться однимъ математическимъ знаніемъ природы, которымъ справедливо гордится нашъ вѣкъ; но при настоящемъ положеніи вещей необходимымъ становится обосновать иныя формы познанія.

Если міръ существовалъ до человѣческаго сознанія (какъ говорятъ геологи и астрономы), то неизбѣжно ученіе о пространствѣ и времени, не только какъ о формахъ мысли, но и какъ о формахъ бытія.

Съ другой стороны, всѣ науки занимаются явленіями, совершающимися во времени (кромѣ алгебры и геометріи). Слѣдовательно, время есть тотъ общій принципъ, который объединяетъ въ себѣ истины всѣхъ наукъ. Поэтому небезполезно разсмотрѣть время въ смыслѣ точки зрѣнія, которая освѣщаетъ однимъ свѣтомъ перспективы всѣхъ наукъ.

Но что такое время? — явленіе или основа явленій, или нѣчто третье?

Старикъ, разсказывая свою жизнь, говоритъ, что много времени протекло съ тѣхъ поръ, какъ онъ живетъ, что онъ много пережилъ минутъ, часовъ, годовъ. Однако, сколь бы долга ни была жизнь человѣка, она очень коротка въ сравненіи съ жизнью народа, съ жизнью языка. Тотъ праарійскій языкъ, который является родоначальникомъ европейскихъ

языковъ и который живетъ въ ихъ корняхъ и флексіяхъ, существовалъ много тысячъ лѣтъ тому назадъ. Мы ежечасно произносимъ слова, которыя древнѣе индійскихъ пагодъ и египетскихъ пирамидъ. Языкъ — явленіе древнее и заключаетъ въ себѣ много минувшаго, но человѣческій родъ старше извѣстныхъ намъ языковъ. Только 100 тысячъ лѣтъ можетъ быть его измѣрителемъ. Исторія жизни на землѣ заключаетъ въ себѣ, въ предѣлахъ вѣроятія, 20 милліоновъ лѣтъ. 300 милліоновъ годовъ нужно было для того, чтобы земля сдѣлалась твердою, понизивъ температуру до 200°. Эта цифра велика, но возможны еще бо́льшія. Исторія возникновенія земного шара изъ туманной матеріи, время пребыванія матеріи въ этомъ состояніи — сколькими годами оно должно измѣряться? Этими и подобными вопросами нашъ умъ восходитъ отъ конечнаго времени къ безконечному; какъ въ прошедшемъ такъ и въ будущемъ. Считая же нашъ познаваемый міръ не абсолютнымъ, но къ абсолютному приближающимся, мысль должна признать, что абсолютному свойственна вѣчность. Что же такое время, явленіе или основа явленія? Представленіе или понятіе? Что такое безконечное время, безконечно-дѣлимое, непрерывное, равномѣрно-текущее? Существующее ли оно, или свойство существующаго, какъ хрупкость свойство стекла? Она форма мысли или форма бытія, необходимо связанная съ содержаніемъ, или нѣчто болѣе сложное? Рѣшимы ли эти вопросы? Если не рѣшимы, то почему?

Прежде чѣмъ попытаться отвѣтить на эти вопросы, нужно разсмотрѣть время съ трехъ точекъ зрѣнія: a) субъективной, b) объективной, c) субъективно-объективной.

Субъективная точка зрѣнія.

Въ періодъ древнихъ религій и въ эпоху расцвѣта греческой философіи вопросъ о времени мало занималъ умы людей. Понятіе времени сливалось съ понятіемъ бываніе, которое противопоставлялось бытію, какъ чему-то неизмѣнному.

Въ христіанскій періодъ мысль о Творцѣ, создавшемъ міръ изъ ничего, пробудила мысль о времени. Люди,

склонные къ ереси, стали спрашивать: когда сотворилъ Богъ міръ, отчего не раньше и не позже? Возникали допущенія, несогласныя съ христіанской религіей. Философамъ предстояло такъ или иначе разрѣшить вопросъ о времени, и задачу эту въ извѣстной мѣрѣ выполнилъ блаженный Августинъ, въ своей знаменитой „Исповѣди“, въ XI книгѣ.

„Вопросъ о сущности времени и его значеніи блаженный Августинъ считаетъ настолько труднымъ, что, не смотря на всѣ умственныя усилія человѣка въ его рѣшеніи, истина Божія „посмѣется“ надъ истиной человѣческой. Первое и самое главное затрудненіе заключается въ невозможности выразить сущность времени или опредѣлить, что оно такое.

Время постоянно измѣняется. Если бы настоящее никогда не переходило изъ будущаго въ прошедшее, тогда оно не было бы временемъ, а вѣчностью. Второе затрудненіе въ невозможности найти продолжительность времени и какъ-либо измѣрить ее. Время можетъ быть несуществующее ничто, какъ и пространство по мнѣнію философовъ? „Какимъ-нибудь, хотя бы и непостижимымъ для насъ образомъ, прошедшее и будущее существуютъ“.

Недоумѣніе блаженный Августинъ разрѣшаетъ тѣмъ, что прошедшее и будущее существуютъ, какъ настоящее, въ нашей душѣ. О прошедшемъ говоримъ мы на основаніи образовъ, оставшихся въ душѣ въ видѣ слѣдовъ чувственныхъ воспріятій, а будущее предсказывается на основаніи образовъ, представляемыхъ нами, какъ возможность, также въ настоящемъ.

Время не есть движеніе, оно лишь необходимое условіе для пониманія движенія. Мы измѣряемъ движеніе тѣмъ временемъ, которое есть само по себѣ нѣкоторое дѣйствительное протяженіе. Мы измѣряемъ присущіе въ душѣ образы, оставшіеся отъ впечатлѣній, которые сдѣлали на насъ предметы.

Богъ вѣченъ. Твореніе его не во времени, но съ твореніемъ явились времена [1]).

Итакъ Августинъ подвинулъ вопросъ о времени тѣмъ, что перенесъ его въ психическій міръ. Однако онъ не уяснилъ того обстоятельства, есть ли время совокупность

---

[1]) А. А. Козловъ. Свое слово № 3.

образовъ или слѣдствіе ихъ, или условіе возникновенія ихъ, или точка зрѣнія познаванія психическихъ процессовъ?

Этого никто не сдѣлалъ и послѣ Августина до Эммануила Канта. Послѣдній, творецъ формальнаго идеализма, говоритъ о времени въ трансцендентальной эстетикѣ. Онъ имѣлъ цѣлью уяснить, что все, кромѣ ощущенія, свидѣтельствующаго о реальномъ мірѣ, идеально, т. е. присуще нашему духу, какъ форма познаванія, въ томъ числѣ и время. Положенія его таковы.

„Время не эмпирическое понятіе, которое можно вывести изъ опыта. Одновременность и послѣдовательность не могли бы проникнуть въ воспріятіе, если бы въ основѣ ихъ a priori не лежало представленіе времени. Только подъ предположеніемъ его можно представить себѣ, что что-либо существуетъ въ одно и тоже время или въ различныя времена.

Время—необходимое представленіе, которое лежитъ въ основѣ всѣхъ созерцаній. Во всѣхъ явленіяхъ вообще нельзя исключить времени, хотя вполнѣ возможно исключить изъ времени явленія. Время дано a priori. На этой необходимости a priori основывается и возможность аподиктическихъ сужденій объ отношеніи времени вообще. Оно имѣетъ только одно измѣреніе. Время не дискурсивное или общее понятіе, но чистая форма чувственнаго созерцанія. Понятіе измѣненія и движенія возможны только черезъ понятіе времени. Время есть ничто иное, какъ форма внутренняго чувства“.

Такимъ образомъ Кантъ далѣе подвинулъ ученіе о времени послѣ Августина. Мало того, что время принадлежитъ психическому міру, оно относится къ сферѣ познаванія, къ его механизму. Время — способъ познаванія, присущій самому разуму, ни откуда не выведенный. Оно идеально, т. е. не вещамъ принадлежитъ, и формально, т. е. не знаніе оно, а только способъ, форма, характеръ познаванія, точнѣе — форма, созерцанія. Всякая реальность, прежде чѣмъ быть предметомъ знанія, познанія, должна подчиниться этой рамкѣ ума, формѣ созерцанія, иначе она не познаваема.

Дальнѣйшее движеніе ученія о времени, если оно возможно, должно идти въ томъ же направленіи, какъ и ученіе о пространствѣ. Пусть то и другое форма познаванія, но первоначальные ли элементы они сознаванія, или же синтезы болѣе простыхъ психическихъ актовъ, соединеніе ко-

торыхъ даетъ время или пространство. Нативизмъ или генетивизмъ, что вѣрнѣе?

Нѣмецкіе ученые этимъ занимались не мало. Напр., Вундтъ находитъ возможнымъ отдать представленіе пространства за синтезъ простѣйшихъ, нелокализированныхъ, ощущеній. Этого же предмета касается нашъ философъ А. А. Козловъ. Онъ ставитъ вопросъ: первоначально ли понятіе времени? Оно, по его мнѣнію, дедуктивное понятіе, весьма сложнаго происхожденія, отвлеченное отъ актовъ умственной дѣятельности. Время въ его субъективной стадіи развитія есть форма, въ которой наше „я“ понимаетъ, распредѣляетъ и соединяетъ въ своемъ субстанціональномъ единствѣ свои собственные акты воспоминаній, ощущеній и ожиданій.

Такъ или иначе, а время съ субъективной точки зрѣнія нѣчто присущее механизму познаванія (первоначально оно или нѣтъ, это вопросъ другой). Оно—форма созерцанія, распредѣленія, соединенія психическихъ актовъ. Оно форма, но не событіе, безъ событій оно пусто.

Но только ли можно смотрѣть на время съ точки зрѣнія субъективной, формальной? Кантъ въ разныхъ мѣстахъ своего сочиненія (особенно въ пролегоменахъ) говоритъ о реальномъ мірѣ, недоступномъ для познанія. Ощущенія суть испытыванія этого міра вещей, хотя бы и въ субъективныхъ формахъ познаванія.

Нельзя ли попытаться приписать этому реальному міру, свидѣтельствуемому ощущеніемъ, время, какъ форму бываніе, или вѣчность, какъ форму бытія, или нѣчто имъ соотвѣтствующее, чему они символомъ служатъ? По крайней мѣрѣ позволительно вспомнить о попыткахъ подобнаго рода, которыя дѣлалъ человѣческій умъ. Однако, прежде чѣмъ заняться реальностью, лежащею внѣ формъ познаванія, нужно разсмотрѣть (и это полезно въ смыслѣ методологическомъ), какъ понимается время въ наукахъ, изучающихъ природу, тѣмъ болѣе, что, когда занимаются явленіями физическаго міра, забываютъ о механизмѣ познаванія и говорятъ о природѣ, какъ о существующей сама въ себѣ.

Объективная точка зрѣнія.

Физическія явленія такъ же, какъ и психическія, совершаются во времени. По отношенію къ нимъ поставить можно тѣ же вопросы: что такое время для явленій природы? Форма ли ихъ бываніе или условіе ихъ, или свойство ихъ?

Какъ измѣряется и понимается время въ наукахъ физическихъ?

Астрономы считаютъ время числомъ сутокъ и звѣздныхъ годовъ, или ихъ частями. Сутки — время вращенія земли около оси, годъ—время обращенія земли около солнца. Время движенія по кругу или эллипсу — единица времени въ астрономіи. Можно сказать измѣрителемъ времени у нихъ является число, во сколько разъ одно движеніе повторяется, пока происходитъ другое движеніе. Для астронома важна соотносительность движенія. Итакъ время—число, выражающее соотносительность движенія.

Само движеніе безпрерывно, безконечно и вѣчно. Движеніе всегда существуетъ тамъ или тутъ и даже вездѣ. Движеніе всегда и вездѣ. Для него нѣтъ прошедшаго, настоящаго и будущаго. Для него нѣтъ времени. Движеніе всегда въ природѣ на лицо. Чтобы остановиться дольше на этомъ, приведемъ слова Тиндаля: „Подобно тому, какъ гири часовъ должны навѣрное дойти до самаго низкаго своего положенія, изъ котораго онѣ никакъ не могутъ подняться, если имъ не будетъ сообщена новая энергія, точно также съ теченіемъ вѣковъ и планеты должны упасть другъ за другомъ на солнце и произвести тамъ во много тысячъ разъ больше тепла, чѣмъ произвело бы его сгораніе массъ каменнаго угля въ такомъ же количествѣ. Каково бы ни была окончательная участь этой теоріи, она опредѣляетъ условія, которыя, навѣрное, могли бы создать солнце и указываетъ въ силѣ тяжести, дѣйствующей на темную матерію, источникъ, изъ котораго могутъ возникнуть всѣ свѣтила“.

Окончательно мы должны поэтому быть увѣрены, что въ природѣ имѣются въ запасѣ и силы воскрешенія и созданія наравнѣ съ силами и причинами разрушенія. Для

нея время не значитъ ничего. Существуетъ лишь одна вѣчность, а время лишь одинъ относительный ея видъ.

Существуетъ вѣчность, а время нѣчто относительное. При всѣхъ движеніяхъ, въ перемѣнахъ нѣчто пребываетъ неизмѣннымъ (эквивалетное число, вещество, энергія). Неизмѣнное—бытіе. Перемѣна—бываніе. Бытіе въ бываніи, единое въ разнообразіи. Бытію соотвѣтствуетъ понятіе вѣчности, быванію безгранично-повторяющемуся, понятіе безконечнаго времени. Тэнъ выражается такъ: „Символомъ вѣчности (лучше было бы сказать безконечнаго времени) является свойство неистощимаго возрожденія". „Мы поставляемъ, какъ и въ предъидущемъ случаѣ тотъ общій законъ, что величина, о которой идетъ рѣчь, продолжается за своими предѣлами другою величиною, совершенно подобною; эта послѣдняя тоже и такъ далѣе, причемъ не можетъ быть никакого предѣла. Вотъ къ чему сводится понятіе о безконечномъ времени и безконечномъ пространствѣ (Объ Умѣ и Познаніи. Тэнъ 29).

Символъ безконечнаго времени—свойство неистощимаго возрожденія. Символъ—вѣчность, неизмѣняемость. Атомъ вѣченъ, потому что онъ неизмѣняемъ. Природа вѣчна, потому что вещество ея и силы ея неразрушимы [1]). А конечное время—отрывокъ перемѣнъ въ безконечномъ разнообразіи, перемѣнъ, невозможныхъ безъ наличности неизмѣняющагося, вѣчнаго.

Къ этимъ положеніямъ приходитъ Риль относительно безвременности міра. Представленіе о временномъ существованіи міра получаетъ, по его мнѣнію, свое ближайшее опредѣленіе отъ закона причинности. „Начало и конецъ—такія представленія, которыя касаются соотношенія явленій во времени; поэтому они отнюдь не могутъ быть примѣнены ко Вселенной, не стоящей ни въ какихъ соотношеніяхъ" (370).

---

[1]) Здѣсь кстати замѣтить, что если матерія вѣчна, то и по протяженію безконечна. Въ природѣ мы констатируемъ фактъ разнообразія температуры, съ другой стороны также извѣстно, что существуетъ передача теплоты однимъ тѣломъ другому и стремленіе къ тепловому равновѣсію. Если бы вещество было конечно по количеству, то такое равновѣсіе давно бы уже наступило въ вѣчное время. Эта температура равновѣсія была бы не абсолютной. А, потому теплота въ пустоту, гдѣ нѣтъ эфира, не переходитъ.

„Время есть соотносительное понятіе. Но Вселенная — не соотносительное понятіе, поэтому время должно перестать прилагаться къ совокупности вещей въ томъ же значеніи, какое имѣетъ оно примѣнительно къ единичнымъ вещамъ и отдѣльнымъ чередамъ ихъ. Въ совокупности вещей не минуло вѣдь ничего, да нечего и мыслить въ ней будущимъ. Міръ явленій по времени безграниченъ въ прошломъ и безпредѣленъ въ будущемъ".

И такъ время—движеніе неизмѣняющагося, форма разнообразія единаго и вѣчнаго. Время для физики—соотносительность движенія. Безъ движеній оно ничто. Если одно движеніе повторяется конечное число разъ, пока происходитъ другое — время конечно, при безконечномъ числѣ — время безконечно. Неизмѣнное внѣ времени, оно для физика вѣчно. Такъ какъ на небѣ и на землѣ все движеніе для изучающаго дѣйствительность и событія (помимо субъекта), то эти положенія необходимы при объективномъ взглядѣ на вещи и на время.

Все движеніе на небѣ и на землѣ. Но это только до тѣхъ поръ, пока мы не вспомнили о себѣ. Все движеніе для „моего сознанія". А сознаніе? Для него все движеніе, но оно нѣчто иное. Что же такое время, если изучая природу не будемъ забывать, что природа однако только фактъ сознанія.

Субъективно-объективная точка зрѣнія.

Мы сейчасъ разсматривали время, какъ категорію, приложимую къ явленіямъ физическимъ. Физическія явленія считали какъ что-то независимое отъ познающаго субъекта. Въ дѣйствительности дѣло обстоитъ не такъ. Явленіе природы, судя по всѣмъ соображеніямъ, объективно-субъективнаго характера. Несомнѣнно, что можно легко опровергнуть и матеріальный идеализмъ (Берклея) и пессимистическій идеализмъ Шопенгауера. Теорія науки должна считаться лишь съ формальнымъ идеализмомъ Канта. Секретъ состоитъ въ томъ, сколько отнести на долю субъекта изъ свойствъ природы, сколько оставить истинной реальности.

Какъ бы дѣло не оказалось, но фактъ эволюціи въ фи-

зическомъ и психическомъ мірѣ что нибудь да значитъ. Имѣютъ тоже значеніе и микроскопы и телескопы, показывающіе намъ все новыя чудеса въ лонѣ природы. Краснорѣчивы и новые методы исчисленій, открывающіе безконечныя перспективы Вселенной. Подобныя соображенія и другія, о которыхъ мы здѣсь не говоримъ приводятъ насъ къ мысли, что есть нѣкоторая гармонія, прогрессирующая между истинной реальностью и человѣческой мыслью. Онѣ не противоположны, хотя и не адэкватны. Ставши на такую точку зрѣнія, мы себя спросимъ, что такое время при такомъ пониманіи объективной и субъективной дѣйствительности?

Существуетъ истинная реальность, относительно которой нельзя сказать, какіе ея аттрибуты извѣстны, какіе нѣтъ; существуютъ и психическія событія. Что такое время, когда разсматриваемъ объ дѣйствительности совмѣстно, или когда хотимъ разсматривать ихъ совмѣстно. Исторія показываетъ, что такая точка зрѣнія имѣла мѣсто въ ряду философскихъ системъ.

Правда, иногда истинная реальность у нѣкоторыхъ мыслителей совпадала съ природой, что есть только субъективно-объективная реальность.

Такъ Спиноза думалъ, что матеріальные и душевные процессы представляютъ только двѣ стороны одного и того же мірового процесса; протяженныя и мысленныя единичныя вещи—измѣняющіяся и переходящія состоянія пребывающаго вѣчно, единой міроосновы. Вѣчность есть „само существованіе, насколько оно представляется необходимо вытекающимъ уже изъ одного опредѣленія вѣчной вещи“. Слѣдовательно вѣчность форма бытія абсолюта, необходимо изъ него вытекающая. А время? Оно простой модусъ воображенія, не болѣе того.

И послѣ критической философіи Канта высказывались взгляды на время субъективно-реальнаго характера. Такъ Гартманъ признаетъ, что пространство и время суть формы, какъ бытія, такъ и сознательнаго мышленія. Онъ думаетъ, что ощущенія должны длиться столь долго, сколько длятся формы колебаній (молекулъ нервовъ), и только за перемѣною рода колебаній слѣдуетъ другое ощущеніе, которое въ свою очередь послѣ извѣстнаго продолженія смѣняется новымъ, но тѣмъ самымъ прямо и дается временная послѣдо-

вательность одинаковыхъ и различныхъ ощущеній, все равно смотримъ-ли мы на это матеріалистически или спиритуалистически, ибо въ обоихъ случаяхъ объективная временная послѣдовательность колебательныхъ состояній переносится въ такую же послѣдовательность ощущеній [2]). Въ этомъ по мнѣнію Гартмана различіе времени отъ пространства, потому что субъективное пространство возникаетъ изъ особенностей духа помимо объективной протяженности.

Тренделенбургъ тоже склоняется къ мысли, что познаніе не противоположно бытію, что идеальность пространства и времени, какъ формъ созерцанія, не мѣшаетъ существованію реальнаго пространства и чего-нибудь реальнаго, соотвѣтствующаго времени.

Какой же, однако, видъ времени можемъ мы приписать реальности: конечное время, безконечное время или вѣчность?

Допустить конечное время мы, разумѣется, не можемъ какъ форму бытія истинной реальности, если мы не положимъ, что истинная реальность возникла изъ ничего и въ ничто превращается, а послѣднее положеніе возможно только при новомъ постулатѣ, что возникновеніе изъ ничего истинной реальности произошло не прежде и не раньше, а въ опредѣленный моментъ времени, только по причинѣ другой реальности, которая и есть истинная.

Истинная реальность или вѣчна, или существуетъ безконечное время. Шопенгауеръ совѣтуетъ различать вѣчность, съ чѣмъ связывается только мыслимость, отъ безконечнаго времени, что связывается съ созерцаніемъ. Безконечно-длящееся время есть безконечный рядъ перемѣнъ. Вѣчность связывается съ символомъ неизмѣняемости.

Истинная реальность въ тѣхъ отношеніяхъ, въ какихъ она неизмѣнна, вѣчна, въ какихъ мѣняется — она существуетъ безконечное время. Поскольку мы постигаемъ ее въ измѣнчивыхъ свойствахъ—по стольку въ насъ развивается понятіе конечнаго и безконечнаго времени; поскольку мы доходимъ до постиженія ея неизмѣнной сущности, постольку мы созидаемъ въ себѣ понятіе вѣчности, хотя въ обоихъ случаяхъ мы равно далеки и отъ полнаго знанія и

---

2) Философія безсознательнаго. Гартманъ. 236.

отъ полнаго незнанія. Здѣсь не говорится вѣдь о знаніи внутреннихъ свойствъ истинной реальности и всей ея полноты, а только признается ея существованіе, а слѣдовательно и ея вѣчность, нерушимость, богатство и разнообразіе существованія и бываніе, безграничность протяженія и дѣятельности и безконечность времени.

Но, однако, хотя бы и въ такихъ малыхъ размѣрахъ, есть ли какія-либо логическія основанія говорить объ истинной реальности, когда признаніе самого существованія ея считается наитруднѣйшей проблемой теоріи познанія?

Чтобы понять всю трудность положенія припомнимъ слова Спенсера:

„Мы принуждены мыслить ихъ (пространство и время) существующими, и вмѣстѣ съ тѣмъ не можемъ подвести ихъ подъ тѣ условія, подъ которыми существующее представляется въ нашей мысли“ [1]).

„Пространство и время совершенно непонятны. Наше убѣжденіе въ ихъ объективной реальности непреодолимо; но мы не въ состояніи дать себѣ никакого раціональнаго отчета въ немъ.

Наше знаніе относительно. Реальность, существующая подъ явленіями, неизвѣстна и навсегда должна остаться „неизвѣстной“.

Такимъ образомъ философъ указываетъ на затрудненія ума, на относительность знанія, на существованіе истинной реальности, на полную непознаваемость ея.

Но развѣ положеніе: реальность вѣчна—заключаетъ въ себѣ какое-либо логическое противорѣчіе? Развѣ истинная реальность вполнѣ непознаваема? А относительная реальность вся извѣстна?

Нашъ психическій міръ, наши формы познаванія не суть ли части вообще реальности? Психическій міръ—психическая реальность—по нашему мнѣнію, есть ни что иное, какъ одна изъ сторонъ всереальности. Психическому свойственно бываніе, перемѣнность, естественно думать, что и всереальности свойственно, кромѣ бытія, и безконечное бываніе, безконечное время, иначе нѣтъ гармоніи, единства,

---

[1]) Основныя начала 40.

соразмѣрности между всереальностью и одной стороной ея—психической реальностью.

Безпредѣльное развитіе человѣческаго ума фактъ неоспоримый. Законъ приспособленія уподобленія, приближенія мысли къ физической и психической дѣйствительности служитъ закономъ исторіи. Наше знаніе относительно, но оно должно приспособляться, уподобляется неизвѣстной сторонѣ реальности, уменьшая темную область „непознаваемаго“ и увеличивая сферу свѣта „познаваемаго“. Если это мы не допустимъ, то исторія философіи, исторія науки и самой жизни есть праздный миѳъ, не болѣе. Надо утверждать, что нѣтъ неподвижной черты между субъективной и объективной, познаваемой и непознаваемой. Одна область входитъ въ другую, и границы ихъ подвижны.

Риль, разсмотрѣвши космологическія проблемы, въ концѣ говоритъ слѣдующее: „міръ явленій, который одинъ составляетъ предметъ нашего познанія, по своей массѣ оказывается неизмѣнной и потому конечной величиной; пространственной ширью онъ не необходимъ въ опредѣленныхъ границахъ; по времени же безграниченъ въ прошломъ и безпредѣленъ въ будущемъ“.

Мы думаемъ, что міръ явленій безконеченъ и по своей массѣ, и по пространству, и по времени. Мало того, есть основанія думать, что человѣческія понятія безконечное время и безконечное пространство, возникшія и создавшіяся въ умѣ въ теченіи вѣковъ, что эти естественные аттрибуты разума соотвѣтствуютъ какимъ-либо безграничнымъ аттрибутамъ истинной реальности, иначе эти понятія удаляли бы насъ отъ истины, а не приближали; они суть стремленія постичь аттрибуты абсолюта—его вѣчность и безконечность. Первыя—формы познаванія, вторыя формы бытія. Познаваніе, исходя изъ бытія, стремится возсоединиться съ нимъ. Истинная реальность не окончательно непознаваема. И это все не мѣшаетъ смотрѣть на абсолютъ, или какъ на вѣчное твореніе вѣчнаго творца, или какъ на вѣчный идеалъ, въ себѣ все заключающій.

Формулируя все высказанное, мы должны сказать, что возможны три точки зрѣнія на время:

1) Субъективная, психологическая, строго гносеологическая;

2) Объективная, при взглядѣ на природу независима отъ субъекта;

3) Субъективно-объективная. Параллельность бытія и мысли.

Эти три точки зрѣнія ведутъ насъ къ положенію, что время и форма мысли и форма (вѣчность) существованія.

Время имѣетъ три различенія въ понятіи: конечное время, безконечное время и вѣчность.

Если объективному міру, какъ форма бытія, свойственна вѣчность, то ясно отсюда, что существованіе міра до человѣческаго сознанія и послѣ есть лишь логическое слѣдствіе формы истинной реальности — вѣчности, слѣдовательно, соглашеніе принциповъ теоріи познанія съ положеніями наукъ при расчлененномъ понятіи времени весьма естественно и логично. Синтезъ наукъ физическихъ и психическихъ возможенъ потому, что мысль, оставаясь мыслью, по понятіямъ, по содержанію стремится быть адэкватной не только съ природой, съ субъективно-объективнымъ міромъ, но и съ абсолютомъ. Только одно при этомъ всегда ускользаетъ отъ мысли—происхожденіе сознанія (въ нѣдрахъ бытія). Эта-то неизвѣстность и дѣлаетъ всегда наше знаніе не адэкватнымъ, а лишь относительнымъ.

Всѣ науки, какъ показываетъ разборъ понятія времени, занимаются измѣненіемъ, перемѣнами въ чемъ-то вѣчно пребывающемъ и доказываютъ, что безконечное время—форма безпрерывнаго бываніе неизмѣннаго (въ другихъ отношеніяхъ) бытія. Принципъ перемѣны въ существующемъ и есть объединяющій принципъ всѣхъ наукъ. Итакъ, не смотря на всѣ перемѣны, нѣчто неукоснительно пребываетъ. Время немыслимо безъ вѣчности, бываніе безъ бытія. Послѣднее (бытіе) основное понятіе.

ГЛАВА III.

Ученіе о матеріи.

Природа окружила насъ тайнами. Почему онѣ возможны? Теорія познанія должна объяснить это.

Міръ не призракъ, а нѣчто существующее для всѣхъ и до всѣхъ людей. Дѣло теоріи познанія согласить субъективность формъ познанія съ объективностью существованія.

Каждый день мы слышимъ о прогрессѣ нашихъ знаній; гносеологія должна показать, въ какомъ направленіи идетъ развитіе познанія.

Чтобы показать, что такія имѣетъ тенденціи теорія познанія, разсмотримъ понятіе матеріи съ точки зрѣнія этой дисциплины.

Матерія — одно изъ неустранимыхъ понятій, посредствомъ которыхъ мы строимъ познаніе объективнаго міра. Безъ этого понятія и безъ соотвѣтствующаго представленія мы не можемъ создать картины физическихъ явленій, хотя математически можемъ понять ихъ законъ.

Какое содержаніе этого понятія?

Матерія — вода, говоритъ Ѳалесъ.

Матерія — воздухъ, мнѣніе Анахсимена.

Матерія — безконечность (Анаксимандръ).

Матерія — огонь (Гераклитъ).

Матерія — атомы (Демокритъ).

Матерія — отраженіе идей въ несуществующемъ (Платонъ).

Матерія — нѣчто безформенное, принимающее форму (Аристотель).

Матерія — протяженіе (Декартъ).

Матерія — воспріятіе, соотвѣтствующее монадамъ (Лейбницъ).

Матерія — ощущеніе, говорящее о непознаваемой реальности (Канта).

Матерія — центры силъ (Босковичъ).

Матерія — относительное постиженіе абсолюта (Спенсеръ).

Матерія — энергія, количество которой неизмѣнимо (Энергитики).

Матерія — вращающіеся и движущіеся поступательно атомы (Томсонъ).

Изъ этихъ опредѣленій, только два заслуживаютъ разсмотрѣнія.

1) Матерія — атомы; 2) матерія — воспріятіе. Если мы будемъ держаться второго опредѣленія, то наше знаніе о природѣ не будетъ расчлененнымъ. Непроницаемость, косность, фигура —воспріятіе, цвѣтъ—воспріятіе и т. д. Въ этихъ опредѣленіяхъ ничего не уясняется, что объективнаго, что субъективнаго въ пониманіи тѣлъ природы, не опредѣляется, что можетъ быть познано, что ускользаетъ отъ познанія.

Поэтому анализъ мы начнемъ съ опредѣленія, что матерія — атомы. Послѣдующее докажетъ удобство и научную расчлененность этого опредѣленія. Это тѣмъ болѣе, что матерія, какъ показываетъ опытъ, имѣетъ зернистое, частичное строеніе (строеніе кометы) пылеобразное. Атомизмъ — предѣльное ученіе этой зернистости.

Матерія имѣетъ три существенныхъ признаки—неуничтожаемость, непроницаемость, косность. Но какъ соединить эти признаки съ постоянной измѣнчивостью тѣлъ природы? Левкиппъ разрѣшилъ эту задачу и его рѣшеніе было величайшимъ шагомъ въ развитіи научнаго пониманія міра. Атомизмъ—вотъ названіе системы Левкиппа и Демокрита, и до нашихъ дней эта система была причиною научнаго движенія въ философіи природы.

Вѣчное движеніе въ безконечномъ пространствѣ неуничтожаемыхъ, неизмѣнныхъ атомовъ — сущность явленій міра и силъ природы. Такова основная мысль этой системы. Эта теорія матеріи, которою пользуются всѣ физики нашего времени и только небольшая часть ихъ пытается замѣнить ее энергетизмомъ; что же представляетъ она изъ себя, рабочую гипотезу или нѣчто болѣе?

Пространство безконечно, и вещество безпредѣльно въ немъ. Всѣ науки констатируютъ въ немъ вѣчное движеніе.

Міръ представляется состоящимъ изъ отдѣльныхъ огненныхъ точекъ—звѣздъ и планетъ.

Матерія не можетъ быть сплошной, если она непроницаема. Она состоитъ изъ частей, и части эти раздробляются на молекулы и атомы.

Явленія перехода жидкихъ и твердыхъ тѣлъ въ газообразныя—понятны только при допущеніи, что матерія состоитъ изъ малыхъ невидимыхъ частицъ (если она не призракъ). Образованіе кристалловъ изъ растворовъ, свойства газовъ прекрасно объясняются вращающимися и поступательно движущимся атомами, твердыми, имѣющими массу.

Переходъ движенія тѣла въ теплоту легче всего понять при допущеніи, что движеніе молекулъ есть теплота.

Слѣдовательно, атомизмъ рабочая гипотеза въ сферѣ опредѣленныхъ явленій.

Но только ли это?

Атомизмъ выводитъ умъ изъ области фактовъ къ высокому обобщенію. Изучая науки о природѣ, мы восходимъ къ немногому числу законовъ, что обѣщаетъ намъ открытіе одного закона, обнимающаго всѣ остальные. Этотъ законъ долженъ быть закономъ движенія, потому что всѣ науки, имѣющія дѣло съ природой, констатируютъ движеніе. Не найденъ ли уже этотъ законъ? Если все — вѣчное движеніе (и силы природы лишь метаморфоза его), то законъ, формулирующій это движеніе, и есть искомый законъ. Въ эту формулу понятіе силы не должно войти, потому что сила—движенія, ни понятія энергіи, ибо энергія $(\frac{mV^2}{2})$ понятіе производное изъ движенія. Масса и движеніе—элементы этой формулы.

Масса вѣчна и движеніе вѣчно.

Все пребываетъ въ вѣчномъ движеніи.

Это законъ инерціи. Онъ—искомый законъ міра. Частицы сохраняютъ количество ($m\ V$) своего движенія.

Но однако, такъ ли это?

Законы природы, конечно, связаны генетически, но высшій ихъ законъ—законъ сохраненія энергіи. Такъ говорятъ точныя науки.

Законъ сохраненія энергіи — законъ математическій, но не физическій; онъ не объясняетъ структуры матеріи и явленій ея. Энергія понятіе непервичное. Или она $= \frac{mV^2}{2}$ (живая сила) или возможность этой живой силы, поэтому понятіе энергіи включаетъ понятіе движенія и массы.

Если энергію мы будемъ понимать со стороны эквивалентности силъ природы, то, такъ какъ эквивалентность выражаетъ соотвѣтствіе единицъ силъ съ количествомъ работы, производимой ими, а работа — произведеніе силы на длину пути, то, мы видимъ, все сводится на понятіе силы и движенія. А что такое сила, какъ не произведеніе массы на ускореніе движенія? опять, слѣдовательно, все сводится къ массѣ и движенію. Масса и движеніе предполагаютъ вещество. Вещество имѣетъ массу, вещество же движется. Нельзя понять силу безъ вещества, на которое сила дѣйствуетъ; нельзя понять силу безъ точки приложенія въ какомъ нибудь атомѣ вещества.

Если же сводится къ веществу и его движенію (сила не понятна безъ вещества, ни энергія а вещество, движущееся по закону инерціи, — предметъ вполнѣ мыслимый и представимый), то картина природы будетъ нарисована лишь тогда, когда все будетъ истолковано въ природѣ изъ массы и движенія вещества. Все должно быть выведено изъ закона инерціи, которому подлежитъ вещество въ безконечномъ пространствѣ при вѣчномъ движеніи. Законъ инерціи — долженъ быть основнымъ физическимъ закономъ.

Но возможно ли все истолковать, математически вывести изъ этого закона? Тутъ не придется ли сказать человѣческому уму — ignorabimus? Очень мѣтко замѣчено и математически обстоятельно доказано профессоромъ А. И. Введенскимъ, что механика атома не уясняетъ третьяго закона Ньютона, равенства дѣйствія противодѣйствію, не выводитъ также закона сохраненія энергіи. Въ самомъ дѣлѣ, вращающіяся частицы, сталкиваясь между собою, отражаются другъ отъ друга. „Но, говоритъ Секки, въ случаѣ встрѣчи частицъ по направленію оси вращенія, происходитъ иное. Если эта ось устойчива, движенія взаимно уничтожаются и частицы соединяются вмѣстѣ . . .“[1]). Поэтому, пока частицы не

[1]). 32 стр. Законъ сохраненія энергіи.

сталкиваются другъ съ другомъ, живая сила будетъ сохраняться по закону инерціи, но при столкновеніяхъ не всѣхъ случаевъ она будетъ постоянна. Какъ это, совмѣстить съ закономъ сохраненія энергіи? Развивающаяся математика должна намъ уяснить, какими движеніями можно вывести изъ закона инерціи законъ сохраненія энергіи, пока нужно признать здѣсь недочетъ въ принципахъ естественной философіи. Послѣ такого несоотвѣтствія гипотезы съ фактомъ, кажется, слѣдовало бы оставить первую. Но „многоосмѣянный матеріализмъ“, какъ говоритъ Бюхнеръ, вновь и вновь поднимаетъ свою голову. Атомизмъ замѣнить нечѣмъ. Энергія, о которой проповѣдуетъ Оствальдъ, есть понятіе чисто-математическое, ничего не говорящее о структурѣ матеріи. Динамизмъ съ центрами силъ вмѣсто атомовъ тоже никого не удовлетворяетъ, потому что сила безъ точки приложенія въ частицахъ вещества есть пустое по содержанію понятіе Говорить же о сплошной матеріи разной разрѣжимости весьма трудно, потому что переходъ одного состоянія въ другое будетъ совсѣмъ непонятенъ при непроницаемости матеріи. Если же матерія „проницаема“, то она нуль, потому что она сжимаема. Однимъ словомъ на этихъ путяхъ нѣтъ ни принциповъ, ни математической разработки. Попытки построить теорію матеріи на основаніи движенія вновь и вновь будутъ повторяться. Мы имѣемъ въ виду роботы Гельмгольтца и Томсона „мысль, что движеніе состовляетъ нѣкоторымъ образомъ основу того, что мы зовемъ матеріей, въ сущности не нова; но ясное представленіе объ этомъ было невозможно еще четверть вѣка тому назадъ, пока не былъ сдѣланъ Гельмгольтцомъ огромный вкладъ въ гидрокинетику въ видѣ его теоріи вихреваго движенія. Между прочими совершенно новыми положеніями онъ доказалъ, что вращающіеся отдѣлы совершенной несжимаемой жидкости, въ которомъ нѣтъ конечнаго скольженія, сохраняютъ свое тождество, оставаясь такимъ образомъ навѣки опредѣленно отграниченными отъ невращающихся частей. Онъ же показалъ, что эти вращающіеся отдѣлы по необходимости располагаются въ непрерывныя нити безъ концовъ, образующія замкнутыя кривыя, способныя переплетаться на всевозможные лады.

„Подобныя вихревыя нити (хотя по необходимости не-

совершенныя) производятся, если выталкивать воздухъ изъ ящика съ круглымъ отверстіемъ въ стѣнкѣ, ударяя отрывисто по стѣнкѣ противоположной стороны. Если же ящикъ наполнить дымомъ или парами нашатыря, то вылетающее вихревое кольцо становится видимымъ. Легко показать также сталкиваніе двухъ колецъ съ послѣдующимъ отталкиваніемъ ихъ другъ отъ друга и дрожаніемъ отъ удара, какъ будто они были сдѣланы изъ каучука. Опытные результаты этого рода побудили сера У. Томсона предложить теорію, по которой матерію, какою она намъ представляется, составляютъ просто вращающіяся частицы жидкости, наполняющія все пространство.

Такимъ образомъ теорія атомизма разрабатывается до сей поры. Причина, конечно, та, что всюду мы сталкиваемся съ движеніемъ и съ невозможностью объяснить иные свойства матеріи, какъ тѣмъ же движеніемъ. Поэтому, сколько ни былъ несовершененъ атомизмъ, будутъ заниматься имъ философы природы.

Но какъ же должна смотрѣть на него философія познанія, основное положеніе которой—природа—сумма необходимыхъ и возможныхъ ощущеній? Мимоходомъ мы скажемъ, что физика не идетъ впередъ въ познаніи качества вещества, и прогрессируетъ въ математическомъ знаніи природы

Теперь разсмотримъ атомизмъ съ точки зрѣнія философіи познанія.

Отцомъ теоріи познанія по справедливости считаютъ Эммануила Канта. Поэтому весьма важно знать его взглядъ на матерію. Съ другой стороны, онъ введетъ насъ въ область философіи познанія. „Неопредѣленный предметъ эмпирическаго созерцанія называется явленіемъ. Въ явленіи то, что соотвѣтствуетъ ощущенію, я называю его матеріей и то, что въ извѣстномъ отношеніи упорядочиваетъ разнообразное въ явленіи, я называю формою явленія“ (дѣйствіе предмета на способность представленія, по скольку этотъ предметъ на насъ дѣйствуетъ, есть ощущеніе).

Такъ какъ въ нашемъ сознаніи можетъ быть только то, что испытывается нами по законамъ нашего разума, то, по смыслу системы, матерія для Канта—это содержаніе нашихъ ощущеній. Какого же рода это содержаніе?

Въ одномъ мѣстѣ (въ антиципаціи воспріятій) философъ говоритъ слѣдующее:

„Мы видимъ, что, хотя одинаковыя пространства могутъ быть сполна наполнены различными матеріями, такъ что ни въ одномъ изъ нихъ нѣтъ точки, въ которой не было бы замѣтно ихъ присутствія, все-таки все реальное, при томъ же качествѣ, имѣетъ свою степень (сопротивленія или вѣса), которая безъ уменьшенія экстенсивной величины или количества можетъ распадаться на безконечное количество меньшихъ степеней, прежде чѣмъ дойдетъ до пустоты и исчезнетъ. Такъ нѣкоторое напряженіе, которое наполняетъ пространство, какъ теплота, и каждая другая реальность (въ явленіи) отнюдь не оставляя пустою даже самомалѣйшую часть этого пространства, до безконечности могутъ уменьшаться въ своихъ степеняхъ; и тѣмъ не менѣе въ этой меньшей степени будутъ точно также наполнять пространство, какъ другое явленіе въ степени неизмѣримо большей. Моя цѣль здѣсь отнюдь не та, чтобы утверждать, будто бы именно таково различіе матерій по ихъ специфической тяжести, но только та, чтобы изъ этого основоположенія чистаго разсудка доказать, что природа нашихъ воспріятій дѣлаетъ возможнымъ и такой способъ объясненія, что ошибочно допускаютъ реальное явленіе по степени одинаковымъ и только по аггрегаціи и по его экстенсивной величинѣ различнымъ и что напрасно пытаются доказывать это основоположеніемъ разсудка a priori“.

Это замѣчательное мѣсто, если я вѣрно его понимаю, говоритъ о возможности иного объясненія явленій природы, отлично отъ атомистическаго. Факты перехода твердаго тѣла въ жидкое или газообразное не суть ли степени реальности, скрытой въ ощущеніи? Въ твердомъ тѣлѣ реальности больше, въ жидкомъ и газообразномъ меньше, а въ эфирѣ приближается къ *О*. Этотъ взглядъ тѣмъ болѣе замѣчателенъ, что, если мы смотримъ на атомъ, какъ на феноменъ воспринимающаго субъекта, то, слѣдовательно, состояніе вещества можетъ оцѣниваться, какъ степень феноменальнаго. Тутъ нѣтъ ничего логически—невозможнаго. Вся природа—разныя степени реальности, не болѣе. Это даже не противорѣчитъ и тому, что пространство и время—свойства абсолюта.

Но насъ смущаетъ здѣсь количественная неизмѣняемость вещества, констатируемая физикой и химіей, и атомизмъ является вновь необходимой системой. Не все въ веществѣ интенсивная величина, могущая дойти до *О*, въ немъ пребываетъ нѣкоторое постоянное количество. Какъ это согласовать въ явленіи. Какъ объяснить пористость тѣлъ, ихъ сжимаемость, упругость, образованіе кристалловъ, ихъ математическую форму. Чѣмъ замѣнимъ мы молекулярное представленіе матеріи? Какъ понять самое движеніе матеріи? Однако, Кантомъ высказана великая мысль, что явленіе природы есть явленіе сознанія въ формахъ пространства и времени. Что же атомъ съ точки зрѣнія теоріи познанія?

Возможны два положенія: а) Атомъ—вещь существующая до сознанія людей; онъ лежитъ внѣ фактовъ внѣшняго воспріятія; b) Атомъ—вещь существующая, какъ таковой, только въ сознаніи; онъ принадлежитъ къ явленіямъ внѣшнихъ чувствъ.

Въ какомъ же смыслѣ существуетъ атомъ? Такой вопросъ поставили мы теперь. Если бы атомъ недѣлимый, косный, непроницаемый, вѣчно движущійся, былъ вещью существующею до сознанія, внѣ фактовъ внѣшняго воспріятія, то, избѣгая дуализма въ философіи, мы попытались бы считать его, или безконечную совокупность ихъ, за перво-основу міра. Такъ какъ явленія вещества нервной системы и явленія сознанія идутъ параллельно всюду и всегда, необходимо заключать, что нѣчто—есть единая причина явленій вещества и явленій духа. Если атомы—перво-основа міра, то они и должны объяснять явленія сознанія. Но безконечная и вѣчная совокупность атомовъ — составляетъ часть области сознанія, куда входятъ также представленія пространства и времени (конечно, не реальное пространство и не реальная вѣчность). Слѣдовательно, атомы—часть, а не сумма, и часть не можетъ истолковывать происхожденія суммы. Съ другой стороны, вещество—атомъ, имѣющій массу, вращающійся, движущійся поступательно вмѣстѣ съ другими атомами, сталкивающійся и отражающійся отъ нихъ; онъ не заключаетъ въ себѣ, въ своемъ движеніи въ пустомъ пространствѣ элементовъ, изъ комбинаціи которыхъ возможно было бы выводить хотя бы наипростѣйшія психическія явленія (раздраженіе, ощущеніе). Слѣдовательно, ато-

мизмъ не можетъ быть ученіемъ объ реальности, существующей независимо отъ сознанія. (Это должны имѣть въ виду физики всѣхъ временъ). Атомъ есть или понятіе, или элементъ внѣшняго воспріятія. Первое опредѣленіе говоритъ за то, что молекулярная теорія матеріи просто рабочая гипотеза.

Второе—(физическая теорія)—стоитъ за нѣчто большее. Тѣла природы—предметы внѣшняго воспріятія. Имѣетъ ли атомъ такую же реальность, какъ и тѣла природы?

Молекулярная теорія рисуетъ картины міра, наглядно показываетъ, почему возможны кристаллы изъ растворовъ, почему возможны переходы изъ одного состоянія тѣла въ другое, все объясняя сочетаніемъ или разсѣяніемъ частей вещества — молекулъ. Молекулы и атомы должны быть частями вещества, т. е. явленіями внѣшняго воспріятія. Такъ изъ двухъ крайностей, когда одни говорятъ, что атомизмъ— фикція ума, другіе утверждаютъ, что атомы — сущность вещей, мы беремъ среднее: атомы — элементы внѣшняго воспріятія. Какъ тѣла природы, аггрегаты молекулъ, предметы внѣшнихъ чувствъ, такъ атомы, элементы тѣлъ, — явленія того же рода. Но возможно ли это и въ какомъ смыслѣ доказуемо?

Можно ли считать атомъ предметомъ внѣшняго чувства, когда онъ не только простымъ глазомъ, но и въ микроскопъ не видимъ? Атомъ: капля = капля: земной шаръ. Можно въ томъ смыслѣ, въ какомъ летящихъ птицъ мы считаемъ явленіемъ внѣшнихъ чувствъ, когда видимъ издали ихъ не въ отдѣльности, а только въ стаѣ. Аггрегатъ атомовъ составляетъ физическое тѣло. Атомъ — минимумъ вещества, ощущаемый не въ изолированномъ видѣ, а въ совокупности, въ аггрегатѣ. Однако, возможно ли въ психологическомъ отношеніи? Тѣла природы имѣютъ разные цвѣта, издаютъ разные звуки, вызываютъ разнообразныя ощущенія осязанія. Если атомъ малая часть вещества, то, значитъ и онъ, имѣетъ тѣ же аттрибуты физическихъ тѣлъ. А между тѣмъ физика и химія цвѣтовые и звуковые эффекты именно объясняетъ движеніемъ атомовъ; считая цвѣтъ и звукъ, вслѣдствіе этого, вторичными свойствами тѣлъ, и непроницаемость, фигуру— первичными. Какъ же согласовать оба рода свойствъ въ атомѣ; въ минимумѣ вещества, неизмѣняющемся при всѣхъ извѣстныхъ намъ явленіяхъ природы?

Намъ кажется, допущеніе, что физическое тѣло есть синтезъ не только экстенсивныхъ величинъ, но и интенсивныхъ, не только сложеніе геометрическихъ фигуръ молекулъ и пустотъ между ними, но и сумма (интенсивная) ихъ цвѣтовъ и звуковъ можетъ объяснить намъ это явленіе и т. д. Такъ снѣгъ производитъ ощущеніе бѣлаго, хотя элементы снѣга—льдинки безцвѣтны и прозрачны, такъ воздухъ кажется голубымъ вдали горизонта, хотя малыя части его безцвѣтны. Красные кровяные шарики очень блѣдны подъ микроскопомъ. Также изъ малоцвѣтныхъ атомовъ получаются окрашенныя тѣла. Тоже самое относительно другихъ чувствъ—слуха, обоняніи, осязанія, вкуса. Подобныя разсужденія все же допускаютъ дифференціальное ощущеніе цвѣтовое, или какое другое, въ атомѣ. Почему возможенъ, хотя бы и безконечно малый, цвѣтъ въ минимумахъ вещества? Дѣйствительно, физика и химія полагаютъ въ атомѣ только такія свойства, какъ протяженность, непроницаемость, масса, движеніе. Я думаю, разгадку этого противорѣчія нужно искать въ эволюціи внѣшнихъ чувствъ. Ланцетникъ, предокъ позвоночныхъ животныхъ, не имѣющій головы, не можетъ имѣть никакихъ дифференцированныхъ ощущеній цвѣта, запаха и пр., потому что у него нѣтъ органовъ этихъ. Примитивное осязаніе—вотъ что, вѣроятно, ему свойственно. Когда же на ступеняхъ біологической лѣстницы развились дифференцированные центры внѣшнихъ чувствъ, то и примитивное осязаніе расчленилось въ сознаніи, въ психическомъ мірѣ, въ разныя ощущенія. Такъ и теперь. Допустимъ, что атомъ вызываетъ самое неопредѣленное, безконечно-малое ощущеніе въ зрительномъ центрѣ, ощущеніе похожее на осязаніе, разнообразная же совокупность движенія атомовъ произведетъ разнообразный синтезъ психическихъ элементовъ,—т. е. разные цвѣта. Тоже самое и относительно другихъ чувствъ. Поэтому для объясненія явленій природы намъ важны его движеніе, масса, непроницаемость, вторичныя же качества свойствъ безконечно малы и вовсе не нужны для физики. Намъ кажется, въ этомъ родѣ и направленіи нужно искать разрѣшенія возникающей психологической трудности при молекулярной теоріи матеріи (слѣдовательно, нечего грустить намъ вмѣстѣ съ поэтами, что природа сама по себѣ нецвѣтна и беззвучна).

Предъидущія разсужденія сдѣлали возможною постановку вопроса о матеріи, о минимумѣ матеріи, объ атомѣ. Когда земля была огненнымъ шаромъ, на ней не было сознанія. Какія же свойства имѣла она помимо сознанія?

Мы нашли, что атомъ можно считать минимальнымъ предметомъ внѣшняго воспріятія; спрашивается, что же ему соотвѣтствуетъ въ мірѣ недоступномъ для сознанія? Или этотъ вопросъ не разрѣшимъ?

Наше представленіе о пространствѣ и о времени не измѣняется въ теченіи тысячелѣтія. Какъ греки времени Эвклида, такъ и мы считаемъ пространство трехмѣрнымъ. Иное нѣсколько дѣло относительно матеріи и силъ природы. Ученіе объ электричествѣ, о частичныхъ силахъ было неизвѣстно древнему міру. Микроскопъ открываетъ намъ сложность веществъ тамъ, гдѣ для грека была простота. Знаніе матеріи прогрессируетъ. Что означаетъ это съ точки зрѣнія теоріи познанія?

Значитъ, знаніе о количественной сторонѣ природы въ ея общихъ аттрибутахъ, какъ-то: трехмѣрность пространства, вѣчность,—совершенно и не подлежитъ перемѣнѣ. Ставши на точку зрѣнія эволюціонной теоріи познанія, мы должны сказать, что знаніе количества міра адэкватное, а качественное все еще измѣняется, приближаясь къ предѣлу. Пространство мы постигаемъ внѣшними чувствами въ перспективѣ и то же неадэкватно, но геометрія вводитъ насъ въ истинныя пространственныя отношенія земныхъ и небесныхъ тѣлъ, а познаваніе качественной сущности міра не имѣетъ такого объективнаго орудія, и покровъ Майи всегда будетъ закрывать отъ насъ истинную реальность міра. Телескопъ и микроскопъ приближаютъ насъ къ познанію вещей, гдѣ мы видѣли одну звѣзду, рефракторъ кажетъ двѣ, гдѣ ощущали простую ткань матеріи, микроскопъ показываетъ сложность построенія, но это движеніе, приближеніе къ абсолюту, не выводитъ насъ изъ области ощущеній. Хотя блѣднѣютъ цвѣта подъ микроскопомъ, уменьшаются звуки въ малыхъ объемахъ вещества, все же совершенствованіе нашего знанія состоитъ въ лучшей и лучшей формуловкѣ законовъ движенія, счисленіе элементовъ, т. е. въ знаніи количествъ.

Слѣдовательно, какъ мысли о безконечности и вѣч-

ности неизмѣнны, такъ знаніе законовъ геометріи и механики въ частяхъ природы—вѣчно прогрессируетъ.

Такимъ образомъ, сущность прогресса знанія качествъ реальности сводится къ усовершенствованію знанія частныхъ количествъ.

Теперь примѣнивъ эти положенія къ атомизму, если мы допустимъ, что мы имѣемъ возможность усилить наше зрѣніе въ милліонъ разъ, и увидали бы, что матерія состоитъ изъ отдѣльныхъ атомовъ, вѣчно движущихся въ пространствѣ, то мы узнали ли бы основу міра? Нѣтъ. Капля будетъ величиной съ земной шаръ. Атомъ былъ бы наше ощущеніе, хотя и напростѣйшее (зрительное ощущеніе приближалось бы къ осязательному). Нѣчто все же ускользало бы отъ насъ, именно то, что составляетъ въ природѣ основу сознанія. Съ другой стороны наше внѣшнее чувство (зрѣніе) сдѣлало бы чрезвычайное приближеніе въ количественномъ отношеніи къ предѣлу познанія. Все, что касается протяженной стороны, мы узнали бы въ тѣлѣ, и увидали бы метаморфозы силъ природы. Наше знаніе и тогда было бы субъективно-объективное. Качество—субъективно, количество и законъ—объективны.

Познаніе нѣчто субъективное, нормируемое существующимъ. Познаваемые объекты, чтобы не быть галлюцинаціями, должны быть въ нѣкоторой математическо-функціональной зависимости отъ существующаго, по закону же всеобщей эволюціи должны приближаться къ нему.

Что же такое матерія въ этомъ смыслѣ, что такое атомъ съ точки зрѣнія естественно-исторической теоріи познанія, признающей содержаніе внѣшняго воспріятія субъективно-объектнвнымъ (количество — объективно, качество — субъективно)?

Если наше познаніе — нѣчто перемѣнное, приближающееся къ нѣкоторому предѣлу, то должны быть пункты большаго или меньшаго согласованія предметовъ познанія въ основѣ міра. Намъ извѣстны тѣла природы въ трехъ формахъ существованія — какъ вещество, какъ часть пространства, какъ промежутокъ времени, въ который тѣло сохраняетъ свою форму. Наше познаніе пространства совершенно, также и времени. Принципы объ этихъ формахъ существованія не измѣняются, эти формы сознанія адэкватны

формамъ истинной реальности. Количественная сторона намъ извѣстна. Атомъ съ какихъ точекъ зрѣнія возбуждаетъ невѣдѣніе? Конечно, не какъ малый объемъ пространства, или промежутокъ времени, въ который отъ одной точки къ другой движется въ трехмѣрномъ пространствѣ. Мы его не знаемъ съ точки зрѣнія вещественности, т. е. качества.

Качество тѣла, которое нами испытывается, какъ непроницаемое вещество, въ этомъ пунктѣ наше познаванія не достигаетъ предѣла. Намъ неизвѣстно, сколько въ качествѣ вещества субъективнаго, сколько истинно-реальнаго, лежащаго внѣ сознанія.

Такъ какъ выше было доказано, что атомъ не можетъ быть субстанціей міра, то нужно признать, что качество вещества, качественная сторона ощущенія—явленіе субъективное; что же привходитъ въ содержаніе внѣшняго воспріятія количественнаго, закономѣрнаго — то объективное, относящееся къ абсолюту. Знаніе количественной и закономѣрной стороны природы и дѣлаетъ природу объективною, а не призракомъ ума. Количественная сторона природы, ея закономѣрность—составляютъ общее для всѣхъ людей, для всѣхъ сознаній, а качественная—это покровъ Майи, кажущееся.

Существуютъ три взгляда на познаніе: а) философскій скепсисъ; b) критическая точка зрѣнія съ идеалистической тенденціей; c) естественно-историческій. Мы выбрали послѣдній.

Иллюстрируя нашу мысль геометрической фигурой, мы должны сказать такъ:

Абсолютное бытіе кругъ. Наше постиженіе міра вписанный многоугольникъ. Пункты совпаденія—пространство, вѣчность, закономѣрность, несовпаденія—атомы, вещественность атомовъ, качественная окраска ощущенія.

Итакъ атомы не сущность вещей, а элементы познанія, элементарныя возможныя ощущенія. Матерія — въ своихъ законахъ абсолютъ, въ своихъ звукахъ и краскахъ—явленіе сознанія.

Атомы—минимумы матеріи, ощущаемые человѣкомъ въ ихъ аггрегатѣ—отнюдь не послѣдняя реальность, изъ которой все остальное исходитъ; атомы также и не призракъ, они имѣютъ реальность относительную, субъективно-объек-

тивную, какую имѣютъ тѣла природы, полные красокъ и звуковъ для нашего сознанія.

Только въ такомъ смыслѣ матеріалисты должны защищать молекулярную теорію вещества, и ни въ какомъ другомъ.

Мы видѣли, что атомизмъ единственная физическая теорія матеріи, хотя она имѣетъ и глубокіе недостатки. Молекулярная теорія, усовершенствованная далѣе, можетъ привести къ открытію и доказательству единаго закона міра — закона инерціи вещества. Атомы, однако имѣютъ только ту реальность, какая свойственна тѣламъ природы (субъективно-объективная). Атомы—элементы тѣлъ природы. Они не сущности, за сознаніемъ лежащія, и не фикціи ума, которымъ ничто въ природѣ не соотвѣтствуетъ. Разсматривая ученіе о матеріи, имѣющей поры и зернистой въ многихъ случаяхъ по структурѣ, мы получили возможность убѣдиться также въ нѣкоторыхъ особенностяхъ процесса познаванія.

Эти особенности являются фактомъ, а не догадкой. Если бы атомистическая теорія была и опровергнута, свойства познанія, которыя отмѣтимъ мы здѣсь, отъ этого не зависятъ, потому что какое-бы ни было строеніе матеріи, все же наблюдаемъ мы въ ней движеніе безпрерывное, разложимость ея на малыя частицы, массу, инертность и пр. Атомизмъ только описываетъ все это въ болѣе точныхъ формулахъ. Мы видимъ, что пространство, вѣчность, закономѣрность — понятія ясныя, имъ прогрессировать больше некуда. Эти понятія адэкватны: имъ нѣчто соотвѣтствуетъ въ области, лежащей внѣ сознанія, нѣчто безконечное, вѣчное и закономѣрное. Поскольку это постигаемъ мы въ природѣ, настолько она для насъ не призракъ, а нѣчто существующее параллельно съ нами. Абсолютъ, имѣющій такіе аттрибуты, наша психика покрываетъ красками и звуками, созидаетъ качественную природу, не постигая качественной стороны абсолюта, которая остается тайной; отъ нея идутъ радіусами всѣ прочія тайны міра. Въ чемъ же состоитъ прогрессъ міросозерцанія?

Каждый вѣкъ, не измѣняя понятія существующаго единообразія, лучше и лучше формулируетъ частные виды этого однообразія событій. Прогрессъ количественный на счетъ качественнаго.

Такой взглядъ имѣетъ достовѣрность не меньшую, какою обладаютъ естественно-историческія дисциплины. Онъ не есть догматизмъ, потому что осторожно сопоставляетъ исходные пункты и перспективы ученія о познаніи съ данными и съ дисциплинами о внѣшнемъ мірѣ.

ГЛАВА IV.

Психофизическій параллелизмъ.

Такимъ образомъ мы изложили главнѣйшія положенія эволюціонной точки зрѣнія на познаніе. И здѣсь умѣстно, прежде чѣмъ перейти къ вопросу о происхожденіи познанія, разсмотрѣть тѣ данныя психологіи, которыя могутъ подготовить рѣшеніе задачи о соотношеніи объективнаго (бытія) и субъективнаго (психическаго), т. е. проблему психофизическаго параллеллизма, а также вопросъ о субстанціи души.

„Наше знаніе, можно сказать, начинается съ различенія", говоритъ Бэнъ. Поэтому, чтобы яснѣе понять принципъ психофизическаго параллелизма, сначала нужно для сравненія сказать нѣсколько словъ о метафизическомъ параллелизмѣ явленій духа и явленій матеріи.

Если оставимъ мы въ сторонѣ древній періодъ философіи, изъ представителей котораго только одинъ Аристотель имѣлъ нѣкоторое представленіе о параллельномъ сосуществованіи явленій душевныхъ и тѣлесныхъ, а перейдемъ въ періодъ новой философіи, то здѣсь мы увидимъ, что уже Декартъ своимъ яснымъ различеніемъ мыслящей непротяженной субстанціи духа отъ протяженной немыслящей субстанціи матеріи кладетъ основаніе, на которомъ должно было создаться ученіе о метафизическомъ параллелизмѣ. Его послѣдователи картезіанцы Кордемуа и Де-ла-Форжъ и окказіонолистъ Гейлинксъ уже приближаются къ этому ученію, когда говорятъ, что не знаютъ, какимъ образомъ происходитъ въ душѣ ощущеніе отъ движенія въ органахъ чувствъ, съ другой стороны, и тѣло, какъ безсознательное и неразумное суще-

ство, можетъ воздѣйствовать; они утверждаютъ, что актъ воли и чувственное раздраженіе только causae occasionales божеской воли.

Спиноза, пораженный фактомъ необъяснимости связи духа и матеріи, глубоко вѣрующій въ силы человѣческаго разума, приходитъ къ ясному ученію о метафизическомъ параллелизмѣ явленій духа и явленій матеріи. Онъ доказываетъ изъ понятія субстанціи, даннаго Декартомъ, что о взаимодѣйствіи между духомъ и матеріей не можетъ быть и рѣчи, разъ они субстанціи. Фактическая же параллельность явленій души и физическихъ явленій только подтверждаетъ то положеніе, что субстанція одна а не двѣ; эта субстанція называетя тѣломъ, если разсматривается подъ аттрибутомъ протяженія, и духомъ подъ аттрибутомъ мышленія; матеріальныя и духовныя явленія составляютъ только двѣ стороны одного и того же необходимаго мірового процесса. Этотъ метафизическій монизмъ Спинозы болѣе всего приближается къ нашему научному психофизическому параллелизму, Лейбницъ измѣняетъ ученіе о метафизическомъ параллелизмѣ, построивши новый сверхопытный міръ, міръ монадъ, напоминающій матеріальный міръ атомистовъ. Хотя Лейбницъ и полагалъ предустановленную гармонію между психическими состояніями монады и между дѣятельностью всѣхъ остальныхъ монадъ, но эта гармонія, этотъ параллелизмъ не между психическими и матеріальными явленіями, а между психическимъ явленіямъ монады и дѣятельностью безконечнаго числа монадъ. Это другой типъ метафизическаго параллелизма, переходящее въ идеализмъ. Трансцендентальный идеализмъ Канта и ученіе матеріалистовъ XVIII вѣка, (Ламеттри, Гельвеція, Гольбаха), равно разрушали философію системы двусторонняго существованія и ученія о предустановленной гармоніи.

Только Шеллингъ, подъ вліяніемъ Гердера возвративъ природѣ самостоятельность, отнятую у него ученіемъ Фихте, считая природу (natura — naturata) первою ступенью, а не противоположностью духа, считая природу лѣстницей, по которой духъ поднимается къ самому себѣ, въ первомъ періодѣ своего философствованія приближается къ идентичности явленій духа и матеріи. Во второмъ фазисѣ своей философіи Шеллингъ приходитъ къ положенію, что основа при-

роды и духа абсолютное, есть идентитетъ реальнаго и идеальнаго.

Міроосновa является, какъ природа и духъ, сама же она ни то, ни другое, а единство обоихъ. Въ наше столѣтіе спиритуалисты съ одной стороны, и научные матеріалисты съ другой, стремились пресѣчь въ корнѣ ученіе о двойственномъ существованіи міра; это ученіе, какъ сама природа, неистребимо. Фехнеръ философъ мечтатель и трезвый изслѣдователь съ большой силой воображенія и при обиліи научныхъ данныхъ сталъ утверждать, что душа человѣка стоитъ на средней ступени лѣстницы духовной жизни: подъ нами и рядомъ—души растеній и животныхъ, надъ нами — духи земли и звѣздъ. Все состоитъ изъ души и тѣла, для божественнаго духа звучитъ и свѣтитъ матеріально колеблющееся.

Принципъ психо-физическаго параллелизма, какъ эмпирическій постулатъ, старались формулировать съ научной точки зрѣнія Бэнъ, Вундтъ, Паульсенъ и Авенаріусъ и ученики ихъ. Бэнъ въ своей книгѣ „Душа и тѣло“ доказываетъ, что параллельно духовной серіи явленій идетъ физическая серія фактовъ, послѣдовательное движеніе физическихъ органовъ, глаза, сѣтчатки, оптическаго нерва, оптическихъ центровъ, мозговыхъ полушарій, выводящихъ нервы мускуловъ. Было бы несогласно со всѣмъ, что мы знаемъ о дѣйствіи мозга, еслибъ мы предположили, что физическая цѣпь внезапно кончается физической пустотой, занимаемой не матеріальной субстанціей, которая, работая сама по себѣ, сообщаетъ результаты этой работы другому концу физической цѣпи и обусловливаетъ активный отвѣтъ. „Это значитъ другими словами, предположить существованіе двухъ матеріальныхъ береговъ съ нематеріальнымъ океаномъ по серединѣ.“ Въ дѣйствительности въ нервной системѣ нѣтъ перерыва. Единственно возможное предположеніе, это то, что физическіе и духовные процессы идутъ параллельно, какъ нераздѣльные двойники.

Переходя за тѣмъ отъ психологическаго факта къ философіи, онъ говоритъ, что аргументы въ защиту двухъ субстанцій потеряли всю свою силу; что одна субстанція съ двумя классами свойствъ, двумя сторонами—физической и духовной, двустороннее единство, повидимому, удовлетворяетъ

всѣмъ требованіямъ разума. Вундтъ говоритъ, что внѣшнее волевое дѣйствіе созидается не посредствомъ внутренней волевой дѣятельности, но посредствомъ мозговыхъ процессовъ, соотвѣтствующихъ этимъ послѣднимъ; такимъ же образомъ представленіе созидается не посредствомъ физіологическихъ возбужденій центра чувствъ, но посредствомъ соотвѣтствующихъ имъ процессовъ ощущенія и ассоціаціи. Не физическое возбужденіе созидаемъ ощущеніе, но оно возникаетъ изъ какихъ-либо психическихъ элементарныхъ процессовъ, которые находятся подъ порогомъ нашего сознанія. При чемъ въ ряду психическихъ событій существуетъ причинность иного характера, нежели причинность въ ряду физическихъ фактовъ. Признаки психической причинности слѣдующіе: 1) принципъ чистой актуальности дѣйствія; 2) принципъ творческаго синтеза; 3) принципъ относящаго анализа.

1) Характеръ физической причинности субстанціональный. Событіе, какъ слѣдствіе въ психическомъ мірѣ, возможно безъ участія постоянныхъ условій.

2) Психическіе элементы посредствомъ причинныхъ взаимодѣйствій производятъ соединенія, которыя обладаютъ новыми свойствами, которыя не заключались въ элементахъ. Напримѣръ, изъ множества свѣтовыхъ впечатлѣній складывается представленіе пространственной формы.

3) Части психическихъ образованій по расчлененіи всегда остаются въ связи съ цѣлымъ и вслѣдствіе этого пріобрѣтаютъ свое собственное значеніе.

Авенаріусъ разсматриваетъ отношеніе между измѣненіями мозга и психическими измѣненіями только лишь съ точки зрѣнія логическаго и функціональнаго отношенія. Причина и слѣдствіе въ эмпиріокритицизмѣ совсѣмъ отброшены. Вмѣсто нихъ имѣется обусловленное и совокупность условій, какъ нѣчто одновременное съ нимъ.

Авенаріусъ развиваетъ строгій параллелизмъ между измѣненіями центральнаго органа и содержаніемъ высказываній. Мозговые процессы и психическія измѣненія во времени совпадаютъ. Авенаріусъ воспользовался понятіемъ математической функціи для выраженія зависимости между психическими и мозговыми явленіями.

Измѣненіе механическаго характера соотвѣтствуетъ из-

мѣненіямъ амеханическимъ, какъ измѣненіе аргумента къ измѣненіямъ функціи.

Вундтъ находитъ противорѣчіе въ понятіи Авенаріуса о параллелизмѣ психическихъ и физическихъ явленій. Образъ параллельныхъ линій долженъ напомнить о томъ, что хотя оба члена соотвѣтствуютъ другъ другу, но что одно изъ другого не можетъ быть выведено, поэтому понятіе математической зависимости стоитъ въ противорѣчіи съ понятіемъ параллелизма. Психическіе элементы и механическія перемѣны— гетерогенныя понятія, здѣсь нельзя найти математической зависимости. Отношеніе между психическимъ и физическимъ не однозначно или однообразно; Авенаріусъ не доказалъ, что между психическимъ и физическимъ существутъ только лишь функціональное отношеніе въ смыслѣ математики.

Такъ нельзя допустить, чтобы движеніе переходило въ ощущеніе или въ представленіе, или въ мысль, потому что такое допущеніе равносильно положенію, что движеніе можетъ исчезать, что законъ сохраненія энергіи не имѣетъ мѣста въ мозговыхъ измѣненіяхъ, и понятіе о параллелизмѣ механическихъ и психическихъ явленій понятіе необходимое. И принципъ параллелизма можемъ мы выразить двумя положеніями: 1) физическія явленія никогда не бываютъ дѣйствіемъ психическихъ и 2) психическія явленія никогда не бываютъ дѣйствіемъ физическихъ явленій.

Если же мы пойдемъ далѣе и спросимъ, можетъ ли вообще быть удержанъ, какъ конечное предположеніе психологіи, принципъ, заключающій въ себѣ въ сущности два вполнѣ различныхъ принципа, которые, не смотря на это, должны находиться въ постоянныхъ взаимныхъ отношеніяхъ? Не противорѣчитъ ли подобный двойственный принципъ нашему справедливому стремленію къ единому міровоззрѣнію? Не слѣдуетъ ли смотрѣть на его значеніе, какъ на чисто временное?

Отвѣтъ на эти вопросы долженъ быть предоставленъ метафизикѣ.

Такъ видимъ мы сходство и разницу между метафизическимъ принципомъ параллелизма и научнымъ. Сходство между ними въ томъ, что оба эти принцина признаютъ несводимость матеріальныхъ явленій на психическія, несводимость объективно существующаго на субъективное. Разница

между ними, вопервыхъ, въ методѣ, вовторыхъ, въ точкѣ зрѣнія на духъ и матерію. Метафизики пришли къ параллелизму изъ совершеннаго несходства протяженной матеріи съ непротяженной мыслящей субстанціей духа, или изъ невозможности перейти отъ психическихъ явленій непротяженнаго духа на объективную дѣятельность другихъ существъ.

Научный же принципъ психо-физическаго параллелизма есть слѣдствіе встрѣчи двухъ положительныхъ наукъ, физіологіи и психологіи. Затѣмъ, что касается точки зрѣнія на духъ и матерію, метафизики все свое знаніе черпали изъ опредѣленій духа и матеріи, какъ существъ протяженнаго и непротяженнаго. Методъ современныхъ физіологовъ и психологовъ иного рода — они разсматриваютъ факты міра и психическія событія, они эксперементируютъ и приходятъ къ параллельности психическихъ и физическихъ событій. не будучи въ состояніи отвергать ни связи между ними, ни несводимости однихъ на другія.

И такъ принципъ научнаго параллелизма можетъ быть выраженъ такимъ образомъ: психическія явленія объясняются предшествующими и сосуществующими психическими событіями, физическія явленія не имѣютъ иныхъ причинъ, кромѣ физическихъ. Двѣ цѣли явленій идутъ параллельно. Но здѣсь являются вопросы. Какъ далеко простираются за физическими явленіями психическія? Мы можемъ приписать душевныя явленія животнымъ, растеніямъ, но можемъ ли мы дальше идти и сказать, что и кристаллы имѣютъ нѣчто, напоминающее самые простые психическіе акты?

Логика на той сторонѣ, что мы не должны ставить конца цѣпи психическихъ явленій, такъ же, какъ рядъ физическихъ явленій для насъ безконеченъ. Параллелизмъ такимъ образомъ возноситъ насъ на высокій пунктъ созерцанія, откуда видимъ мы двойное существованіе міра, откуда, смотря вверхъ, мы догадываемся, что возможна психическая реальность, превосходящая человѣческій психическій міръ, какъ безконечное превосходитъ конечное. Пораженные великой картиной созерцанія, мы далѣе можемъ спросить самихъ себя и безконечную природу, что же то, что объединяетъ и пространство и время, и міръ матеріальныхъ событій, и психи-

ческихъ явленій? что же то, что соединяетъ въ себѣ реальное и идеальное, что могло бы насытить и умъ и сердце?

Сколько было философскихъ системъ, столько же было отвѣтовъ на этотъ величайшій вопросъ, и пока существуетъ человѣческій или какой-либо другой конечный разумъ, будетъ этотъ вопросъ предлагаться, и будутъ на него отвѣчать. Потому что философія, какъ и бытіе, не имѣетъ конца.

О субстанціональномъ понятіи души.

Въ противовѣсъ Вундту, Паульсену и другимъ психологамъ, допускающимъ только актуальное понятіе души, я привожу здѣсь мнѣнія Гамильтона, Спенсера, Милля и Джемса о необходимости допущенія субстанціи духа для того, чтобы сдѣлать мыслимымъ самопознающій рядъ психическихъ явленій, чтобы сдѣлать объяснимой реальную связь между ними. Вотъ слова Гамильтона объ этомъ предметѣ (см. 16 стр., 22. Обзоръ философіи сэръ Вильяма Гамильтона. Критик. Милль):

„Все наше знаніе о духѣ и веществѣ относительно обусловлено. Все, что мы знаемъ феноменально, есть феноменальное неизвѣстнаго... Этого и не отвергали, ибо всѣ обыкновенно признавали, что какъ субстанціи мы не познаемъ, что такое вещество, не вѣдаемъ, что такое духъ“. Въ другомъ мѣстѣ говорится: „по скольку духъ обозначаетъ тотъ субъектъ или субстанцію, въ которой пребываютъ явленія познаванія, хотѣнія и т. д. — нѣчто позади или подъ этими явленіями,—онъ выражаетъ то, что въ себѣ или въ своемъ абсолютномъ существованіи остается неизвѣстнымъ“. Изъ этихъ словъ Гамильтона видно, что не было у него сомнѣнія въ субстанціи духа, а высказывается лишь его убѣжденіе, что эта субстанція непознаваема. Въ этомъ же смыслѣ выражается и Спенсеръ; онъ говоритъ (ст. 165 основанія психологіи), что духъ въ томъ видѣ, какъ онъ извѣстенъ обладателю его, есть ограниченный аггрегатъ дѣятельностей, а связь этихъ дѣятельностей въ аггрегатѣ одна съ другой вынуждаетъ у насъ заключеніе о существованіи чего-то, чего онѣ суть дѣятельности“. На стр. 167: „Выраженіе субстанція духа, если мы только будемъ употреблять его въ какомъ-либо иномъ смыслѣ, а не какъ простое *X*, неизбѣжно во-

влечетъ насъ въ ошибки". Парафразировать нѣтъ надобности эти ясныя выраженія.

Поучительнѣе всего для насъ сужденія Милля объ этомъ предметѣ, потому что Милль былъ далекъ отъ спиритуализма.

Въ системѣ логики Милля (на стр. 74) мы читаемъ:

„Какъ вещество есть таинственное нѣчто, возбуждающее въ духѣ чувства, такъ духъ есть таинственное нѣчто, которое чувствуетъ и думаетъ.

. . . . . Есть нѣчто, что я называю моимъ „я", или выражаясь иначе, моимъ духомъ, и что признаю отличнымъ отъ этихъ ощущеній, мыслей и проч.; нѣчто, что я признаю не мыслями, а существомъ, обладающимъ этими мыслями, и что я могу себѣ представить существующимъ вѣчно въ состояніи покоя, безъ всякихъ мыслей. Но о томъ, каково это существо, хотя я же его и составляю, я не имѣю свѣдѣній, кромѣ ряда его состояній сознанія....

Мыслящее начало или духъ въ моей собственной природѣ обнаруживается мнѣ только сознаваемыми мною чувствами".

Еще замѣчательнѣе мысли Милля, приводимыя у Рибо въ его „современной, англійской психологіи": (123, 124, 125, 126) „Слѣдовательно, когда мы говоримъ о духѣ, какъ о рядѣ чувствованій, мы обязаны для полноты прибавить: рядъ чувствованій, который самъ познаетъ себя, какъ прошедшій и какъ будущій. И намъ приходится или признать, что духъ, „я", — что-то отдѣльное отъ ряда данныхъ или возможныхъ чувствованій, или принять тотъ парадоксъ, что нѣчто, признанное гипотезой за рядъ чувствованій, можетъ познать себя, какъ таковой рядъ".

Въ другомъ мѣстѣ, говоря о томъ, что субстанція нужна для опоры и связи явленій, Милль указываетъ еще на большую трудность, которую должны преодолѣть тѣ философы, которые ничего болѣе не допускаютъ кромѣ феноменовъ. Вотъ его слова: „И дѣйствительно, всѣ философы, изучавшіе этотъ вопросъ, рѣшали, что субстанція нужна лишь въ качествѣ опоры и связи явленій, но (далѣе говоритъ онъ) есть болѣе страшная трудность. Вы сводите „я" къ ряду состояній сознанія, но необходимо, чтобы что-нибудь соединяло ихъ между собою. Если вы выдернете нитку изъ ва-

шего жемчужнаго ожерелья, что останется? Отдѣльныя жемчужины, а уже не все ожерелье. Я считаю несомнѣннымъ, что есть что-то реальное въ этой связи, реальное, какъ сами ощущенія".

Прочитавъ это, говоритъ Рибо, несправедливо было бы смѣшивать доктрину Милля съ ученіемъ Юма, съ ученіемъ феноменистовъ.

Изъ этого всего видно, что субстанція духа нужна для связи явленій, для ихъ опоры, чтобы бытіе не было лишь рядомъ символовъ; вовторыхъ, духъ дѣлаетъ мыслимой реальную связь между психическими явленіями; въ третьихъ, объясняетъ самопознаніе этого ряда.

Приведемъ же мнѣніе Джемса объ этомъ предметѣ. Въ своей психологіи, на стр. 387, онъ говоритъ:

„Наиболѣе состоятельной въ логическомъ отношеніи я считаю спиритуалистическую теорію. Но она не даетъ никакого объясненія такимъ психическимъ явленіямъ, какъ раздвоеніе личности, періодическая смѣна одной личности другою".

Сличая всѣ эти мнѣнія, мы должны сказать, что мысль о субстанціи духа есть необходимое, философское допущеніе; въ этомъ допущеніи больше логики, чѣмъ въ иныхъ предположеніяхъ. Но, какъ говоритъ Джемсъ, и это допущеніе не объясняетъ всѣхъ явленій. И не нужно думать, чтобы необъяснимость нѣкоторыхъ явленій окончательно подрывала значеніе философскаго, необходимаго допущенія, потому что оно не есть научная гипотеза, существованіе которой только обусловливается тѣмъ, что она объясняетъ всѣ явленія, для освѣщенія которыхъ она придумана.

Философскій постулатъ есть удовлетвореніе глубочайшимъ потребностямъ нашего духа, отвѣтъ на высшій вопросъ разума; научная гипотеза удобная схема, облегчающая изученіе явленій, не болѣе; достоинство ея только въ одномъ, что бы не было явленія, ею необъясненнаго. Философскій постулатъ есть допущеніе чего то неизвѣстнаго, которое намъ необходимо, чтобы рядъ явленій былъ мыслимымъ; научная гипотеза—допущеніе чего-то извѣстнаго, что упрощаетъ намъ объясненіе явленій.

Чтобы полнѣе выразить мою мысль, здѣсь приведу возраженія Кюльпе противъ тѣхъ, кто пытается сдѣлать ен

нужнымъ или противорѣчащимъ себѣ допущеніе субстанціи духа. Вотъ возраженія Кюльпе (Введеніе въ философію, стр. 190, 191, 192, 193).

„Субстанція души, говорятъ, не есть предметъ воспріятія. Въ этомъ, конечно, нельзя сомнѣваться, еще нѣтъ данныхъ. Но вѣдь атомы и безсознательные психическіе процессы тоже не принадлежатъ къ кругу возможнаго опыта.

. . . . . .

Далѣе говорятъ, что связь между субстанціей души и психическими явленіями, подлежащими опыту, непредставима. Но вѣдь связь между психическими и физическими феноменами, которую признаетъ монизмъ, лучше ли представима?

. . . . . .

Далѣе противъ допущенія такой субстанціи духа утверждается, что свойства ея состоятъ изъ отрицательныхъ опредѣленій, но развѣ самостоятельность и постоянство (неизмѣнность) нѣчто отрицательное, съ другой стороны, свойства, которыми опредѣляется матерія, разсматриваемыя въ отвлеченіи отъ опытныхъ отношеній тѣлъ, не суть ли отрицательныя опредѣленія?“

Если теорія о субстанціи души связь психическихъ процессовъ и функцій безъ носителя ихъ считаетъ не мыслимой, то, по теоріи актуальнаго понятія души, эта трудность должна быть уничтожена черезъ объясненіе того, что психическій процессъ, какъ, напр., чувство, никогда одинъ не происходитъ, но всегда только въ связи съ цѣлой жизнью души.

Тогда нужно было бы думать, что множественность есть носитель каждаго!

Далѣе Кюльпе спрашиваетъ о томъ, какъ возможно объяснить связь явленій изъ ихъ элементовъ?

И находитъ, что такое рѣшеніе труднѣе всего, помимо теоріи субстанціональной души.

Далѣе могутъ сказать, говоритъ Кюльпе, что разница между вещью въ себѣ и явленіемъ, которую Кантъ и послѣ него Гербартъ выяснили, для внутренняго опыта не имѣетъ значенія.... Но вѣдь та разница не есть серьезнѣйшій и единственный мотивъ для образованія понятія духовной субстанціи.

Часть III.

Происхожденіе познанія.

ГЛАВА I.

Генезисъ внѣшняго воспріятія.

Теорія познанія, какъ и всякая наука, должна начинаться съ признанія нѣкоторыхъ самоочевидныхъ истинъ, которыя ни откуда невыводимы. Естественно историческій взглядъ на познаніе долженъ признать, какъ видѣли мы выше, три очевидныя истины:

1. Существуетъ мой организмъ, одаренный внѣшними чувствами и способностью психически переработывать впечатлѣнія, полученныя черезъ внѣшнія чувства.

2. Существуетъ міръ вещей, которыя я вижу, слышу, осязаю и т. д. органами внѣшнихъ чувствъ.

3. Кромѣ меня существуютъ другіе организмы, тоже одаренные внѣшними чувствами и способностью психически переработывать впечатлѣнія.

На основаніи этихъ трехъ положеній должна создаться наука о познаніи и о морали.

Разсматривая вещи, познаваемыя внѣшними чувствами, мы видимъ, что онѣ измѣняются (рождаются, живутъ и умираютъ). Такъ какъ мы видимъ, что для образованія предмета матеріалъ уже раньше данъ природой, то приходимъ къ заключенію, что происхожденіе есть развитіе сложнаго изъ простого, а смерть—явленіе обратное.

Развитіе (эволюція) и разложеніе (диссолюція) и будутъ главными точками зрѣнія въ естественно-исторической теоріи происхожденія познанія. Подъ угломъ зрѣнія этихъ понятій будутъ разсмотрѣны проблемы происхожденія познанія.

Аппаратомъ познанія служитъ головной мозгъ съ его внутренними и внѣшними „центрами“. Чтобы возможно было видѣніе, необходимы чистый хрусталикъ глаза и стекловиднаго вещества, необходимо, чтобы лучи пересѣкались на нервныхъ образованіяхъ сѣтчатки. Для слышанія необходимо, чтобы колебанія воздуха приводили въ дрожаніе „слуховую“ воду. Это все, однако, условія периферическія, которыхъ однихъ недостаточно для внѣшняго воспріятія. Для зрѣнія еще необходима дѣятельность зрительныхъ центровъ въ затылочныхъ доляхъ мозга, для слуха — въ височныхъ. Переработка матеріаловъ внѣшняго воспріятія обусловливается физіологическою (физико-химическою) дѣятельностью вещества мозга. Доказательствомъ этого между прочимъ служитъ уже то, что сильная и глубокая мысль разстраиваетъ физіологическую дѣятельность организма, что двѣ спеціальности нашъ мозгъ вмѣщаетъ съ трудомъ и т. п. факты, объясняемыя лишь вещественностью познавательнаго аппарата.

Имѣя въ виду такой физическій, очень несовершенный и ограниченный аппаратъ познанія, мы и будемъ разсматривать накопленіе и улучшеніе знанія съ эволюціонной точки зрѣнія. Заранѣе однако представляется необходимымъ замѣтить, что такая точка зрѣнія не есть чисто матеріалистическая. Я допускаю вначалѣ, кромѣ матеріи, пространство (которое не матеріально), время и мысль, какъ продуктъ вещества. Мысль не вещество, хотя и продуктъ послѣдняго. Въ теоріи познанія и происхожденія знанія не должно быть смѣшанныхъ терминовъ и неопредѣленныхъ понятій; только при строгомъ соблюденіи этого она поведетъ насъ къ истинѣ, съ какой бы точки зрѣнія не взяли мы разсмотрѣніе предмета.

Ученіе о познаніи должно быть въ связи съ теоріей жизни. Откуда жизнь? — Это до сихъ поръ является тайной. Хотя, если вѣрить наведенію на основаніи данныхъ астрономіи и геологіи, живое получилось изъ не живого въ извѣстный періодъ геологической жизни. Какъ произошла жизнь? Это можетъ быть рѣшено только экспериментальнымъ путемъ. До сихъ поръ всѣ опыты давали отрицательный результатъ. Но никто не поручится, что въ одинъ прекрасный день получится результатъ положительный. Совершенно

иначе дѣло обстоитъ въ вопросѣ о происхожденіи разнообразія видовъ. Здѣсь возможно только одно рѣшеніе на основаніи біологіи и геологіи. Сложное произошло изъ простого, разнообразное изъ однообразнаго, дифференцированное изъ аморфного. Данныя біологіи удивительно ясно рисуютъ картины мірозданія.

До третичной эпохи мы не видѣли высшихъ позвоночныхъ, хотя рыбы встрѣчаются еще въ пермскій періодъ, а моллюски разнаго рода жили и живутъ во всѣхъ ярусахъ геологическихъ образованій. Очевидно, что моллюски и всякія низшія образованія болѣе первичныя формы, чѣмъ рыбы или наземныя позвоночныя.

Переходныя формы между рыбами и птицами, между птицами и пресмыкающимися сохраняются въ памятникахъ земли, хотя теперь уже не встрѣчаются. Нѣтъ, можетъ быть, другого рѣшенія для незараженнаго ума, кромѣ одного, что высшія формы произошли изъ низшихъ. Для любого біолога нашего времени покажется нелѣпостью мысль, что человѣкъ произошелъ такимъ, какимъ мы его видимъ теперь, независимо отъ другихъ видовъ. Разнообразіе народовъ, измѣнчивость видовъ все скажетъ за то, что человѣкъ одна изъ формъ живыхъ существъ, находящаяся въ родствѣ съ другими формами. Ему ближе всего четверорукія.

Такой же точки зрѣнія должна держаться теорія происхожденія познанія. Въ этомъ смыслѣ критика чистаго разума Канта, не что иное, какъ теорія философскаго ума, теорія науки въ нынѣшнемъ ея состояніи. Теорія познанія въ всеобъемающемъ смыслѣ должна быть наукою о всякомъ познаваніи, воспріятіи внѣшняго и внутренняго міра, не только человѣческихъ индивидовъ, но и всѣхъ прочихъ существъ, обладающихъ нервными аппаратами, служащими для реагированія организма на внѣшнія воздѣйствія, дабы жизнь могла продолжаться.

Принципъ, что чѣмъ несовершеннѣе познавательный аппаратъ, чѣмъ примитивнѣе связи между нервными центрами, чѣмъ менѣе дифференцированы периферическія органы воспріятій внѣшняго міра, тѣмъ проще познаваемый внѣшній и внутренній міръ, этотъ принципъ долженъ быть руководящимъ для теоріи происхожденія познанія.

Къ принципу эволюціи нужно присоединить другой—

принципъ приспособленія, потому что сознаніе, часть котораго есть познаніе, одна изъ формъ приспособленія организма къ природѣ. Мышленіе есть приспособленіе къ будущему, къ вещамъ отдаленнымъ, еще несуществующимъ, но которыя имѣютъ возникнуть.

Поэтому разсматривая психическія реагированія жизненнаго аггрегата (индивида), т. е. имѣя въ виду разсмотрѣть происхожденіе познанія, мы должны руководствоваться двумя принципами—развитіе и приспособленіе къ внѣшнему міру. Начнемъ съ сложнаго физическаго аппарата, человѣческой нервной системы, и его сложнаго психическаго міра.

Изъ троякаго рода образованія состоитъ физическій аппаратъ познанія: изъ периферическихъ развѣтвленій, имѣющихъ цѣлью уловлять перемѣны природы, изъ первыхъ волоконъ, проводящихъ сигналы перемѣнъ въ периферіи, и изъ центровъ, гдѣ видоизмѣняются и комбинируются событія нервной системы.

Въ центральномъ органѣ, въ мозгу, мы видимъ психосензорные и психомоторные центры. Центръ зрѣнія въ затылочныхъ доляхъ, центръ слуха въ вискахъ и т. д.

Разсмотрѣніе этихъ подорганов, имѣющихъ свои функціи, показываетъ, что мозгъ нѣчто составное, въ высшей степени дифференцированное и связное. Разныя доли его играютъ разную роль, несутъ разную службу, и только при такой сложности и возможна сложная психическая жизнь человѣка.

Спускаясь по біологической лѣстницѣ внизъ, мы видимъ упрощеніе физическаго аппарата въ индивидуумахъ, пока не дойдемъ до существъ (насѣкомыхъ), имѣющихъ только отдѣльные нервные узлы, связанные нервными нитями, разбросанными по всему организму. Периферическія части мало развиты (неподвижность глазъ у насѣкомыхъ).

Здѣсь необходимо предположить только такую психику, какая свойственна гангліознымъ узламъ человѣка (и спинному мозгу). Здѣсь физическое реагированіе преобладаетъ надъ психическимъ. Если спустимся еще ниже, мы встрѣтимся съ живыми существами, не имѣющими никакихъ спеціальныхъ аппаратовъ для психическаго реагированія.

Тщательное изученіе жизни высшихъ животныхъ, наиболѣе понятныхъ человѣку, и ближайшихъ къ нему по со-

вершенству въ нисходящемъ порядкѣ могло бы дать намъ обильный матеріалъ для исторіи духа міра. Къ сожалѣнію, спеціалистами сдѣлано очень мало въ этомъ смыслѣ (Бремъ, Эспинасъ, Вундтъ, Дарвинъ и др.). Попытка указать нѣкоторые этапные пункты въ развитіи „психики“ организмовъ возможна, какъ намъ кажется, и при такомъ положеніи дѣла. Человѣческая психологія показываетъ намъ, что ощущенія предшествуютъ во времени представленіямъ того же рода. Представленія предваряютъ понятія о классахъ предметовъ. Периферія нервной системы наиболѣе тонко устроена для уловленія внѣшнихъ перемѣнъ, чѣмъ для внутреннихъ, слѣдовательно, познаваніе внѣшняго міра происходитъ раньше, чѣмъ внутренняго, психическаго. Ощущенія внѣшняго міра наиболѣе первичны въ жизни человѣка, и чувство удовольствія и боли суть первыя чувства во внутренней жизни. Непроизвольное реагированіе органовъ раньше произвольнаго, разсудочнаго, волеваго приспособленія. Первичныя ощущенія перемѣнъ природы, чувство страданія и удовольствія, непроизвольныя движенія подъ вліяніемъ ощущеній и чувствъ удовольствія и страданія вотъ начальное содержаніе психики.

Насколько сложны ощущенія у человѣка, насколько интенсивны чувства боли и удовольствія и какъ разнообразны непроизвольныя движенія? При какихъ физическихъ аппаратахъ возможны всѣ эти психическія событія?

Къ нашему счастью, человѣкъ обладаетъ разными состояніями познаванія отъ самаго несовершеннаго испытыванія внутреннихъ измѣненій въ своемъ организмѣ (неопредѣленнаго самочувствія) до тонко расчлененнаго зрительнаго воспріятія. Знаніе физическихъ аппаратовъ этихъ испытываній можетъ дать намъ ключъ для умозаключенія къ „психикѣ“ низшихъ существъ. Съ другой стороны, человѣкъ испытываетъ движенія инстинктивныя, безотчетныя (страхъ, радость). Онъ же строитъ отдаленные планы о своихъ будущихъ дѣйствіяхъ, и его умозаключенія черезъ тысячи логическихъ звеньевъ оправдываются явленіями природы. Человѣкъ въ его теперешнемъ состояніи выраженіе всѣхъ ступеней бытія духа, онъ исторія психической жизни на землѣ.

Какими же нервными аппаратами обусловлена его разнообразная по степени и совершенству душевная дѣятельность?

Возьмемъ мы частный примѣръ—органъ зрѣнія. У человѣка зрительный нервъ развѣтвляется внутри глазнаго яблока въ видѣ сѣтчатки чрезвычайно сложнаго строенія. Сѣтчатка снаружи граничитъ съ слоемъ шестиугольныхъ клѣтокъ пигментнаго эпителія. Клѣтки эти не плоски, но посылаютъ пигментированные отростки въ промежутки между концами палочекъ. Изъ слоевъ собственно сѣтчатки слѣдуетъ обратить вниманіе на слой палочекъ и колбочекъ (невроэпителій). Наружныя членики колбочекъ и палочекъ содержатъ красный пигментъ. Глазное яблоко наполнено стекловиднымъ веществомъ, въ которомъ помѣщенъ хрусталикъ (двояковыпуклая чечевица). Наружная поверхность глаза покрыта прозрачной роговицей (которая есть бѣлковая оболочка, радужная оболочка продолженіе сосудистаго слоя).

Аккомодація глаза есть способность его давать на сѣтчаткѣ ясныя изображенія какъ дальнихъ, такъ и близкихъ предметовъ. Она обуславливается тѣмъ, что хрусталикъ, смотря по разстоянію предмета, можетъ дѣлаться то болѣе, то менѣе выпуклымъ. Шарообразное глазное яблоко, расположенное въ соотвѣтственной выемкѣ жировой подстилки глазницы, можетъ совершать въ этихъ предѣлахъ обширныя и свободныя движенія. Совмѣстное участіе обоихъ глазъ въ актѣ зрѣнія представляетъ слѣдующія выгоды:

1. Поле зрѣнія обоихъ глазъ значительно больше, нежели каждаго въ отдѣльности.

2. Воспріятіе тѣлесности предметовъ облегчается, такъ какъ изображенія на сѣтчаткѣ отпечатлѣваются съ двухъ различныхъ сторонъ.

3. Разстояніе и величина предметовъ точнѣе опредѣляются по ощущеніямъ степени схожденія обоихъ глазъ.

Сужденіе наше о величинѣ предмета находится прежде всего въ зависимости отъ величины изображенія на сѣтчаткѣ: луна кажется намъ больше звѣзды.

О величинѣ разстоянія даетъ намъ понятіе прежде всего ощущеніе степени аккомодаціи, потому что для яснаго зрѣнія вблизи требуется большее напряженіе аккомодаціонной мышцы, нежели для дальнихъ предметовъ.

Несравненно болѣе важнымъ средствомъ для опредѣленія величины предмета служитъ оцѣнка разстоянія на основаніи степени схожденія зрительныхъ осей.

Мѣстонахожденіе предмета, разсматриваемаго бинокулярно, мы относимъ къ точкѣ пересѣченія обѣихъ зрительныхъ осей.

О величинѣ же необходимаго для этой цѣли мышечнаго сокращенія мы судимъ на основаніи мышечнаго чувства глазныхъ мышцъ.

Такимъ образомъ для различенія цвѣтовъ, тѣней и полутѣней, величины, фигуры, разстоянія нужны сложные аппараты зрѣнія. Всѣ ли организмы обладаютъ такими сложными периферическими образованіями? иными словами, всѣ ли организмы представляютъ міръ въ тѣхъ же краскахъ, въ той же величинѣ, въ той же фигурѣ и т. д.?

Сравнительная физіологія насъ убѣждаетъ, что простѣйшую форму зрительнаго аппарата представляютъ скопленія пигмента въ наружныхъ покровахъ тѣла, находящіяся въ соприкосновеніи съ окончаніемъ центростремительнаго нерва.

Пигментъ подъ вліяніемъ живой силы свѣтового эфира освобождаетъ скрытыя химическія силы, которыя дѣйствуютъ возбуждающимъ образомъ на концевой нервный аппаратъ.

Кучки пигмента (къ которымъ подходятъ нервы), которыя снабжены прозрачнымъ преломляющимъ свѣтъ тѣломъ, встрѣчаются на периферіи колокола высшихъ *медузъ*, у низшихъ только пигментныя пятна.

У многихъ низшихъ червей встрѣчаются только одни пигментныя пятна, расположенныя по сосѣдству съ головнымъ мозгомъ.

У морскихъ звѣздъ глаза располагаются на вершинѣ ножекъ и состоятъ изъ шаровиднаго хрусталика, окруженнаго пигментомъ, къ которому подходитъ нервъ.

У членистоногихъ мы находимъ различныя ступени развитія глазъ: 1) безъ роговицы, мы стрѣчаемъ либо одинъ хрусталиковый конусъ, окруженный пигментомъ, близъ головнаго мозга, либо нѣсколько хрусталиковыхъ палочекъ въ сложномъ глазу (низшіе раки); 2) съ роговицею, образуемой чечевицеобразнымъ хитиннымъ органомъ наружныхъ покрововъ, встрѣчаются либо простые глаза, имѣющіе одну хрусталиковидную палочку, либо сложные; послѣдніе то обладаютъ одной большой чечевицеобразной роговицей, общей для всего числа имѣющихся хрусталиковыхъ палочекъ

(глазъ крестовика), то каждой хрусталиковой палочкѣ соотвѣтствуетъ особенная чечевицеобразная роговица. Многочисленныя палочки, окруженныя пигментомъ, располагаются тѣсно другъ подлѣ друга, образуя родъ свода. Хитинный покровъ головы состоитъ изъ фасетокъ и образуетъ на поверхности каждой палочки чечевицеобразную роговицу, Относительно того, какимъ образомъ возникаетъ въ этомъ сложномъ глазу суставчатоногихъ изображеніе, существуютъ два различныхъ мнѣнія. Одни принимаютъ, что каждая фасетка съ чечевицей и хрусталиковымъ конусомъ представляетъ особый глазъ, подобно тому, какъ у человѣка два глаза, такъ у насѣкомаго ихъ нѣсколько сотъ, и каждый глазъ видитъ образъ внѣшняго міра въ цѣломъ. На самомъ дѣлѣ, однако, такая картина получается лишь по удаленіи хрусталиковыхъ конусовъ. Въ соединеніи же съ ними каждая фасетка роговицы даетъ лишь часть изображенія внѣшняго міра. Мы должны, слѣдовательно, представлять себѣ изображеніе, какъ бы составленнымъ изъ мозаики („Мозаичное зрѣніе“. Физіологія Landois).

Нѣкоторыя низшія формы улитокъ совсѣмъ лишены глазъ, другія имѣютъ на головѣ только пару пигментныхъ пятенъ (совсѣмъ нѣтъ глазъ у amphioxus, у proteusa глаза не развились дальше зоачаточнаго состоянія). У многихъ рыбъ, многихъ амфибій и пресмыкающихся глаза затянуты кожей, сдѣлавшейся прозрачной. Въ сѣтчаткѣ большинства пресмыкающихся нѣтъ ни палочекъ, ни зрительнаго пурпура, у допотопной саламандры существовалъ третій глазъ въ темянной области.

Такимъ образомъ мы видимъ разныя ступени въ развитіи органа зрѣнія. Первая стадія—пигментныя пятна, какъ концевые органы нервовъ. Такая форма зрѣнія по своей простотѣ напоминаетъ осязаніе. Здѣсь зрѣніе столь же примитивно, какъ осязаніе. И надо думать на основаніи принципа зависимости психическихъ явленій отъ устройства периферическихъ органовъ внѣшнихъ чувствъ (и центровъ), что такое зрѣніе испытываетъ свѣтовыя явленія, какъ касающіяся тѣла (подобно осязанію). Слѣдовательно, не можетъ быть рѣчи о воспріятіи пространства (внѣ организма), фигуры, положенія, о томъ же говоритъ простота устройства пигментныхъ пятенъ. Надо думать, на основаніи того же

принципа, что такое устройство зрѣнія обуславливаетъ малое разнообразіе воспріятія цвѣтовъ и оттѣнковъ свѣта, тѣни, полутѣни. Міръ для такихъ существъ (медузъ, улитокъ и т. п.) совершенно другой, онъ ограничивается тѣломъ организма, ихъ вселенная равна ихъ тѣлу. Однако противъ этихъ умозаключеній могутъ возразить, говоря, что воспріятіе пространства, фигуры, положенія обусловливается вовсе не зрѣніемъ, а мускульнымъ чувствомъ движенія и осязанія или синтезомъ этихъ чувствъ съ ощущеніями свѣта, тѣни, полутѣни. Это вѣрно, но синтезъ ощущенія мускульнаго чувства съ воспріятіемъ свѣта зрѣніемъ возможенъ лишь потому, что въ самомъ органѣ зрѣнія существуетъ отмѣты, субституты движенія, испытываемаго мускульнымъ чувствомъ. Эти субституты — большее или меньшее напряженіе хрусталика, большее или меньшее схожденіе зрительныхъ осей при бинокулярномъ воспріятіи. Если нѣтъ этихъ замѣстителей, не можетъ быть и ассоціацій.

Далѣе зрѣніе развивалось при помощи снабженія пигментныхъ пятенъ хрусталиковыми палочками (конусами). Послѣдніе могли играть роль сгустителей свѣта, значитъ, усиливать степень ощущенія. Дальнѣйшее усовершенствованіе органа видѣнія выражалось въ умноженіи элементарныхъ зрительныхъ органовъ (фасетокъ). Что же это дало для зрѣнія?— Разширялась область видѣнія по плоскости, (но не въ глубину), увеличивалось разнообразіе испытыванія свѣтовыхъ переходовъ болѣе пестрыхъ (мозаичныхъ).

У перваго-позвоночнаго животнаго (у amphioxus) не было зрѣнія. У рыбъ органъ покрытъ прозрачною кожей, и глаза расположены по обѣимъ сторонамъ головы, слѣдовательно, рыба видитъ міръ не такимъ большимъ, какъ человѣкъ, хотя и въ обѣ стороны. Нужно было развиться глазу до той степени совершенства и подвижности, какую мы видимъ у высшихъ позвоночныхъ животныхъ и человѣка, чтобы міръ предсталъ живому существу въ томъ богатствѣ, какъ мы его воспринимаемъ.

Что говорили мы о зрѣніи, въ той же мѣрѣ это примѣнимо и по отношенію къ другимъ чувствамъ. Поэтому тщательное изученіе исторіи развитія органовъ внѣшнихъ чувствъ въ біологіи, начиная съ микроорганизмовъ и кончая человѣкомъ, можетъ (и только оно одно можетъ) нарисовать кар-

тину происхожденія познанія внѣшняго міра, воспринимаемаго черезъ органы внѣшнихъ чувствъ. Этимъ путемъ въ будущемъ напишется первая половина книги: происхожденіе познанія: происхожденіе представленій пространства, времени, вещей, звуковъ и красокъ природы, по принципу синтеза психическихъ явленій. Еще есть другая половина въ человѣческомъ умѣ — это интеллектъ, ебласть понятій, законовъ логики, методовъ изученія природы. Какимъ путемъ можно уяснить себѣ происхожденіе этой области познанія?

Методомъ здѣсь долженъ явиться взглядъ на интеллектъ, какъ внутреннее переживаніе внѣшняго познанія, какъ нѣчто вторичное. Интеллектъ развился только у самыхъ высшихъ животныхъ и у человѣка. Трансцендентальная эстетика Канта должна быть глубоко измѣнена. Не нужно говорить, что пространство и время чистыя формы созерцанія. Они — явленія сложныя. Апріорны только способность ощущенія и способность синтеза психическихъ явленій Все остальное есть результатъ осложненія психическихъ явленій. Біологическая психологія измѣнила видъ и содержаніе схоластической философіи.

Такимъ образомъ намъ предстоитъ задача показать зависимость логическихъ нормъ мышленія отъ содержанія внѣшняго воспріятія, попытаться объяснить законы мышленія, исходя отъ законовъ видѣнія, слышанія и т. д. Это мы и сдѣлаемъ въ слѣдующей главѣ, о происхожденіи законовъ логики.

ГЛАВА II.

Происхожденіе и приложеніе законовъ логики.

Изучая міровоззрѣнія народовъ разныхъ временъ, мы наталкиваемся на интересныя соображенія о тѣхъ логическихъ нормахъ, которыя примѣнялись народами въ построеніи ихъ міропониманій; видимъ, что не всегда основанія въ разумѣніи міра были тѣ же, что и у насъ теперь,

Такъ читая космогоническіе гимны Ригведы, мы не находимъ въ нихъ соблюденія закона тожества или закона исключеннаго третьяго. Въ одномъ гимнѣ (X. 129) говорится, что „тогда не было ни небытія, ни бытія, не было пространства, а по ту сторону пространства не было неба; что же покрывало все? Гдѣ, подъ чьей защитой находилась вода, бездонная глубь", Здѣсь говорится, что „не было ни бытія, ни не бытія", а дальше спрашивается, „гдѣ подъ чьей защитой находилась вода, бездонная глубь?" Какъ же могла быть вода, разъ не было бытія? Здѣсь нарушенъ законъ тожества.

Или дальше читаемъ въ томъ же гимнѣ „ни смерти тогда не было, ни безсмертія, не было отличія ночи ото дня; тогда одно, не движимое вѣтромъ, само по себѣ дышало и больше не было ничего, отличнаго отъ него". Здѣсь что? Не было ни смерти, ни безсмертія, только одно дышало. Это одно или смертно или безсмертно, не можетъ быть третьяго, слѣдовательно, разъ „одно дышало" значитъ было безсмертно, или же оно смертно.

Индусы въ этомъ случаѣ нарушали законъ исключеннаго третьяго.

Если такое отсутствіе логики видимъ мы у глубокомысленнаго народа—индусовъ, то о міровоззрѣніяхъ другихъ

народовъ и говорить нечего. Особенно полны логическихъ противорѣчій космогоническія ихъ воззрѣнія, взгляды на происхожденіе міра. Такъ въ Калевалѣ (финскомъ эпосѣ) говорится, что міръ произошелъ изъ яицъ утки, однако, въ той же рунѣ воспѣвается, что эта утка была на морѣ, и было небо, и вѣтры были. До міра былъ міръ, какъ назвать такой способъ мышленія? Очевидно, понятіе міра неравно самому себѣ.

Такова же мордовская легенда о сотвореніи міра. Она повѣствуетъ, что Богъ-Отецъ, старикъ, плылъ (шелъ) по морю и раздумывалъ, какъ сотворить міръ. Сколько ни думалъ, ничего не выдумалъ, пришелъ въ гнѣвъ и плюнулъ на воду. Тотчасъ же возникъ шайтанъ и подскочилъ къ Богу. „Ну, что, старшій братъ?“ обратился онъ къ нему. Господь посылаетъ шайтана на дно океана, чтобы принести комокъ земли—матеріялъ для сотворенія міра и т. д. Слѣдовательно, раньше акта творенія, по мнѣнію мордвы, уже была вода, земля подъ водой... Космогоническія воззрѣнія древнихъ народовъ и новыхъ (некультурныхъ) всѣ отличаются этимъ отсутствіемъ логическихъ понятій.

Другой рядъ фактовъ, возбуждающихъ подозрѣніе во всеобщности логическихъ нормъ, можно констатировать въ области дѣтской психологіи. Біологи говорятъ, что каждый индивидуумъ повторяетъ всѣ фазы развитія своего рода, своего класса, поэтому человѣкъ повторяетъ съ дѣтства всѣ стадіи нелогическаго (алогическаго) и логическаго состоянія (если эти стадіи переживались человѣчествомъ). И дѣйствительно, каждый можетъ припомнить, что до школы онъ многое не зналъ относительно логики, и размышлялъ очень часто нелогично. Законъ причинности (что ничто не бываетъ безъ причины) для многихъ является откровеніемъ, осѣняющимъ ихъ въ средней или низшей школѣ. Я зналъ людей, которые искренно удивлялись, что все должно имѣть причину, какъ будто ужъ безъ причины ничего и не можетъ быть.

Мнѣ думается, что случай, приведенный Платономъ въ діалогѣ „Эвтидемъ“, когда два брата спорили съ Сократомъ, отрицая совершенно законы логики, не единичный. „Это какъ кому угодно“, говорили они, въ родѣ того, что, напримѣръ, на вкусъ и цвѣтъ, товарища нѣтъ“.

Не только въ средѣ некультурныхъ людей, но и въ обществѣ интеллигентовъ чаще всего рѣчи страдаютъ отсутствіемъ логики, или малымъ ея присутствіемъ, мы постоянно дѣлаемъ общіе выводы на основаніи единичнаго случая.

Человѣку нужно напряженіе, чтобы быть логичнымъ, а естественное его состояніе—быть эмоціональнымъ. Если мы вникнемъ въ эти и подобныя явленія, то должны задать себѣ два вопроса (*эти факты пока, прежде изслѣдованія, ничего еще не предрѣшаютъ, но предложить вопросы они даютъ право*).

1) Всегда ли человѣкъ мыслилъ по законамъ логики, не было ли времени, когда онъ не обладалъ такимъ свойствомъ?

2) Къ какимъ явленіемъ человѣкъ прежде всего примѣнилъ открытые имъ законы логики, къ какимъ позже, какія области оставались до послѣдняго времени внѣ логики, въ области мнѣа, чувствъ, настроеній? Сначала мы отвѣтимъ на второй вопросъ (историко-философскій, какъ на легчайшій, онъ касается порядка приложенія логическихъ нормъ къ разнымъ категоріямъ жизни и мышленія), а затѣмъ попытаемся уяснить тайну открытія законовъ логики и вмѣстѣ съ тѣмъ отвѣтимъ на вопросъ, было ли время, когда человѣкъ былъ абсолютно нелогиченъ. Отвѣтъ на первый вопросъ дается исторіей, отвѣтъ на второй требуетъ гносе-логическаго изслѣдованія.

А. Приложеніе законовъ логики.

Мнѣ, кажется, что можно доказать, *что первая сфера приложенія логики—это языкъ*. Мышленіе и языкъ такъ глубоко слиты, что изученіе одного невозможно безъ другого. Языкъ — разумъ. Мысль и рѣчь одно и тоже. По крайней мѣрѣ такъ выражаются авторитетнѣйшіе лингвисты и психологи (Максъ Мюллеръ, Вильгельмъ Гумболдтъ, Вундтъи т. д.).

Дѣйствительно языкъ—классификація вещей: предметовъ, ихъ признаковъ, дѣйствій; онъ заключаетъ наименованіе числа, мѣста, времени, отношенія. Субъектъ и объектъ отмѣчены языкомъ въ мѣстоимѣніяхъ, связь вещей и мыслей въ союзахъ. Безъ приложенія закона тожества не воз-

можно раздѣленіе явленій на классы, потому что для этого необходимо указаніе общаго въ явленіяхъ, равнаго, тожественнаго. Языкъ отличается общностью, стройностью, однозначностью своихъ категорій

я пишу	ты пишешь
я хожу	ты ходишь.

у выражаетъ всегда 1-е лицо, *ш* всегда второе... Это невозможно безъ закона тожества, здѣсь необходимо, чтобы одинъ и тотъ звукъ всегда былъ равенъ себѣ, одно и тоже выражая (предлогъ *на*).

Грамматическія категоріи существуютъ во всѣхъ языкахъ. Вездѣ имѣются также частицы (хотя временно присоединенные къ существительнымъ), выраженія отношенія вещей, дѣйствующее лицо. Языкъ — лучшее доказательство единства человѣческаго духа и его законовъ.

Второе свойство языка его соціальность. Разысканія лингвистовъ и психологовъ ведутъ насъ къ тому, что языкъ созданіе общества. Существованіе его начинается съ того момента, когда звукъ, произнесенный однимъ индивидуумомъ, вызываетъ въ другихъ то же чувство, или тотъ же рефлексъ. Рѣчь достояніе не отдѣльной личности, а вида, рода, общины, племени, и развивается на основаніи общихъ силъ психики. Языкъ—связь между индивидуумами, строеніе его рядъ общепринятыхъ звуковъ и ихъ сочетаній, выражающихъ „опредѣленное“. Это обстоятельство, что первая сфера приложенія логики—явленіе соціальное, заставляетъ смотрѣть на законы логики, какъ на нормы мыслеобщенія, для всѣхъ обязательныя. Ихъ (открытіе) приложеніе дѣло соціальной психики. Вотъ почему и естественно, *что второй средой приложенія логическихъ нормъ была діалектика.*

Отъ миѳологіи люди перешли къ діалектикѣ постепенно (и сполна только на греческой почвѣ).

Изъ отрывочныхъ миѳологій, принадлежащихъ отдѣльнымъ семействамъ, когда эти семейства соединялись въ народъ, возникало общее родословіе боговъ; а такъ какъ боги управляли стихіями природы, то возникали космогоніи, повѣствованія объ этихъ стихіяхъ, откуда въ счастливый моментъ исторіи у остроумнѣйшаго народа (у грековъ) создалась философія природы.

Но „философій“ природы образовалось при разныхъ условіяхъ много, неизбѣжны были столкновенія (сущностью вещей, одни считали воду, другіе огонь, третьи — воздухъ или безконечность).

Публичныя пренія философовъ дали начало „научной“ (какъ бы я выразился) діалектикѣ. Діалектика требуетъ своимъ условіемъ признанія извѣстныхъ нормъ взаимнаго пониманія и убѣжденія—общеобязательными.

И вотъ на площадяхъ греческихъ городовъ были выработаны „законы логики“ и „правила силлогизмовъ“.

Аристотель формулировалъ эти законы.

1) Законъ противорѣчія (lex sive principium contradictionis)

$$A \text{ не равно non} - A.$$

2) Законъ исключеннаго третьяго (lex sive principium exclusii tertii).

C есть или A, или non — A, нѣтъ третьяго.

Впослѣдствіи времени (въ періодъ европейской философіи) формулированъ былъ 3) законъ тожества (lex sive principium identitatis).

и 4) Законъ достаточнаго основанія (всякая мысль должна быть обоснована, если она не самоочевидна).

Этотъ шагъ былъ величайшій въ человѣчествѣ: оно достигло самосознанія, знанія основныхъ формъ мышленія. съ этого времени могли быть выдвигаемы обширныя религіозно-философскія системы, провѣряемыя силлогизмами, и доказываемыя.

Но грекамъ недоставало понятія закономѣрности явленій природы, у нихъ не было пріемовъ индуктивнаго изученія, другими словами имъ не были еще извѣстны способы приложенія законовъ логики къ явленіямъ природы. Для этого второго геніальнаго шага нужны были новыя условія. Средневѣковое человѣчество, усердно занималось философіей и силлогизмами, а лучшіе умы по реакціи бросились отъ преній, отъ діалектики на лоно природы и постарались приложить правила доказательствъ и свойствъ ума къ явленіямъ

природы. Эти люди были: Галилей, Коперникъ, Декартъ, Торичелли, Паскаль, Гюйгенсъ и т. д. Они выработали вмѣстѣ съ послѣдующими учеными (Ньютонъ) пріемы изученія природы — методы индукціи.

Эта новая логика, novum organonum, или новая сфера приложенія основныхъ нормъ мышленія была выработана средой, соціальнымъ духомъ ученыхъ.

Стюартъ Милль удачнѣе другихъ формулировалъ эти методы изученія природы: методъ сходства, методъ различій, сопутствующихъ измѣненій, методъ остатковъ. Величайшія открытія были сдѣланы этими путями мысли. Они измѣнили строеніе человѣческаго духа. Міръ сталъ для человѣка не миѳомъ, не субстанціей, не логикой, а системой явленій, связанныхъ закономъ причинности (въ наше время закономъ сохраненія энергіи). Измѣнилось лицо природы въ глазахъ человѣка. Такимъ образомъ концентрическими кругами расширялась область, освященная логикой. Первое ядро— языкъ, средство взаимнаго пониманія. Вторая ступень — діалектика, способъ взаимнаго пониманія и убѣжденія, третья фаза наука о природѣ. Она создаетъ для всего человѣчества одно міровоззрѣніе, природовѣдѣніе и согласитъ въ будущемъ всѣ народы. Вездѣ, гдѣ работетъ соціальная сила, тамъ общія нормы логики, и наоборотъ, гдѣ логика тамъ всеобщее, все примиряющее. Она, какъ богиня согласія, куда приходитъ, тамъ прекращаются споры, и одна точка зрѣнія, доказуемая, становится очевидной для всѣхъ. Куда дальше пойдетъ человѣческая мысль? Въ какія сферы вознесется все озаряющая, все примиряющая логика? Мнѣ

кажется, эстетика и мораль слѣдующія ступени для человѣческой мысли (политическая экономія и соціологія — введеніе къ наукѣ о нравственности), тутъ возникаетъ, однако маленькое недоумѣніе. Вѣдь такого рода наука — эстерика и мораль—существовала всегда, съ древнѣйшихъ временъ, какъ же можно утверждать, что логика не приложена къ явленіямъ прекраснаго и должнаго? Для классическихъ временъ Сократъ (познай самого себя) былъ основателемъ этики, Платонъ—эстетики. Это все такъ, но какъ наука, эстетика и мораль, создаваемыя въ разныя времена и у разныхъ народовъ, не отличались и до сихъ поръ не отличаются свойствами истинной науки—общеобязательностью самоочевидностью. Здѣсь дѣло въ томъ, что до XIX в. не было правильной точки зрѣнія на человѣка и вообще на органическій міръ. Соціальный духъ человѣка создалъ языкъ, діалектину, методы индукціи, прилагаемые къ „мертвой“ природѣ, но не зналъ, какъ подойти къ познанію самого человѣка. Только вѣкъ Дарвина и Спенсера объяснилъ намъ, что человѣкъ есть послѣднее звено въ ряду другихъ организмовъ, что свойства его ума и глубочайшія его инстинкты—результатъ наслѣдія прошлаго (но результатъ измѣнчивый въ будущемъ.)

Вотъ эта эволюціонная точка зрѣнія произвела и производитъ переворотъ и въ эстетикѣ и въ морали (и эта реформація такъ велика, что въ сравненіи съ ней прежнія перемѣны религіи—дѣтская улыбка). Но дѣло еще не кончено, а только начато. Какъ въ другихъ областяхъ, такъ и здѣсь, старое борется съ новымъ; принципы, выработанныя исторіей, и уже не годные для современности, выставляются, какъ нѣкоторыя санкціи противъ добытыхъ научныхъ истинъ. Но долгая борьба невозможна противъ все покоряющей логики, лишь бы она послѣдовательно была приложена къ явленіямъ морали и искусствъ. Научная этика (какъ видимъ изъ работъ Вундта „Этика“), Геффдинга („Этика“), Фуллье („Критика новѣйшихъ системъ морали“) должна быть психилогична по содержанію и соціальна по цѣлямъ. Научная же эстетика (Сен-Бевъ, Тенъ, Геннекенъ, Брандесъ) исходитъ изъ проникновенія въ психику творца произведенія искусства и изъ отношенія этой психики къ соціальному духу даннаго времени. Этими точками зрѣнія и отли-

чаются, какъ мнѣ кажется, современные писатели о морали и эстетикѣ.

Въ настоящее время, очевидно, мнѣ кажется, что жить данная личность не можетъ для мгновеній. Нельзя предаться всецѣло мгновенію, потому что всякій психическій актъ связанъ со всѣми другими психическими явленіями (отсюда недовольство минутой, недовольство самимъ собой), ограничивающими его значеніе. Очевидно, человѣкъ долженъ жить не для мгновенія а для блага всей своей индивудуальности. Также, очевиднымъ мнѣ представляется и то, что человѣкъ не можетъ жить только для себя, потому что въ немъ существуютъ личныя симпатіи, въ его душѣ заложенъ соціальный инстинктъ.

Глубоко-философское разсмотрѣніе психическаго содержанія личности, и эволюціонный взглядъ на эгоистическіе и соціальные инстинкты и дастъ, какъ мнѣ представляется, твердую основу для будущей науки о нравственности, всѣмъ очевидной и обязательной.

В. Происхожденіе логическихъ законовъ.

Логическія нормы—словесныя выраженія очевидностей созерцанія.

Математическія аксіомы—наглядности законовъ отвлеченнаго мышленія.

Въ наше время исторія мысли, исторія логоса, понимается въ двоякомъ смыслѣ: логосъ—разумъ, логосъ—слово. Изучая языки всѣхъ народовъ, мы должны проникать въ исторію ихъ мысли, логики, міровоззрѣній. Исторія философіи должна уступить мѣсто исторіи мысли народовъ. Не только системы, а міровоззрѣнія всякаго рода будутъ объектами философіи и психологіи народовъ. Поэтому съ точки зрѣнія исторіи логики и философіи мы должны задать вопросъ: было ли время, когда человѣчество не знало языка и мыслило внѣ логики? Стоя на точкѣ зрѣнія теоріи эволюціи, нужно сказать, что человѣкъ развился изъ состоянія животнаго, не владѣющаго языкомъ, но мимикой. И мимика у низшихъ животныхъ (позвоночныхъ) самая примитивная, несложная. Однако, нельзя отрицать, чтобы и имъ было несвойственно пониманіе математической аксіомы (прямая ко-

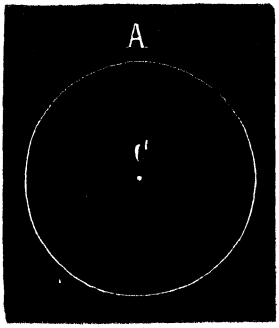
роче кривой), если не объяснять только инстинктомъ, когда они бѣгутъ по прямой линіи? Эти вопросы почти нерѣшимы. Но когда бы ни началась мысль, въ стадіи ли животнаго состоянія или уже человѣческаго, все же можно представить (и доказать въ нѣкоторой степени), что законы логики— суть словесныя выраженія видимыхъ отношеній вещей.

Я вижу, скажемъ, предметъ *А.* (наприм. столъ) и говорю: *А=А.* Это и есть законъ тожества. Я вижу, что столъ сегодня и вчера столъ. Это свое видѣніе я и выразилъ: *А=А*, ничего болѣе. Слѣдовательно, законъ тожества есть законъ созерцанія. Также дѣло обстоитъ и съ другими законами логики. Я вижу non *А* (свѣчку) и говорю: *А* не есть non А, т. е. столъ не есть свѣчка. Это законъ противорѣчія. Всякій предметъ или *А* или non *А*, или столъ или все то, что не столъ. Это очевидно для зрѣнія, потому что кромѣ стола и того, что не столъ, нѣтъ больше предметовъ. Намъ кажется, объясняя отвлеченное наглядным, мысленное— опытомъ, только и можно утвердиться на точкѣ зрѣнія опытно-эволюціонныхъ наукъ, т. е. стать на правильномъ пути. Законы логики—простыя выраженія созерцанія вещей въ данный моментъ времени. Это созерцаетъ всякій, лишь не всякій формулируетъ (честь формулировки принадлежитъ только грекамъ), и еще менѣе всякій примѣняетъ свои словесныя выраженія въ преніяхъ и убѣжденіяхъ, въ изученіи наукъ. Здѣсь секретъ развитія мысли. Народы въ до греческій періодъ созерцали эти отношенія, но мыслили въ своихъ космогоніяхъ, не обращая вниманія на эти отношенія. И выходитъ, что эти народы созерцали законы логики, но не мыслили по этимъ законамъ. Афинскимъ гражданамъ удалось общими усиліями научиться вести споры при помощи законовъ логики. Соціальная сила формулировала созерцаемое и примѣнила свои формулы къ діалектикѣ, къ исканію истины.

Такимъ образомъ, намъ кажется, надо было бы рѣшить вѣчный споръ объ апріорности и апостеріорности законовъ логики. Они — соціальнаго происхожденія и выведены изъ акта видѣнія (и осязанія).

Силлогизмъ—болѣе сложное созерцаніе. Возьмемъ кругъ *А* и точку *С* въ кругѣ. Положимъ, весь кругъ окрашенъ въ черный цвѣтъ, тогда и точка *С* въ черномъ цвѣтѣ. Это пред-

метъ нагляднаго представленія, это „въ словахъ“ будетъ силлогизмъ.



A—кругъ чернаго цвѣта
C—часть круга
C—чернаго цвѣта.

Таково же происхожденіе математическихъ аксіомъ. Онѣ—словесныя выраженія нѣкоторыхъ отношеній видимаго и осязаемаго. Эти формулировки оказались наиболѣе удачными изъ возможныхъ въ изученіи нашего міра, потому что внѣшнія чувства не обманываютъ человѣка, а говорятъ всегда одно и тоже.

Видимое, созерцаемое — производитъ необычайное впечатлѣніе на умъ человѣка. Мы знаемъ, сколько вѣковъ послѣ пробужденія греческой мысли люди считали мірозданіе шарообразнымъ. Историки астрономіи говорятъ, что и Коперникъ не удалялся отъ этого взгляда и считалъ солнце центромъ міра. Кеплеръ хотѣлъ бы измѣнить свой взглядъ на этотъ предметъ, но, не зная законовъ, распространенія свѣта, принялъ въ концѣ концовъ солнце за центръ млечнаго пути. Нашъ умъ выражаетъ лишь отношенія видимаго. Достоинство человѣческаго интеллекта только въ томъ, что эти отношенія абстрагируя, люди переносятъ ихъ къ другимъ классамъ предметовъ нежели тѣ, въ которыхъ впервые эти отношенія наблюдались. Благодаря однообразію природы, это абстрагированіе и перенесеніе отношеній съ однихъ предметовъ на другіе является вполнѣ возможнымъ и законнымъ.

Иногда человѣческій умъ игнорируетъ детали въ комбинаціяхъ и отъ этого выигрываетъ. Такъ, измѣряя длины стержней и совершенно не интересуясь толщиной ихъ, нашъ умъ допускаетъ, что стержни не имѣютъ никакой толщины. Такимъ путемъ получилась геометрія (путемъ игнорированія нѣкоторыхъ измѣреній, особенно малыхъ)—наука чисто созерцательная. Такъ какъ природа безконечно днообразна въ свойствахъ протяженія, въ законахъ движенія, геометрія можетъ быть приложена какъ къ земнымъ предметамъ, такъ и къ небеснымъ свѣтиламъ.

На все то, что здѣсь говорится, существуетъ вѣское

возраженіе. Уже доказано теоріей, что самое созерцаніе предметовъ внѣшняго воспріятія, невозможно безъ логическихъ нормъ, безъ нѣкоторыхъ категорій (ученіе Канта). Такимъ образомъ наши разсужденія безполезное дѣло. На это можно отвѣтить данными біологіи. Извѣстно, что біологи осязаніе считаютъ болѣе первичнымъ чувствомъ внѣшняго воспріятія, чѣмъ зрѣніе или слухъ. Извѣстно также, что осязаніе наименѣе явно локализируетъ свои объекты, значитъ, какъ можно дальше стоитъ отъ логическихъ нормъ, ясно опредѣляющихъ предметъ внѣшняго воспріятія. Болѣе тонкія чувства зрѣнія и слуха развились изъ болѣе грубыхъ, путемъ стихійнаго, непроизвольнаго синтеза психическихъ явленій (объектъ чувства, Джемсъ). А логика — слѣдствіе дальнѣйшаго развитія: оформленіе отношеній созерцанія тонкихъ чувствъ. Нельзя думать, чтобы духу человѣческому искони врождена была способность думать по законамъ логики, а гораздо естественнѣе полагать (имѣя въ виду весь органическій міръ на землѣ), что ему свойственна изначала способность ощущать, потому что человѣческій духъ—того же рода, какъ психическое всякаго организма. Это вѣрно съ тою силою очевидности, съ какою мы признаемъ единообразіе въ природѣ, въ чемъ не сомнѣвается ни одна наука.

Итакъ разумъ черпаетъ свое богатство изъ „видимаго“. Это во первыхъ. Во вторыхъ, разумъ—результатъ соціальной жизни. Открытіе отношеній, называемыхъ логическими законами, дѣло не индивидуальной, а соціальной психики, потому что только столкновеніе индивидуумовъ можетъ выработать нормы мыслеобщенія, взаимнаго пониманія, убѣжденія, доказательства. На какой же почвѣ можетъ быть соглашеніе Парменида, Гераклита, Анаксимена и др.? Они могутъ убѣдить другъ друга только въ томъ случаѣ, если обратятъ вниманіе всѣ на что-нибудь, всѣмъ имъ присущее, для всѣхъ ихъ очевидное. Очевидное для всѣхъ есть дѣйствительное отношеніе вещей, къ которымъ нашъ умъ приближается. Но вѣдь бываетъ же общепринятое заблужденіе, и это чаще всего. Да, и это не противорѣчитъ нашимъ словамъ. Заблужденіе бываетъ тамъ, куда самое общее и очевидное — законы логики — еще не дошли до полнаго своего приложенія, гдѣ еще дѣйствуютъ страсти, чувства, настроенія. Тамъ заблужденіе для ума, но истина для сердца, для

воображенія толпы... Часто бываетъ, что заблужденіе—исти а низшаго порядка. Существуютъ разныя стадіи ума (начиная съ фетишизма и кончая позитивизмомъ)—въ этомъ весь секретъ общественной неурядицы въ мнѣніяхъ и убѣжденіяхъ.

Разныя группы людей не одинаково далеко простерли приложеніе логическихъ нормъ. Вотъ въ чемъ причина, а въ остальномъ живутъ „субъективнымъ“, „вкусами“ въ тѣхъ областяхъ, гдѣ долженъ дѣйствовать „холодный разумъ“. Съ этой точки зрѣнія полезно изучать эволюцію „человѣческихъ міровоззрѣній“.

Скажутъ, каждый индивидуумъ видитъ, что прямая короче всякой другой между двумя точками, причемъ тутъ соціальное происхожденіе логическихъ нормъ и аксіомъ математики? Да, всякій видитъ, но не обращаетъ на это вниманія, не выдѣляетъ это свойство изъ прочихъ свойствъ вещей, не дѣлаетъ это свойство правиломъ изслѣдованій. Для этого нужно столкновеніе умовъ, желаніе убѣдить другъ друга, доказать, притти къ соглашенію, одинаково реагировать на разныя явленія.

Слѣдовательно, происхожденіе логическихъ нормъ мыслеобщенія и математическихъ аксіомъ апріорное или апостеріорное? Въ созерцаніи вещей уже даны эти свойства (общія) вмѣстѣ съ другими. Но для движенія мысли нуженъ толчокъ. Одинъ пораженъ однимъ, другой — другимъ. Согласіе между ними возможно тогда, когда они оба обратятъ вниманіе на одно и тоже свойство, одинаково понимаемое, простое (логическая норма, аксіома).

Вотъ почему можно сказать, что возникновеніе нормъ логики и аксіомъ—интеллектуально—соціальнаго характера.

Но самое заключеніе, внѣшнее воспріятіе свойствъ вещей апостеріорно или апріорно?

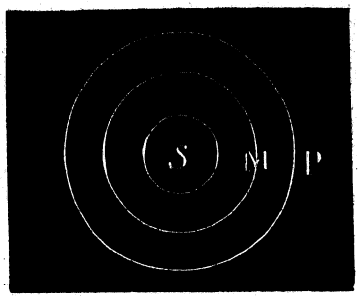
Воспріятіе, синтезъ психическихъ элементовъ—процессъ досознательный, актъ первичный, апріорный. Каждый же элементъ психическій согармониченъ дѣйствительности (хотя неадэкватенъ), какъ бы вызванъ дѣйствительностью, значитъ, апостеріоренъ въ этомъ смыслѣ.

Вотъ что можно сказать на поставленный вопросъ. Болѣе же глубокое знаніе намъ недоступно въ этой области.

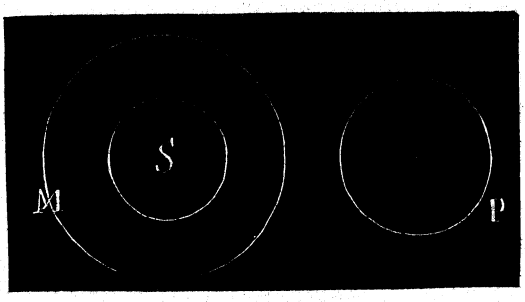
ГЛАВА III.

Психологическая природа силлогизма.

Всѣ четыре фигуры силлогизма и девятнадцать модусовъ ихъ легко и удобно символизируются посредствомъ различныхъ соотношеній трехъ круговъ.



Такъ Barbara выражается тремя концентрическими кругами. Celarent двумя концентрическими и третьимъ, находящимся внѣ этихъ двухъ. Darapti (1-й модусъ III фигуры) двумя пересѣкающимися кругами, а въ площади пересѣченія третій кругъ и т. д. Приведемъ примѣры упомянутыхъ модусовъ:



Barbara. Люди смертны
Петръ, Иванъ — люди

Петръ, Иванъ — смертны.

Celarent. Ни одна планета не сіяетъ собственнымъ свѣтомъ.

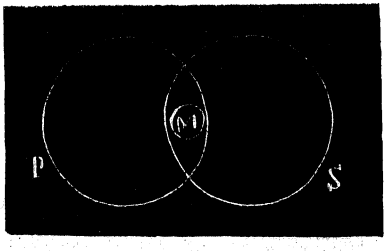
Астеронды планеты.

Астеронды не сіяютъ собственнымъ свѣтомъ.

Darapti. Люди существа органическія
люди существа разумныя.

Нѣкоторыя органическія существа — разумны.

Смотря на эти модусы и фигуры силлогизма, столь легко символизируемые кругами, является предположеніе, что такія сложныя формы мышленія эмпирическаго происхожденія. Сложное не можетъ быть апріорнымъ. Если въ предыдущей статьѣ мы заподозрили апостеріорность аксіомъ діалектики и силлогизма, такъ называемыхъ законовъ логики, то тѣмъ болѣе можемъ быть увѣрены, что самые силлогизмы возникли при условіи наличности законовъ психологіи и при посредствѣ процесса символизаціи.



Это отчасти видно уже a priori изъ того, что логика, какъ доказательная наука, подлежитъ развитію. Философскіе споры въ Греціи предшествовали выработкѣ и формулировкѣ фигуръ силлогизма, нужно было развитіе эмпирическихъ наукъ, чтобы люди сознали вѣрные и невѣрные методы изученія природы. Все, что имѣетъ развитіе, имѣетъ первичную, начальную стадію. Логика развилась, значитъ, было первичное состояніе человѣчества, когда изъ элементовъ только начинало складываться умѣнье убѣждать другого, соглашать свои представленія съ представленіями другого. Двумя способами можно убѣдиться въ этомъ: анализомъ силлогизма и сравнительнымъ изученіемъ психологіи народовъ. Возьмемъ для примѣра первый модусъ первой фигуры (Barbara) и математическій силлогизмъ:

Растенія питаются углекислотой атмосферы,
деревья суть растенія.

Деревья питаются углекислотой атмосферы.

Математическій силлогизмъ.

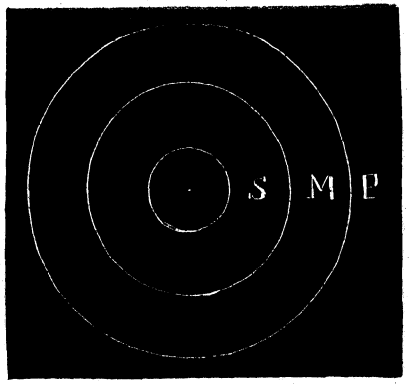
Всякій треугольникъ имѣетъ сумму угловъ, равную двумъ прямымъ.

Многоугольникъ съ n сторонами заключаетъ n—2 треугольника.

Слѣдовательно, многоугольникъ съ n сторонами имѣетъ сумму угловъ $(n—2)\ 2d$.

Что связываетъ сужденія въ первомъ силлогизмѣ? Очевидность. Очевидно, что классъ растеній заключаетъ въ себѣ классъ деревьевъ.

M классъ растеній включаетъ въ себѣ S, классъ деревьевъ. Классъ растеній заключается еще въ большемъ классѣ явленій, обозначаемомъ „питаніе“. Что связываетъ необходимое сужденія въ математическомъ силлогизмѣ? То же, очевидно, включеніе классовъ одинъ въ другой. Классъ треугольниковъ больше класса многоугольниковъ, которые можно разсматривать, какъ соединенные треугольники, сросшіеся, а понятіе суммы угловъ, равной двумъ прямымъ, обнимаетъ понятіе суммы угловъ △: не только углы треугольника, но и смежные углы составляютъ два прямыхъ.



Но въ математическомъ силлогизмѣ еще лишній элементъ имѣется — счетъ. Мы умственно считаемъ — сколько треугольниковъ въ многоугольникѣ съ n сторонами. Находимъ, что ихъ n — 2. Математическій силлогизмъ сложнѣе обыкновеннаго Barbara, и исторически можно доказать, что этотъ родъ силлогизма возникъ позже въ человѣческомъ

умѣ. Итакъ намъ нужно изслѣдовать три элемента: „классъ“, „соединеніе классовъ въ умѣ“ и „счетъ“ и доказать, что всѣ эти элементы психо-эмпирическаго характера. Понятіе „классъ растеній“ вырабатывается эмпирическимъ путемъ, путемъ наблюденія всевозможныхъ растеній и подмѣчанія ихъ признаковъ: всѣ растенія имѣютъ корень, стебель, листья, всѣ они растутъ, живутъ, умираютъ, даютъ потомство.

Какой психологическій процессъ здѣсь происходитъ при образованіи понятія „класса растеній“? Прежде всего повторяемость представленій, полученныхъ отъ наблюденія всевозможныхъ растеній. При этомъ повтореніи общіе признаки (у всѣхъ растеній имѣется корень, стебель, вѣтви, цвѣты, плоды) еще чаще повторяются въ умѣ, чѣмъ признаки разновидности, разнообенности; первые оставляютъ болѣе глубокій слѣдъ въ умѣ наблюдателя, ассоціація между элементами общихъ признаковъ тѣснѣй и прочнѣй. Какъ только я вижу стебель, въ умѣ у меня возникаетъ представленіе корня, вѣтвей, цвѣтовъ и т. д., хотя и въ блѣдныхъ краскахъ и въ неопредѣленныхъ очертаніяхъ, потому что признаки случайные не имѣютъ такой глубокой ассоціаціи. Наоборотъ, когда я вижу растеніе, прежде все увижу общіе признаки: корень, стебель и т. д. Они снятся, такъ сказать, издали.

Представленіе общихъ признаковъ есть цементъ, связывающій всѣ особи растеній въ одинъ классъ. Значитъ, процессъ классификаціи возможенъ на основаніи ассоціаціи сходства. Имя „растеніе“, обозначающее именно общіе признаки растеній, окончательно сформируетъ понятіе „классъ растеній“.

Совершенно такимъ же путемъ наблюденій, при условіи связыванія представленія по закону ассоціаціи сходства, получается понятіе логическаго подкласса „дерево“. Деревья имѣютъ корень, стволъ (стебель), вѣтки, шишки (плоды), къ нимъ примѣнимо, слѣдовательно, слово „растеніе“. Ассоціація представленій „о деревьяхъ“ со словомъ „растеніе“ неизбѣжна, благодаря общимъ признакамъ. Однако деревья имѣютъ подклассовые признаки: вышина деревьевъ, древесный стволъ, долголѣтіе и т. д. Въ умѣ выдѣляются общіе признаки, отличающіе деревья отъ другихъ расте-

ній. Въ воображеніи деревья встаютъ, какъ бы окруженные растеніями, подклассъ находится внутри класса. Происходитъ въ умѣ соотношеніе классовъ, въ воображеніи въ видѣ неопредѣленныхъ контуровъ, а въ языкѣ въ формѣ сужденія: „деревья суть растенія“. Это сужденіе только результатъ ассоціаціи представленій. Далѣе я вижу—растенія размножаются черезъ посредство плодовъ, а деревья тоже растенія и размножаются, благодаря сѣменамъ, заключеннымъ въ шишкѣ. Вижу, что подклассъ имѣетъ тѣ же признаки, что и классъ. Если я опытъ свой выражу, (достигнутый наблюденіемъ и ассоціаціей представленій), то получится силлогизмъ:

Растенія размножаются плодами,
деревья суть растенія.

Деревья размножаются плодами (шишками).

Такимъ образомъ мы видимъ, что какъ причисленіе подкласса къ классу по сходству признаковъ есть сужденіе (деревья суть растенія), такъ сопоставленіе общихъ признаковъ подкласса съ общими признаками класса даетъ въ результатѣ силлогизмъ. Оба процесса здѣсь лишь продукты ассоціацій по сходству. Слѣдовательно, все эмпирическаго характера.

То же самое „счетъ“ возможенъ лишь ассоціаціей представленій по сходству. Когда мы считаемъ: одинъ, два, три, и т. д., мы предметы воображаемъ сходными въ нѣкоторомъ смыслѣ, въ томъ именно, въ какомъ отношеніи для насъ интересенъ счетъ. Этотъ процессъ есть результатъ ассоціаціи представленій по сходству.

Теперь спрашивается, отчего такое эмпирическое, (случайное сопоставленіе сужденій:

Растенія имѣютъ корни, стебли и т. д.,
деревья суть растенія.

Деревья имѣютъ корни, стебли и т. д.

имѣетъ аподиктическій характеръ, обязательный для всякаго ума?

Это достигается символизаціей. Умъ символизируетъ классъ растеній, какъ извѣстный кругъ, въ которомъ заклю-

чается кругъ деревьевъ, какъ меньшій кругъ. То, что приписывается большему кругу, принадлежитъ части круга, т. е. меньшему кругу. Если весь кругъ чернаго цвѣта, то и часть его тоже чернаго цвѣта. Соотношеніе классовъ. приводится къ очевидности, къ соотношенію цѣлаго къ своимъ частямъ.

А очевидность соотношенія цѣлаго къ частямъ — апріорна?

Нѣтъ, эта очевидность результатъ безпрерывнаго, ежесекуднаго опыта: мы постоянно видимъ, что часть имѣетъ свойства цѣлаго, иначе она не была бы частью этого цѣлаго. Чѣмъ вызвана символизація въ соотношеніяхъ классовъ и подклассовъ?

Чтобы отвѣтить на это, мы должны къ психическимъ факторамъ образованія силлогизма ввести еще одинъ факторъ—соціальный.

Въ статьѣ „о происхожденіи законовъ логики“ мы говорили, что древнія космогоническія міровоззрѣнія не отличались логичностью, что первымъ выраженіемъ законовъ логики является языкъ, какъ средство обмѣна мыслей. Дѣйствительно, первымъ правиломъ мыслеобщенія долженъ быть законъ тожества $A=A$: необходимо, чтобы слово или вещь люди одинаково всѣ понимали, иначе не возможно мыслеобщеніе.

Психическая соціальная жизнь распадается на два процесса: восприиманіе, пониманіе съ одной стороны, и умѣнье убѣждать другихъ, доказывать свои мысли—съ другой. Языкъ орудіе пониманія. Діалектика (сколько бы мало ни была развита) — средство взаимоубѣжденія. (О языкѣ мы выше говорили). Какая цѣль діалектики? представить свое убѣжденіе въ видѣ простого акта созерцанія.

Какъ это возможно?

Вникните вы въ психологію діалектика. Онъ не только словами, но и жестикуляціей старается представить соотношенія мыслей въ видѣ соотношенія конкретно-созерцаемыхъ вещей; діалектикъ отвлеченныя мысли переводитъ на языка движеній, на языкъ геометрическихъ фигуръ. Это возможно потому, что между отвлеченными мыслями такое же соотношеніе, какъ и между конкретно-созерцаемыми предметами; такъ, говоря:

Люди смертны
Петръ, Иванъ и др. люди.

Петръ, Иванъ и др. смертны.

мы представляемъ два круга: большій кругъ людей — все человѣчество, меньшій мои—знакомые — Петръ, Иванъ и другіе.

Здѣсь мы видимъ снова силу ассоціаціи сходства. Человѣчество относится къ Петру, Ивану и др. какъ цѣлое къ части, кругъ A относится къ кругу B тоже P, какъ цѣлое къ части. Сходныя соотношенія схвачены и соединены ассоціаціей сходства, вотъ почему одно соотношеніе можетъ символизироваться другимъ, болѣе наглядным соотношеніемъ: въ этомъ смыслъ жестовъ во всѣхъ словесныхъ преніяхъ, смыслъ графическихъ символовъ во всѣхъ изслѣдованіяхъ и разсужденіяхъ. Этотъ законъ замѣны классовыхъ и подклассовыхъ отношеній соотношеніями пространственныхъ фигуръ (черезъ жесты) дѣйствовалъ и въ первобытныя времена въ силу ассоціаціи сходства. Дикій человѣкъ простыми жестами объясняетъ свои сложныя мысли и чувства своему соплеменнику, разсказывая объ угрожающей опасности. Способъ представлять результаты своего сложнаго опыта въ простыхъ сочетаніяхъ словъ и жестовъ и этимъ путемъ убѣждать другого былъ извѣстенъ людямъ, вѣроятно, за долго до ученыхъ софистовъ Греціи, истори ческая роль которыхъ состояла въ систематическомъ проведеніи доказательства мыслей черезъ силлогизмы, опирающіеся на аксіому: что принадлежитъ къ цѣлому, то и къ части его. Формулировать этотъ способъ убѣжденія извѣстнымъ расположеніемъ сужденій (отъ цѣлаго къ части) удалось только геніальному Аристотелю.

Такимъ образомъ аподиктическій характеръ силлогизма не можетъ служить доказательствомъ апріорнаго происхожденія его. Аподиктичность объясняется очевидностью силлогизма. Очевидность обусловливается ассоціаціей сходства, благодаря которой отношеніе класса къ подклассу рисуется въ нашемъ воображеніи, какъ отношеніе цѣлаго къ части, большаго круга вещей къ меньшему.

О законѣ причинности и субстанціональности.

Законы логики — законы интеллекта, законы ума. Если умъ первичное явленіе въ человѣческомъ родѣ и въ органическомъ мірѣ, то и законы логики исконное свойство всего живого... Если умъ — нѣчто производимое, развившееся изъ внѣшнихъ воспріятій, изъ инстинктовъ (простыхъ импульсовъ), то и законы логики взялись изъ чего-нибудь болѣе простого. Которые изъ этихъ предположеній правильнѣе? Мы знаемъ, что все сложное въ мірѣ происходитъ изъ простого. Исключеніе ли въ этомъ случаѣ интеллектъ человѣческій? Все дѣло въ томъ, какимъ методомъ рѣшать этотъ вопросъ, трансцендентальнымъ ли, или естественно историческимъ?

Въ тѣхъ случаяхъ, когда вопросъ поднимается о сложности пространства и времени, нельзя ссылаться на созерцаніе, какъ на послѣднюю инстанцію, рѣшающую вопросъ; когда рѣчь идетъ объ исконности логическихъ законовъ, нельзя отвѣчать ссылкою на кажущуюся для самоанализа первоначальность этихъ законовъ. Здѣсь необходимъ естественно-историческій методъ.

Если не можемъ изслѣдовать въ нисходящемъ порядкѣ какую-либо область явленій, мы должны спускаться въ нисходящемъ порядкѣ въ области явленій, параллельно связанныхъ съ первою областью.

Нервная система органическій коррелятъ психики. И здѣсь ключъ изслѣдованія.

A. Психопатологія учитъ, что атрофія центровъ нервной системы имѣетъ слѣдствіемъ потемнѣніе интеллекта.

B. Низшіе центры нервной системы въ человѣкѣ (гангліозные узлы) играютъ роль импульсовъ и простѣйшихъ ощущеній (реагированій на внѣшнія явленія).

C. Низшія животныя доказываютъ своею жизнью только то, что имъ свойственны волевые импульсы и психическое реагированіе (впечатлѣніе). Интеллектъ имъ не нуженъ для ихъ простой жизни. Организація нервной системы показываемъ что у нихъ нѣтъ сложнаго аппарата для развитія интеллекта и сужденій.

D. Человѣкъ продолженіе высшихъ позвоночныхъ животныхъ.

Слѣдовательно, законы интеллекта, какъ и самъ интеллектъ, развились изъ первичныхъ „испытаній“ вещей, изъ области „внѣшнихъ“ воспріятій. Законы логики — отвлеченные законы внѣшнихъ воспріятій.

Законы логики — законы видѣнія (зрительныя впечатлѣнія).

□ A предметъ A равенъ себѣ.

Законъ тожества и законъ видѣнія, такъ же и всѣ другіе

A □ не равенъ non A (это видно изъ глазъ).

Такимъ образомъ съ точки зрѣнія естественно—исторической законы логики апостеріорны, изъ видѣнія, изъ опыта.

Законъ тожества, ставши закономъ интеллекта, прилагается къ явленіямъ природы, образуя синтетическія сужденія a priori о причинности и субстанціональности. Сегодня, завтра и въ продолженіи столѣтій за явленіемъ A слѣдуетъ B: законъ тожества, выводимый изъ опыта, заставляетъ думать, что будущее тожественно прошедшему, что природа всюду природа, поэтому думается, что A и B связаны всюду и вездѣ, т. е. связаны необходимо. На этомъ основаніи (аподиктичности). Кантъ основалъ трансцендентальную аналитику (теорію познанія). Но разъ законъ тожества эмпиричень, то слѣдовательно, его законъ причинности эмпиричень, апостеріоренъ. Такимъ образомъ падаетъ теорія познанія Канта (аналитика, противъ трансцендентальной эстетики имѣются иныя возраженія).

Такого же происхожденія законы субстанціональности.

Такъ какъ много есть явленій, въ которыхъ при перестановкѣ предметовъ, сумма ихъ неизмѣняется, и такъ какъ предполагается, что природа тожественна себѣ (на основаніи обычнаго мышленія къ закону тожества), то выводится, что нѣчто неизмѣнно сохраняется (законъ субстанціи). Слѣдовательно онъ эмпирическаго происхожденія.

Синтетическія сужденія a priori Канта падаютъ вмѣстѣ съ его теоріей познанія.

Кантъ не зналъ пангеометріи и эволюціи, изъ-за этого вся ошибка плоскостнаго строенія его теоріи познанія.

Дѣло однако здѣсь въ томъ, что одни (и большинство) привыкли анализировать явленія въ ихъ теперешнемъ видѣ, другіе (меньшинство) въ ихъ генезисѣ, происхожденіи. Какой методъ—трансцендентальный или эволюціонный—имѣетъ будущее? Нѣмецкая или англійская школа? Или возможенъ высшій синтезъ этихъ двухъ направленій?

Противъ трансцендентальной эстетики нужно сказать, что пространство видимое не безконечно, что оно разложимо. (Примѣръ, стереоскопа, двѣ плоскія картины кажутся фигурой тѣлесной). Объемность ощущенія (осязанія, вкуса) отличается отъ яснаго созерцанія зрѣніемъ пространства. Зрѣніе водоизмѣненное осязаніе.

Слѣдовательно, все изъ первичнаго неопредѣленно, объемнаго ощущенія.

Эта первичная „объемность“ ощущенія развивается въ ясносозерцаемое пространство зрѣнія; изъ яснаго созерцанія пространство—законы логики; приложеніе законовъ логики къ явленіямъ природы созидаетъ законъ причинности и субстанціональности.

И этотъ процессъ происходитъ принудительнымъ путемъ (какъ показываетъ сознаніе) и безъсознательно (элементы пространства несознаваемы).

Слѣдовательно, здѣсь психическое къ чему-то приспособляется, слѣдовательно, здѣсь что-то (волевое) безсознательное строитъ сознаніе. Такъ какъ мы видимъ, что природа (туманная матерія) нѣчто самосозидающееся, то можемъ умозаключить, что безсознательное — самостроющееся, вѣчно созидающееся, Богъ. Что еще есть въ бытіи, мы не знаемъ, хотя душа ищетъ совершенства *духа*.

Такимъ образомъ мы пришли къ тому взгляду, что міръ психическій эволюціонируетъ, приближаясь къ чему-то трансцендентному, всегда понимаемому въ извѣстныхъ звукахъ и краскахъ и въ формахъ пространства и времени, но здѣсь могутъ намъ сдѣлать возраженіе, что представители имманентной философіи уже доказали невозможность доказать трансцендентное и независимое отъ другихъ наукъ теоріи знанія; поэтому необходимо нѣсколько остановиться на нѣкоторыхъ положеніяхъ ученія объ имманентномъ.

ГЛАВА IV.

Объ имманентной философіи.

Представители этой философіи говорятъ что, теорія знанія не можетъ опираться ни явно, ни тайно ни на какія другія теоріи, что все должно быть основано на анализѣ дѣйствительныхъ переживаній (Лосскій). При этомъ забываютъ, что это невозможно ни въ психологическомъ отношеніи, ни въ логическомъ. Какъ разъ напротивъ—теорія познанія всегда выражаетъ высоту состоянія науки. Въ наше время, вѣкъ позитивизма, когда ничего не „объясняютъ", а только описываютъ, и теорія познанія хочетъ быть описательной философіей. Къ сожалѣнію этимъ способомъ чрезвычайно мало достигается. Имманентная философія не даетъ отвѣтовъ ни на какіе вопросы, ни о зависимости нервной системы и психическихъ явленій, содержимыхъ внѣшнихъ чувствъ и периферическихъ органовъ познаванія не отвѣчаетъ на то, что было въ природѣ до человѣка, не представляетъ доказательствъ объ одушевленіи другихъ существъ, кромѣ „я", маскируетъ новыми словами старыя нерѣшенныя проблемы „духа" и матеріи, называется духъ „непосредственно данный мнѣ", а матеріи „посредственно данный мнѣ". Отчего же, однако, двѣ сферы явленій, а не три?

Представители имманентой философіи заключены въ логическій кругъ; они, когда разсуждаютъ, допускаютъ уже заранѣе существующими и людей и науки, и выводы ихъ, слѣдовательно допускаютъ и пространства и время, и матерію и т. д., въ томъ смыслѣ, въ какомъ допускается все это учеными, т. е. въ догматическомъ съ точки зрѣнія имманентной философіи.

Такая малая результатность, такое движеніе по логически-замкнутой кривой объясняются невозможностью по-

строить теорію знаній безъ наукъ и другихъ дисциплинъ которыя должны быть приведены въ гармонически цѣлое истинное естественно-исторической теоріей знанія.

Невозможность эта видна изъ слѣдующихъ обстоятельствъ:

А. Анализъ своихъ переживаній субъективенъ и не можетъ, поэтому, служить базисомъ (единственнымъ) для философской системы. Психическія явленія (въ томъ числѣ характеръ и окраска ихъ) измѣняются отъ вліянія на нихъ всякихъ другихъ душевныхъ состояній, въ томъ числѣ отъ міровоззрѣнія наблюдающаго субъекта. Лампа для простого человѣка—просто вещь; лампа, для психолога это фактъ видѣнія. Въ этомъ огромная разница.

Для монаха среднихъ вѣковъ чортъ былъ предметомъ внѣшняго воспріятія, мы теперь совершенно иного мнѣнія объ этомъ предметѣ.

Для однихъ наблюдателей въ основѣ сознанія воля, для другихъ „идея". Поэтому нельзя на такомъ колеблющемся самонаблюденіи строить теорію знанія.

В. Что можетъ казаться намъ простымъ, на дѣлѣ сложное. Напр., представленіе пространства можетъ быть синтезомъ зрительнаго ощущенія съ мускульнымъ. Слѣпорожденный, по снятіи катаракта, видитъ вещи касающимися его глазъ, но съ теченіемъ времени, благодаря синтезу осязательныхъ и мускульныхъ ощущеній съ зрительными, научается локализировать свои зрительные образы. Какъ же возможна теорія знанія безъ психологическихъ теорій и фактовъ? Психологія невозможна безъ допущенія физическаго аппарата внѣшняго воспріятія и тщательнаго изученія зависимости органовъ внѣшнихъ чувствъ и психики. Все это предполагаетъ допущенными существаніемъ міра, людей, эволюцію. Теорія науки невозможна безъ другихъ наукъ и теорій.

С. Измѣнчиво содержаніе нашего міропониманія и сознанія, оно находится въ функціональной зависимости отъ возраста личности и отъ характера соціальной культуры. Не значитъ ли это, что сознаніе даннаго субъекта не можетъ быть мѣриломъ всякой психики? Человѣкъ отнюдь не мѣра всѣхъ вещей. До школы мы не знали о законѣ причинности. Доисторическій человѣкъ жилъ безъ законовъ логики, которые возможны только при способности сужденій, при

потребности *доказать* (а до этого были только законы видѣнія вещей, равныхъ самимъ себѣ или не равныхъ, но не было сужденія о нихъ). (Стюартъ Милль о происхожденіи законовъ логики).

Какъ же, слѣдовательно, строить теорію знанія безъ знанія исторической, и даже біологической психологіи и безъ теоріи.

D. Раньше философы включали въ кругъ своихъ занятій всѣ науки. Теперь они оставили себѣ только теорію познанія, и хотятъ быть въ этой области независимыми. Но и это имъ не удастся. Безъ наукъ невозможна и теорія познанія потому что въ самонаблюденіи и въ изученіи философскихъ системъ прошлаго, внѣ наукъ, не заключаются всѣ элементы познаванія.

Имманентная философія имѣетъ тенденціи ограничить бытіе областью человѣческаго сознанія, и внѣ его существующее ея не касается или ею отрицается. Всѣ другія науки и здравый разумъ человѣчества имѣютъ обратное убѣжденіе: человѣкъ и его сознаніе только безконечно малая часть всего бытія. Имманентная философія была бы вѣрна, если бы мы и не рождались и не умирали. Это философія предвѣчнаго Бога, у котораго мысль совпадаетъ съ бытіемъ.

E. Но развѣ не все „я“, не *сознаніе* ли все? Во первыхъ, это не такъ. Не открытая звѣзда сегодня находится еще внѣ сознанія, а завтра будетъ въ сознаніи, когда будетъ найдена трубой. Во вторыхъ, что такое сознаніе? Я многое не знаю безъ физіологіи въ своемъ организмѣ? Что значитъ существовать въ возможности? Да и что такое сознаніе? Сознаніе ли вещей, или своихъ субъективныхъ состояній, или чего-нибудь промежуточнаго между вещами и субъективнымъ (извѣстной среды)?

Слишкомъ неопредѣленны эти понятія, чтобы построить науку, независимую отъ другихъ наукъ.

F. Какъ объяснить два міра: міръ внѣшнихъ вещей, связанныхъ законами природы, выражаемыми въ геометрическихъ формулахъ, и міръ психическихъ событій, связанныхъ законами равнодѣйствующихъ, контраста и т. д. Нѣтъ, на маломъ базисѣ нельзя построить большого зданія, безконечнаго міра!

Если имѣть въ виду переживанія всѣхъ людей, то и

тогда недостаточно намъ будетъ матеріала для теоріи знанія, Необходимо знаніе біологіи, исторіи органовъ видимыхъ чувствъ и жизни низшихъ существъ, чтобы понять происхожденіе простѣйшихъ логическихъ нормъ и понятій и комбинацій и синтезовъ психическихъ явленій. Необходимо знаніе физіологіи нервной системы, чтобы объяснить локализацію (вполнѣ опредѣленную) ощущеній о внѣшнемъ мірѣ и внутренняго самочувствія (вполнѣ неопредѣленнаго).

I. Вообще всѣ попытки объяснить все изъ психическаго, „сознательнаго“ безъ допущенія параллельнаго бытія непсихическаго — всегда будутъ неудачны. Гегельянство полезно только для философіи исторіи, для эстетики, но никогда для космологіи. Два понятія неискоренимы: бытіе и познаваніе (какъ частный случай бытія).

N. Сознаніе одна изъ формъ приспособленія къ природѣ. Изучать сознаніе и знаніе нужно съ точки зрѣнія біологическаго приспособленія.

O. X въ основѣ бытія и познанія. Здѣсь ясны причины незнанія: мы не наблюдаемъ ни въ себѣ, ни въ другихъ возникновенія психическаго въ матеріальномъ. Въ этомъ ненаблюденіи причина агностицизма. Идеализмъ плодъ пессимизма въ жизни и нежеланія примириться съ фактомъ незнанія узла, гдѣ психическое связывается съ матеріальнымъ.

Имманетныхъ философовъ пугаетъ абсолютная недоступность трансцендентнаго. Между тѣмъ взглядъ, что трансцендентное предѣлъ, а знаніе перемѣнная величина, постоянно приближающаяся, но недостигающая своего предѣла уничтожаетъ противоположность между феноменальнымъ и транссубъективнымъ.

R. Представители независимой теоріи знанія должны признать существованіе другихъ людей. Душа другого человѣка не испытывается непосредственно нашимъ «я», она для насъ трансцендентное (1-го рода), какъ возможное для испытыванія и похожее на имманентное. Желаніе выражается движеніемъ. Желаніе другого «я» для меня недоступно, мое желаніе для него тоже трансцендентно, движеніе же глазъ или руки обоими «я» испытывается. Это среда — соединяющая «я». Съ каждымъ вѣкомъ мы лучше и лучше постигаемъ эту среду (новые лучи Рентгена). Свойства среды, пока были не сознаны, для насъ были трансцен-

дентны (или они не существовали?). Признавая другихъ людей, мы должны вѣрить и тому, что они утверждаютъ. Они же утверждаютъ, что нѣкогда не было нашего «я». Еще нѣсколько разсужденій въ томъ же родѣ докажутъ намъ, что нѣкогда не было никакого сознанія на землѣ, слѣдовательно, было трансцендентное *бытіе* (или ничего не было). Психическое другихъ людей допускаетъ приложеніе законовъ бытія нашего «я», слѣдовательно, трансцендентное не есть нѣчто, къ чему не примѣнимы законы нашего бытія, «я».

Но это все трансцендентное 1-го рода, напоминающее имманентное. Но есть ли трансцендентное II-го рода не похожее на имманентное, на міръ феноменовъ, не тожественное этому послѣднему?

Это неизвѣстное, то, что связываетъ психическое съ физическимъ.

Физическое связано математическими законами природы; психическое связано психологическими законами.

Нужно различать два направленія въ имманетной философіи—идеалистическое и реальное. Возраженія на первое направленіе уже сдѣланы въ главѣ объ имманентной философіи. Здѣсь выскажемъ нѣсколько замѣчаній о реальномъ направленіи. Исходная точка его: существуютъ вещи въ томъ видѣ, какъ онѣ переживаются нами, онѣ такъ же реальны, какъ дѣйствительны наши умозаключенія, наши чувства;

Ничего нѣтъ трансцендентнаго; наше знаніе адэкватно и совпадаетъ съ бытіемъ.

Если такая точка зрѣнія вѣрна, не должно быть ничего неяснаго въ природѣ и въ психикѣ человѣка. Однако такъ ли? Твердое тѣло переходитъ въ жидкость, послѣдняя въ газъ, понятно ли для насъ это? Жидкость сжимаема. Очевидно ли это изъ другихъ свойствъ жидкости? Нисколько. Оттого необходимы такія гипотезы, какъ атомизмъ, энергетизмъ.

Тѣла тяготѣютъ другъ другу. Почему? Этого совершенно не знаемъ. Наши нервы и центры ихъ обусловливаютъ представленіе и чувство. Для насъ совершенно непонятна эта связь.

Отсюда выводъ тотъ, что или бытіе, заключающееся въ человѣческомъ сознаніи (а больше нѣтъ его нигдѣ), совер-

шенно отрывочно, непонятно въ своихъ особенностяхъ, или что бытіе не ограничивается имманентнымъ нашему сознанію міромъ.

Которое изъ этихъ заключеній обязательнѣе для безпристрастнаго ума? Съ каждымъ днемъ опытъ (микроскопъ и телескопъ) разширяютъ міръ вещей. Значитъ ли это, что бытіе растетъ, или же точно наше знаніе растетъ объ этомъ бытіи (причемъ бытіе отдѣльно отъ знанія и независимо отъ него)? Увѣренія другихъ людей, которыхъ раньше я не зналъ, ясно говорятъ, что они существовали независимо отъ моего знанія.

Слѣдующій шансъ на той сторонѣ, что бытіе не растетъ и растетъ только знаніе о немъ, слѣд., бытіе какимъ-то образомъ независимо отъ познаванія; а это уничтожаетъ основоположеніе имманентной философіи реальнаго направленія. А лучи Рёнтгена, и неуловимыя колебанія воздуха, улавливаемыя точными приборами—что же они существуютъ или нѣтъ?

Сила этихъ возраженій очевидна для всякаго, а путаница понятій продолжаетъ существовать потому, что смѣшиваютъ основную точку зрѣнія Канта съ имманентнымъ реализмомъ, а послѣдній съ идеализмомъ и обыкновенно при преніяхъ черпаютъ доводы изъ всѣхъ этихъ трехъ системъ противъ здравомыслія и эмпиризма, совершенно забывая, какъ различны исходныя положенія кантіанства и имманентной философіи. Въ числѣ причинъ, вводящихъ людей въ заблужденіе, указать нужно также на то, что теорію роста знанія смѣшиваютъ съ онтологіей, съ ученіемъ о бытіи, о томъ что существуетъ. Теорія знанія, основанная на научномъ знаніи, должна предшествовать онтологіи, но не замѣнять ее.

ГЛАВА V.

Нѣсколько словъ къ представителямъ имманентной философіи.

„Воздерживайтесь отъ сужденій"... Пиррон.

Въ наше время всеобщаго скепсиса и разочарованія во многихъ философскихъ системахъ имманентная философія, допускающая всякое существованіе только для моего сознанія и упорно отказывающаяся отъ всякихъ разъясненій относительно существованія внѣшняго міра (т. е. истинной реальности), эта философія завоевываетъ себѣ все болѣе и болѣе прочное положеніе и имѣетъ за собою очень серьезные авторитеты.

Безъ сознанія нѣтъ бытія, ибо если бы оно было, то для кого же?—Но вѣдь міръ въ томъ или иномъ видѣ существуетъ не только для моего личнаго сознанія, но и для сознанія другихъ людей и для сознанія моллюсковъ, наконецъ. Сознаніе, какъ и самъ то человѣкъ, возникло во времени, путемъ эволюціи, слѣдовательно, до человѣка уже нѣчто существовало, что создало сознаніе. Если допускать, что вещи созидаются въ то время, какъ я гляжу на нихъ, и исчезаютъ, когда перестаю глядѣть, то не становлюсь ли я при этомъ (въ смыслѣ психологическомъ) похожимъ на тѣхъ дикарей, которые думаютъ, что каждый день для нихъ восходитъ новое солнце.

Имманентная философія утверждаетъ: изъ свойствъ сознанія можно міръ распредѣлить на двѣ части: міръ вещей и міръ представленій. Доказать существованіе трансценден-

наго міра невозможно, ибо неизвѣстно, примѣнимы ли законы логики къ „вещамъ въ себѣ“.

Но отчего же, спросимъ мы, предметы возникаютъ все одни и тѣже, еслибъ не было бытія независимаго, обязывающаго насъ къ этому, тѣмъ болѣе, что наши представленія комбинируются разнообразно? Отчего два міра въ нашемъ представленіи, а не три, не четыре? Отчего міръ вещей для всѣхъ очевиденъ, а міръ представленій для каждаго субъективенъ? Отчего и органы первой системы двухъ родовъ—центръ и периферія? Не свидѣтельствуетъ ли это о бытіи и о субъектѣ, реагирующемъ на міръ вещей? Не можетъ ли вся жизнь, весь процессъ познаванія разсматриваться, какъ приспособленіе субъекта къ міру вещей? Откуда могло явиться сознаніе, что это „я“, а то „не—я“? Имманентная философія удобна тѣмъ, кто не умозаключаетъ, а довольствуется недуманіемъ, она удобна для психологовъ-субъективистовъ, а но не для уясненія вопросовъ, касающихся природы. Имманентная философія и возникла то подъ вліяніемъ преобладанія психологіи, а истинная гносеологія зависѣла и всегда зависитъ отъ господства той или другой научной дисциплины.

Съ точки зрѣнія чисто-психологической мы ничего не знаемъ о бытіи, знаемъ только о своемъ переживаніи, но такъ какъ видимъ, что наше переживаніе перемѣнная величина, а бытіе—предѣлъ (въ этомъ весь смыслъ эволюціи видовъ), то должны умозаключить, что мы каждый день ближе подходимъ къ уясненію и процессовъ познаванія и свойствъ бытія, которое есть вѣчное, въ безконечномъ пространствѣ закономѣрное движеніе (энергія), и одинъ изъ видовъ этой энергіи—познаніе, какъ реакція части къ цѣлому. А что бытіе есть, нужно доказывать, конечно, путемъ гносеологическимъ, а не психологическимъ. Никто никогда не доказалъ, что бытія нѣтъ, а сознаніе всегда говорило, что оно есть [1]).

Показать бытіе другого міра, кромѣ міра моихъ представленій, нельзя; доказать же его испытываніемъ этого бытія въ самомъ себѣ, какъ ограниченія своего „я“, своей воли, изъ чего имѣю логическое право умозаключить о бы-

[1]) См. „Аксіомы въ теоріи познанія“.

тіи другихъ душъ, и о бытіи трасцендентномъ умозаключаю на основаніи бытія имманентнаго. А законы логики примѣнимы и къ трансцендентному, ибо имманентная—перемѣнная величина, а трансцендентное—предѣлъ. Законы логики потому примѣнимы къ міру трансцендентному, что этотъ послѣдній не есть что-либо противоположное міру сознанія, т. е. имманентному бытію, а находится именно въ отношеніи перемѣнной къ предѣлу, какъ многоугольникъ съ безконечно увеличивающимся числомъ сторонъ къ кругу. Такъ, напр., мы, не сходя съ земли, умозаключаемъ о существованіи другихъ міровъ, на основаніи наблюденій, производимыхъ на землѣ; точно также на основаніи собственнаго сознанія, мы имѣемъ логическое право умозаключить о существованіи другихъ сознаній.

Одно бытіе въ этомъ случаѣ находится въ функціональной зависимости отъ другого. Имманенты ограничиваютъ все бытіе кругомъ своихъ переживаній. Мы же разсматриваемъ бытіе, какъ безконечность, безконечность, въ причинной звязи съ которой стоятъ всѣ субъективные круги психическихъ переживаній, причинной въ смыслѣ обуславливанія одного другихъ, при чемъ, конечно, не можетъ быть и рѣчи объ эквивалентныхъ отношеніяхъ, что мы постоянно имѣемъ въ виду въ физикѣ. Все дѣло въ данномъ случаѣ въ томъ, чтобы не смѣшивать гносеологическую точку зрѣнія съ психологической, а защитники имманентной философіи этимъ именно и грѣшатъ.

Одинъ изъ таковыхъ, проф. Махъ [1]), хочетъ, повидимому, доказать, что въ нашемъ воспріятіи нѣтъ ничего постояннаго (кубъ, напр., можетъ представляться въ томъ или другомъ видѣ въ зависимости отъ положенія наблюдателя); мы видимъ предметы то въ яркомъ освѣщеніи, то въ полумракѣ, то издали, то вблизи: воспріятія постоянно различны. Какія же основанія говорить о постоянствѣ предметовъ? Какія основанія полагать, что имѣются „вещи въ себѣ“? Тѣло природы, дѣятельность внѣшнихъ чувствъ, психическія состоянія находятся въ постоянномъ взаимодѣйствіи и въ функціальной зависимости, откуда же мысль о различіи

---

[1]) См. статью Маха „Антиметафизическія размышленія“—„Научное Обозрѣніе“ 1902 г.

психическаго и физическаго? Откуда то нелѣпое положеніе, что чужая душа—нѣчто трансцендентное для наблюдателя? Чужая душа—простое дополненіе нашихъ наблюденій (психо-физическихъ). Также, какъ наши представленія, что мы имѣемъ нервную систему,—простое дополненіе нашихъ наблюденій въ природѣ.

Такъ ли все это? Не описываетъ ли Махъ исторію впечатлѣній, получаемыхъ отъ природы, рядъ измѣнчивыхъ воспріятій, на основаніи которыхъ мы координируемъ явленія міра. Махъ имѣетъ дѣло съ психологіей, но существуетъ еще физика. Для физики кубъ всегда кубъ, для геодезіи фигура земли неизмѣнна, не зависитъ отъ порядка впечатлѣній, отъ рода воспріятій. Въ самомъ дѣлѣ, мы видимъ предметы въ перспективномъ пространствѣ, центръ котораго органъ зрѣнія; въ этомъ перспективномъ пространствѣ параллельныя прямыя пересѣкаются, прямыя кажутся кривыми (на небесномъ сводѣ). Перспективное пространство конечно. Его объемъ—эллипсоидъ, котораго большой кругъ земной горизонтъ. Крестъ колокольный, облако, луна, звѣзды, туманная матерія млечнаго пути—все кажется расположеннымъ на внутренней поверхности эллипсоида; параллельныя стержни пересѣкаются на поверхности эллипсоида.

Однако, когда мы перемѣщаемся, центръ эллипсоида переходитъ вмѣстѣ съ нами, и поверхность его подвижна. Слѣдовательно, есть какое-то иное пространство, гдѣ движется эллипсоидъ. Всѣ явленія природы объяснятся, когда мы допускаемъ что иное пространство—эвклидовское, трехмѣрное. Это пространство неизмѣнно, въ немъ кубъ — всегда кубъ, шаръ всегда шаръ, въ немъ неизмѣнны фигуры геометріи, закономѣрны явленія и измѣненія физическихъ тѣлъ, и эта закономѣрность не зависитъ отъ порядка нашихъ воспріятій; по отношенію къ этому пространству и его вещамъ существуетъ постоянство закона, закономѣрность измѣненія, не зависящія отъ психики. Форма дома неизмѣнна въ эвклидовскомъ пространствѣ міра, откуда бы я не наблюдалъ этотъ домъ. Для этого пространства имѣются постоянныя величины (постоянство массы, энергіи). Если же имѣются измѣненія въ немъ, то совершенно независимыя отъ устройства органа нашего зрѣнія и того или иного положенія наблюдателя.

Вслѣдствіе всего этого приходится констатировать три

ряда величинъ, имѣющихся въ природѣ и нашей психикѣ (что забыто Махомъ). Первое, что намъ непосредственно извѣстно;—наши воспріятія, объекты нашихъ воспріятій. Они перемѣнны, неравны себѣ въ разныя времена и въ разныхъ мѣстахъ. Это явленія психофизическія (въ отличіе отъ представленій, понятій, чувствъ). Мы никогда не видимъ предмета во второй разъ точно такимъ же, какимъ видѣли его въ первый разъ. Объекты внѣшнихъ воспріятій зависятъ не только отъ устройства органовъ внѣшнихъ чувствъ, но и отъ состоянія психики наблюдающаго субъекта.

$V = S\ (Y,\ X)$, гдѣ X и Y психика и органъ внѣшняго чувства. V — объектъ внѣшняго воспріятія.

Второй рядъ величинъ мы строимъ на основаніи ряда внѣшнихъ впечатлѣній, мы созидаемъ пространство Эвклида и физическія тѣла въ немъ, координируемъ наши движенія и ряды ощущеній—получается природа.

Тѣла природы, завися въ нѣкоторой степени отъ устройства органа зрѣнія (въ качественномъ отношеніи), въ геометрической формѣ своей независимы. Орбита земли, найденная геометрически, не зависитъ отъ устройства зрѣнія, разстояніе луны не подлежитъ перемѣнѣ отъ утоньщенности слуха и т. д.

K — F (У)
Q — не зависитъ
Q — функція силъ природы.

Поэтому тѣла природы — величины тоже перемѣнныя, измѣненія въ нихъ происходятъ по законамъ природы, тогда какъ объекты внѣшняго воспріятія зависятъ отъ законовъ психики и органовъ внѣшнихъ чувствъ.

Объекты воспріятій—первый рядъ, тѣла природы—второй рядъ. Наконецъ, законы природы постоянны, внѣвременны. Законъ тяготѣнія (массы притягиваются другъ къ другу обратно пропорціонально квадрату ихъ разстояній), законъ постоянства массы, сохраненія энергіи. Это — третій рядъ величинъ природы.

Махъ слилъ эти три ряда въ одинъ. Въ этомъ не научность и антифилософичность его тенденціи. Потому и выводы, которые онъ дѣлаетъ изъ своего анализа, невѣрны, въ томъ числѣ и отрицаніе его „вещи въ себѣ“. Три ряда величинъ,

на которыя мы ссылаемся, и показываютъ, что если объекты воспріятій болѣе „психичны“, то физическія тѣла, особенно же законы природы трактуютъ о „вещахъ въ себѣ“, независимыхъ отъ психики человѣка. Невѣрно и то положеніе Маха, что чужая душа не есть вещь трансцендентная. Она совершенно недоступна непосредственному испытыванію и существуетъ для другого сознанія—вещь вполнѣ трансцендентная для соллипсиста. Аналогія съ нервной системой не можетъ быть приведена, ибо мы свои нервы можемъ непосредственно осязать или видѣть.

Желаніе разрѣшить нѣкоторые вопросы, не выходя изъ границъ имманентной философіи, приводитъ другого представителя ея къ большимъ крайностямъ. Такъ, напр., Шуппе на вопросъ о томъ, будутъ ли существовать цвѣта, звуки и т. п. въ томъ случаѣ, если на землѣ уничтожится весь родъ человѣческій и всѣ существа, организованныя подобно человѣку, предполагаетъ существованіе „особаго родоваго сознанія, по отношенію къ которому индивидуальное сознаніе является только какъ бы видомъ и благодаря которому оно только и существуетъ. Это абстрактное сознаніе „мыслитъ“, какъ мыслитъ индивидуальное сознаніе“ [1]).

Замѣчаніе къ ученію о „вещахъ въ себѣ“.

Если допустить существованіе „вещей въ себѣ“, то какое отношеніе мыслимо между ними и познаніемъ? — Два отношенія—„предѣльное“ и „метафизическое“. Тѣ существа, которыя наиболѣе точно представляютъ вещи, выживаютъ въ борьбѣ за существованіе, а тѣ, у которыхъ представленія далеки отъ совпаденія съ дѣйствительностью, выродились и исчезли съ лица земли. Вотъ первое мыслимое отношеніе. Оно допускаетъ исторію познанія, какъ исторію психическихъ явленій, своимъ синтезомъ приближающихся къ нѣкоторому предѣлу. Второе метафизическое. Вещи вліяютъ на субстанцію духа, вызывая въ ней представленія о ве-

---

[1]) См. Челпанова: „Проблема воспріятія пространства въ связи съ ученіемъ объ апріорности и враждебности“. Ч. II, стр. 346.

щахъ, стоящія въ функціональной зависимости отъ свойствъ „вещей въ себѣ“: но это второе не даетъ ничего для гносеологіи или исторіи познанія.

Замѣтка объ единомъ принципѣ философіи.

Самое пагубное въ философіи — это исканіе единаго принципа, единственнаго начала въ природѣ или въ существѣ психическихъ явленій. Дѣло въ томъ, что понятія, одно изъ которыхъ хотятъ сдѣлать принципомъ, имѣютъ смыслъ при наличности другихъ понятій или противоположныхъ или ихъ ограничивающихъ. Понятіе *сознаніе* имѣетъ все свое значеніе, пока существуютъ два другихъ понятія— вещи сознаваемой и лица сознающаго.

Понятіе *представленіе* имѣетъ всю силу, пока существуютъ предметы, могущіе быть представленными, но еще не представляемые, и т. д.

Поэтому имманентная философія, на основаніи данныхъ психологіи приходящая къ заключенію, что все психическое переживаніе и ничего болѣе, такая философія приходитъ къ „немыслимому“, „недоказуемому“.

Возьмемъ рядъ *A. B. C...* *A* = личность переживающая, *B* = самое переживаніе, *C*=предметъ, вызывающій психическое переживаніе. Эти три понятія—въ наличности при всякомъ психическомъ актѣ. Но вотъ философы начинаютъ сводить *A*, *B*, *C* къ двумъ состояніямъ *A* и *B*. Личность *A* переживаетъ *B*, не существуетъ *C*, ибо *A* причина *B*, а не *C*. Это еще допустимо на время. Дальше, *A* есть только *B* и ничего болѣе; слѣдовательно, весь міръ только переживаніе. Но переживаніе безъ переживающаго и безъ вещей, вызывающихъ это переживаніе, въ сущности совершенно непонятно, если дать отчетъ въ томъ, что говоришь, если имѣть въ виду психическіе акты, дѣйствительные, а не такіе, которые служатъ только символами.

Гносеологія въ ряду другихъ наукъ.

Гносеологія теперь стала модной дисциплиной. На ней строятъ міровоззрѣніе, мораль и эстетику. Правовѣрные философы считаютъ независимой отъ наукъ (Лосскій), скептики, однако, отрицаютъ такое универсальное значеніе теоріи познанія (гносеологіи). Одинъ изъ писателей нашего времени объ этомъ предметѣ очень рѣзко выражается: гносеологію онъ считаетъ наукой совершенно отличной отъ психологіи, имѣющей свои цѣли и методы. Въ своей книгѣ „Проблема воспріятія пространства", говоритъ проф. Челпановъ (о немъ мы сейчасъ говоримъ) слѣдующее: „Ясно, что существуетъ различіе между теоріей познанія Канта, который хотѣлъ показать логическія предпосылки опыта, и психологіей, которая поставляетъ цѣлью описать психическія явленія и изслѣдовать происхожденіе тѣхъ или другихъ понятій" (118 стр. Глава четвертая. „Психологія и теорія познанія").

„Такое прослѣживаніе происхожденія понятій приводитъ, по мнѣнію Канта, къ объясненію психологическаго факта „возможности мышленія", оно можетъ показать фактъ обладанія тѣми или другими познаніями, но не можетъ доказать правомѣрности, или объективнаго значенія этихъ познаній. При помощи такой дедукціи можно доказать только генезисъ понятія, но нѣтъ возможности доказать его объективное значеніе. Изъ этого ясно, что самъ Кантъ отличалъ свой методъ изслѣдованія, который можно было бы назвать трансцендентальнымъ методомъ изслѣдованія, отъ психологическаго изслѣдованія генезиса понятій (114).

Въ психологіи мы спрашиваемъ, каково происхожденіе того или другого понятія, какъ оно образовалось. Въ гносеологіи вопросъ о происхожденіи того или другого понятія является вещью второстепенною; мы не спрашиваемъ, какъ образовалось то или другое понятіе, мы беремъ его готовымъ, такимъ, какъ оно существуетъ въ человѣческомъ познаніи и только спрашиваемъ, имѣетъ ли оно объективное значеніе, и почему оно имѣетъ таковое. Такъ какъ задача гносеологіи заключается въ изслѣдованіи условій возможности научнаго познанія, то она и должна оперировать съ научными понятіями" (120).

„Гносеологія просто анализируетъ научное познаніе и старается опредѣлить, какіе изъ элементовъ этого познанія получаются изъ чувственныхъ впечатлѣній и какіе имѣютъ субъективный характеръ, чтобы затѣмъ указать, почему имъ присуще объективное значеніе“ (126).

Какое же отличіе гносеологіи отъ психологіи? Допустивъ существованіе внѣшняго міра и человѣческой психики, зависимой отъ нервной системы, психологія объясняетъ генезисъ содержанія познанія, приближеніе его къ внѣшнему міра по закону эволюціи, даже совпаденіе съ нимъ. Но вопросъ о томъ, какія основанія имѣемъ мы для предположенія существованія внѣшняго міра, живыхъ организмовъ съ ихъ психикой, принадлежитъ гносеологіи.

Объяснить представленіе пространства изъ зрительныхъ ощущеній и изъ мускульныхъ, имѣющихъ мѣсто при передвиженіяхъ организма, дѣло психологіи. Но заранѣе допускать существованіе объективныхъ движеній въ объективномъ пространствѣ, считать ихъ дѣйствительно существующими — значитъ полагаться на гносеологію, которая должна это все доказывать. Конечно, психологъ можетъ допустить, что первоначальная фаза психической жизни человѣка не различаетъ ни субъекта, ни объекта, состоитъ въ смѣнѣ психическихъ явленій, еще не локализированныхъ въ центрѣ „я“ и „не я“, но дальнѣйшую дифференціацію психики не можетъ она представить безъ вліянія закономѣрнаго, разнообразнаго, внѣшняго міра на нерасчлененную еще психику организма. А такое допущеніе внѣшняго міра можетъ быть доказано или отвергнуто только гносеологіей. Кромѣ того, и самая мысль о неорганизованной, недифференцированной первичной фазѣ психической жизни основывается на положеніи, что все въ природѣ эволюціонируетъ, между тѣмъ существованіе природы и ея эволюціи можетъ быть доказано опять же только гносеологіей.

Слѣдовательно, задачи гносеологіи и задачи психологіи (и другихъ наукъ, что также легко показать) очень отличны, и значеніе гносеологіи въ этомъ отношеніи первенствующее между науками.

Но одно дѣло задачи научной дисциплины, другое — ихъ рѣшеніе Въ рѣшеніяхъ своихъ проблемъ гносеологія вовсе не такъ независима отъ прежней метафизики и отъ

современныхъ научныхъ теченій. То же самое было и въ прошломъ. Впрочемъ, для точности разбора не мѣшаетъ раздѣлить намъ гносеологію на двѣ части: а) аксіомы теоріи познаній и b) толкованіе этихъ аксіомъ вмѣстѣ съ ученіемъ объ условіяхъ опыта.

Аксіомы теоріи познанія (гносеологіи) независимы отъ наукъ: онѣ заключаются въ данныхъ непосредственнаго сознанія. Три элемента даны непосредственно сознанію: объектъ сознаванія, субъектъ сознающій, процессъ сознаванія. Въ объектѣ сознаванія намъ даны внѣшній, протяженный, временный міръ. Эти элементы непосредственнаго сознанія вмѣстѣ съ законами логики лежатъ въ основѣ всѣхъ наукъ и предшествуютъ всякимъ изслѣдованіямъ. Это часть гносеологіи, слѣдовательно, независима отъ научныхъ доктринъ.

Всякій, кто желаетъ сомнѣваться въ существованіи своего „я“, или процесса сознаванія, или въ существованіи внѣшняго міра, непосредственно испытываемаго, долженъ найти для своихъ сомнѣній очевидности болѣе наглядныя, чѣмъ данныя непосредственнаго сознанія, или логическія построенія, которыя были бы очевиднѣе и доказательнѣе, чѣмъ то, что говоритъ непосредственное сознаніе. (При чемъ нужно помнить ту аксіому логики, которую формулировалъ Спенсеръ. „Все то истинно, противоположное чему немыслимо“).

Иное дѣло толкованіе аксіомъ непосредственнаго созерцанія и ученіе объ условіяхъ опыта.

Напримѣръ, я могу толковать, что хотя различаетъ сознаніе три момента: объектъ сознанія, процессъ сознаванія, субъектъ — сознающій, тѣмъ не менѣе ничего нѣтъ кромѣ процесса сознанія. Насколько логично такое толкованіе, это вопросъ другой. И въ этомъ идеалистическомъ толкованіи мы видимъ вліяніе психологіи на гносеологію (хотя и незаконное): для психолога все факты сознанія.

Я могу толковать факты и въ обратномъ смыслѣ, говоря, что всѣ объекты сознанія—матерія, а что процессъ сознанія и субъектъ только видимости, обусловленныя матеріей (ея неизвѣстными аттрибутами). Здѣсь мы констатируемъ вліяніе физики, химіи (тоже не законное) на гносеологію.

Наконецъ, я могу сказать, что сознаніе разбивается на „я“ и на „не я“ по внутреннему своему свойству сознаванія.

Тутъ мы вводимъ метафизическое толкованіе раздвояющагося сознанія по какимъ-то неизвѣстнымъ для насъ причинамъ.

Такимъ образомъ толкованіе данныхъ непосредственнаго сознанія ведетъ къ метафизическимъ построеніямъ: къ спиритуализму, къ матеріализму, къ феноменализму и т..д.

Въ ученіи объ условіяхъ опыта мы болѣе всего видимъ вліяніе научныхъ дисциплинъ на гносеологію. Возьмемъ для примѣра великаго гносеолога—Канта. Математика была для него руководящей нитью въ созданіи „критики чистаго разума". Самая постановка вопроса о синтетическихъ и аналитическихъ сужденіяхъ обусловливалась возможностью синтетическихъ сужденій математики. Его трансцендентальная эстетика въ нѣкоторой степени была объясненіемъ возможности приложенія математики къ природѣ. Истина — общеобязательность (другое опредѣленіе — соотвѣтствіе съ дѣйствительностью). Общеобязательность теоремъ математики научала Канта предположенію, что человѣческое знаніе аподиктическаго характера, а слѣдовательно, обусловлено апріорными принципами. Съ другой стороны, на Канта дѣйствовалъ раціонализмъ наукъ въ XVIII вѣкѣ. Великій Ньютонъ училъ все объяснять изъ точно выраженныхъ законовъ механики (Законы Ньютона). Кантъ захотѣлъ то же все объяснить въ гносеологіи, но, такъ какъ здѣсь не все объяснимо, то и высказалъ необычайно удивительныя своей странностью положенія.

Онъ, какъ и предшественники, всѣ вещи классифировалъ въ двѣ группы: субстанціи и аттрибуты (предполагалось, что это достовѣрно извѣстно). Пространство не подходило ни къ субстанціямъ, ни къ аттрибутамъ, слѣдовательно, пространства реальнаго нѣтъ, оно идеально. Вмѣсто того, чтобы идти отъ изученія природы къ классификаціи, онъ, какъ и предыдущіе философы, природѣ приписывалъ искусственную классификацію и пришелъ къ ученію: пространство идеально.

Далѣе, пространство вывесть нельзя изъ вещей умозаключеніемъ, ибо вещи уже протяженны. Разъ его вывести нельзя—нѣтъ его: пространство идеально и реальное немыслимо. Здѣсь Кантъ полагалъ вмѣстѣ съ раціоналистами, что все должно одно изъ другого объяснить, необъяснимо,

слѣдовательно, не существуетъ. Въ разумѣ должно быть все очевидно. Канту ни разу не приходила мысль, что пространство можетъ быть не форма созерцанія, а продуктъ безсознательнаго процесса духа (Гартманъ). Откуда послѣднія вещей отношенія причинность, существованіе объяснить нельзя, слѣдовательно, формы разсудка. (Нѣтъ мысли, что можетъ быть эти вещи необъяснимы).

Новѣйшая имманетная школа находится подъ чрезвычайнымъ вліяніемъ психологіи. Она доказываетъ, что все существующее существуетъ только лишь, какъ состояніе сознанія; все существующее существуетъ только въ сознаніи мыслящаго и представляющаго.

Существованіе того, что находится внѣ нашего сознанія, не можетъ быть признано. Ощущенія такъ же объективны, какъ и пространство.

Шуппе предполагаетъ существованіе особаго абстрактнаго родоваго сознанія, по отношенію къ которому индивидуальное сознаніе является какъ бы видомъ, и благодаря которому оно и существуетъ [1]). Несомнѣнно въ этомъ ученіи мы видимъ вліяніе психологіи. Все сводится на психическій процессъ познаванія. Не существуетъ то, что не познается. Увлеченіе же позитивизмомъ обнаруживаетъ, что все сводится на описаніе, ничто не объясняется. Откуда психическое, чѣмъ обусловлено возникновеніе представленій, какъ обяснить отсутствіе эквивалентнаго отношенія между физической и психической энергіями? Эти вопросы не интересны, не неизбѣжны для людей, которыхъ цѣль только описать. Вліяніе раціонализма тоже видимъ у имманентовъ. Они говорятъ, что совершенно непонятно отношеніе между непознаваемой, протяженой реальностью и психическими процессами познаванія. Ergo, нѣтъ непознаваемой реальности. Для описывающаго странно допустить что нибудь, что не подлежитъ описанію, для раціоналиста странно предполагать реальность, отношеніе которой непонятно къ „я“.

Вліяніе логики въ трансцендентальномъ идеализмѣ видно въ опредѣленіи истины (Виндельбандъ). По мнѣнію представителей этого направленія соотвѣтствіе съ дѣйствительностью не можетъ служить критеріемъ истины; можно

---

[1]) Челпановъ. Проблема воспріятія пространства, 397—396.

предложить другой, болѣе точный критерій истины — это критерій, по которому истина есть положеніе общеобязательное: истиннымъ мы должны считать все то, что имѣетъ всеобщее или общеобязательное значеніе. Этотъ критерій истины впервые установленъ Кантомъ (404, Челпановъ).

Истинность заключается въ нормальности мышленія. Но трансцендентальная апперцепція сознанія можетъ существовать рядомъ независимою отъ насъ закономѣрностью. Общеобязательность нельзя и объяснить безъ закономѣрности вещей: иначе произволъ и индивидуализмъ должны бы господствовать въ мірѣ. Необходимо признать трансцендентальный реализмъ. (Символическій реализмъ. Законъ специфической энергіи нервовъ).

Гносеологія Авенаріуса пользуется методомъ математическаго естествовѣдѣнія [1]) Она берется только за одно дѣло, а именно, за то, чтобы принять весь представляемый человѣческими высказываніями матеріалъ, какъ данный, внѣ зависимости отъ какой-бы то ни было теоріи. Она констатируетъ затѣмъ эмпирически данное: здѣсь — физіологическій процессъ, тамъ — высказываніе, какъ имѣющее „психологическое значеніе“.

Исходная точка въ этой теоріи познанія фактъ, что каждый индивидъ чувствуетъ себя противопоставленнымъ окружающей средѣ, слагающейся изъ многоразличныхъ частей, а также и другимъ человѣческимъ индивидамъ съ ихъ многоразличными высказываніями.

(Аксіомы непосредственнаго сознанія).

(Система C и окружающая ее среда).

Въ индивидѣ имѣетъ особенное значеніе нервная система, а въ ней центральная ея часть системы C ($C = c_1 + c_2 + c_3 \ldots$).

Противопоставленной системѣ C является окружающая ее среда R (Reiz = раздраженіе) (вещи въ пространствѣ, физіологическомъ раздраженіи). Кромѣ C и R еще нужно отмѣтить E (Erfahrung). E содержаніе высказыванія другого человѣческаго индивида. Воспріятіе, воспоминаніе, мысли и чувствованіе означается символомъ E.

---

[1]) Фридрихъ Карстаньенъ. Введеніе въ „Критику чистаго опыта“.

E одного индивида становится R для другого.

„Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, когда установлено R и приходится принять E, должна быть допущена и какая бы то ни было зависимость E отъ R“.

E вовсе не принимается какъ нѣчто „духовное“, а R какъ нѣчто „матеріальное“.

Высказыванія и составныя части окружающей среды не всегда находятся въ полномъ согласіи: отъ различныхъ индивидовъ могутъ исходить различныя высказыванія объ одномъ и томъ же R.

Содержаніе высказыванія не находится въ непосредственной зависимости отъ R.

E зависитъ отъ C.

„Во всякомъ случаѣ, когда E принимается зависящимъ отъ R, должна быть принята непосредственная зависимость E отъ C.

„E непосредственно зависитъ отъ измѣненія C“.

Функціональное отношеніе между

$R = f(C)$ $R = C$
$E = f(C)$
Законъ Фехнера $E = log\ C$ или $log\ R$,

R и C физическое (законъ сохраненія энергіи). Функціональное отношеніе между E и C логическое.

Во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда E принимается зависящимъ отъ R, E непосредственно зависитъ отъ обусловленнаго черезъ R конечнаго состоянія $C + \triangle C$.

Математическое формулированіе отношенія возбужденія къ „ощущенію“ оказывается невозможнымъ, такъ какъ начальное состояніе C тоже условіе высказыванія.

Та часть окружающей среды, которая вводится въ нашъ организмъ извнѣ и обусловливаетъ въ немъ обмѣнъ веществъ, обазначается символомъ S (Stoffwechsel). Измѣненія въ зависимости отъ R будутъ $f(R)$, въ зависимости отъ $S = f(S)$.

Установленіе основного біомеханическаго закона

$$f(R) = -f(S)$$
$$f(R) \mp f(S) = O.$$

Сумма $f(R)$ и $f(S)$ по отношенію къ жизнесохранимости получаетъ названіе жизнеразности. Всякая система C находится въ максимумѣ своего жизнесохраненія, когда ея частично — системные факторы равны между собою. Въ системѣ C возможны колебанія. Оно считается положительнымъ, когда происходитъ увеличеніе частично—системныхъ факторовъ $f(R)$ или $f(S)$ или же отрицательнымъ, когда имѣетъ мѣсто уменьшеніе одного изъ нихъ.

Въ покоѣ осуществляемся $\Sigma f(R) + \Sigma f(S) = O$ для всѣхъ уклоненій отъ равновѣсія жизнесохраненія. Для системныхъ колебаній мы имѣемъ формулу $f(R) + f(S) > O$.

Система C высшаго порядка или конгрегальная система. Чѣмъ болѣе частичныя системы достигаютъ жизнеподдержанія посредствомъ взаимнаго увеличенія жизнесохранимости, тѣмъ благопріятнѣе условія сохраненія общей системы.

Такимъ образомъ Авенаріусъ пытается изложить теорію познанія математическимъ методомъ. Конечно, то, что онъ сдѣлалъ, это только начало. „Критика чистаго опыта“ указываетъ только пути для дальнѣшихъ эмпиріокритическихъ изслѣдованій: этимъ методомъ вѣроятно будутъ написаны и научная эстетика и научная мораль. (Развивающееся ученіе объ аксіомахъ сознанія).

Но пока это только pia desideria, потому что намъ совершенно неизвѣстна функціональная зависимость между C и E. Попытки въ этомъ направленіи, какъ напр., законъ Фехнера, встрѣчаютъ всюду отрицательное отношеніе, а не довѣріе, которымъ могли бы проникнуться желающіе идти дальше въ этомъ направленіи.

Мало того, такое эмпиріокритическое міровоззрѣніе и не удовлетворяетъ человѣка. Онъ все таки будетъ ставить метафизическіе вопросы: что такое феноменъ, что такое ноуменъ, какое соотношеніе между ними, въ какой мѣрѣ мы можемъ познать истинную реальность и т. д.?

Однимъ словомъ, кромѣ ученія о непосредственныхъ данныхъ сознанія, необходимо еще ученіе объ условіяхъ

опыта и о достовѣрности познанія. Теорія же познанія Авенаріуса, есть отраженіе математическаго естествознанія (Томсонъ — модель эфира).

Во всякомъ случаѣ ясно, что Авенаріусъ пытался развить ученіе о непосредственности данныхъ сознанія безъ всякаго ихъ произвольнаго толкованія.

Но мы видимъ, что теорія познанія этимъ не ограничивается: она заключаетъ въ себѣ еще ученіе объ условіяхъ опыта, объ условіяхъ внѣшняго воспріятія. Гносеологія Авенаріуса, продиктованная глубокою нелюбовью къ метафизикѣ, отличается односторонностью, какъ и вообще философія имманентной школы.

Теперь намъ остается еще, указавъ на вліяніе теоріи познанія на прочія науки, окончательно опредѣлить ея положеніе между научными дисциплинами.

Вліяніе гносеологіи на науки несомнѣнно; по крайней мѣрѣ, это можно указать въ трехъ отношеніяхъ.

1. Въ чрезвычайно быстро распространяющемся мнѣніи, что сущность вещей непознаваема, что дѣло науки изучить законы природы, а никакъ не скрытыя сущности, лежащія въ основѣ явленій. Это убѣжденіе стало всеобщимъ и даже уже черезъ чуръ ходячимъ. Оно полезно для научныхъ изысканій, но, быть можетъ, вредно для метафизики.

2. Въ осторожности, съ какой относятся теперешніе біо-психологи къ душевнымъ явленіямъ существъ, далекихъ отъ человѣка — нужно видѣть отраженіе современной имманентной философіи. „Чужая душа — потемки“ потому, что она не воспринимается, воспринимается лишь тѣлесное. (Дарвинъ, Катрфажъ).

3. Чрезвычайный интересъ къ общимъ вопросамъ и широкимъ обобщеніямъ тоже, можетъ быть, слѣдствіе занятія теоріей познанія. Такіе взгляды на матерію, какъ высказалъ Оствальдъ, какъ будто навѣялись философіей, трактующей, что матерія только наше ощущеніе, что сущность ея, можетъ быть, совершенно иного рода. Итакъ, какое же положеніе теоріи познанія между научными дисциплинами?

Двоякое. Первой части гносеологіи, т. е. ученію о непосредственныхъ данныхъ сознанія принадлежитъ исходное положеніе, первое, начальное между науками. Ни одна наука не можетъ начать своихъ операцій, не признавши данныхъ сознанія и поэтому никогда не должна забывать этого. Особенно психологія, претендующая на универсальность и имѣющая тенденцію все свести къ субъективному, никогда не должна забывать свидѣтельства непосредственнаго сознанія.

Вторая часть теоріи познанія строится на основаніи первичнаго свидѣтельства сознанія, на основаніи логики и другихъ наукъ. Это ученіе объ условіяхъ опыта, т. е. о пространствѣ, о времени, объ истинной реальности, о феноменахъ, о законахъ логики, о границахъ и о достовѣрности познанія. Эта часть безусловно зависима.

Эволюціонный принципъ въ гносеологіи.

Такимъ образомъ мы констатировали двѣ части въ теоріи познанія — ученіе о непосредственныхъ данныхъ сознанія и ученіе объ условіяхъ опыта. Данныя сознанія — система C и система R и зависимость между ними (въ терминахъ Авенаріуса). Условія опыта — пространство и время формы созерцанія, причинность и субстанціональность — формы разсудка (въ терминахъ Канта). Какъ согласить и соединить эти области теоріи познанія? Принципъ эволюціи, приложенный къ гносеологіи, уяснитъ намъ связь между данными непосредственнаго сознанія и условіями опыта.

Но можетъ быть непосредственныя данныя сознанія и суть формы созерцанія и разсудка?

Непосредственно мнѣ дано — система C и система R, и сознаніе нисколько не свидѣтельствуетъ, что часть системы R—т. е. пространство, идеальна. Непосредственно мнѣ не дано различеніе, что̀ форма познаванія, что̀ содержаніе, очевидно, ученіе о содержаніи и о формѣ—нѣчто другое, выводное, это уже научная дисциплина.

Для непосредственнаго сознанія существуютъ вещи, и ихъ свойства. Можно спросить, пространство вещь или свойство (а на философскомъ языкѣ, субстанція или аттри-

бутъ)? Не вещь, потому что не имѣетъ свойствъ, не свойство, потому что замыкаетъ каждую вещь. Это значитъ, пространство не можетъ быть свойствомъ ограниченнаго предмета.

Однако изъ этого не вытекаетъ, что оно не можетъ быть свойствомъ безконечнаго предмета, т. е. всей природы. Слѣдовательно, этимъ путемъ никакъ нельзя доказать, что пространство „не-существующее", т. е. идеальное, форма созерцанія. Только психологическимъ путемъ можно дойти до этого, констатировавши тотъ фактъ, что кромѣ вещей имѣются „представленія", которымъ не соотвѣтствуютъ вещи, что имѣется психика, нѣчто субъективное, объективно не существующее. Отсюда начиная, можно попытаться доказать, не есть ли пространство нѣчто, принадлежащее къ классу „представленій", хотя бы какъ форма этихъ представленій, „чистое созерцаніе"?

Разъ мы уже встали на психологическую точку зрѣнія (это неминуемо), то необходимо встать также и на эволюціонную точку зрѣнія, ибо психологія наука синтеза.

Представленіе есть синтезъ болѣе простыхъ психическихъ актовъ, слѣдовательно, представленіе — пространство — психическое сложеніе простѣйшихъ субъективныхъ переживаній: зрительныхъ, мускульныхъ осязательныхъ ощущеній. Представленіе пространства развилось въ біологическій періодъ въ представленіе трехмѣрнаго пространства. Такимъ образомъ условія опыта, пространство и время, развивались вмѣстѣ съ опытомъ, причемъ міръ болѣе и болѣе въ сознаніи дифференцировался, раздѣляясь на элементы: цвѣтъ, звукъ, твердость, протяженіе, время. Мы видимъ, эволюціонный принципъ приложимъ ко второй части гносеологіи, къ ученію объ условіяхъ опыта. Но мнѣ могутъ возразить, вы излагаете принципъ о происхожденіи познанія, а не объ объективомъ значеніи „пространства", т. е. не о гносеологіи, а о психологіи. Да, это я утверждаю. Кромѣ ученія о данныхъ сознанія, все остальное будетъ или физикой или психологіей. Иначе и быть не можетъ. Я предполагаю пространство объективно существующимъ, къ которому приспособляется субъективное пространство, т. е. представленіе. Это предположеніе основано на ученіи о непосредственно данныхъ сознанія. Сознаніе утверждаетъ, что пространство

мнѣ не принадлежитъ, если затѣмъ психологія докажетъ, что оно только мое представленіе, то это докажетъ только при предположеніи, что существуетъ *объективное*, вліяющее на *субъективное;* въ этомъ случаѣ психологія начинаетъ излагать соотношеніе внѣшнихъ агентовъ природы къ молекулярнымъ движеніямъ нервной системы, и послѣднихъ къ психическимъ явленіямъ. Понятіе „психическое“ невозможно безъ понятія физическаго. Эти понятіи коррелятивны: внутреннее и внѣшнее. Трактованіе объ одномъ предполагаетъ трактованіе о другомъ. Вотъ почему „внѣшній міръ“ не истребимъ ни въ гносеологіи, ни въ психологіи.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Если кого не удовлетворитъ проведенная въ этомъ изслѣдованіи точка зрѣнія, то нужно сказать ему, что нѣтъ философской системы, которая бы всѣмъ потребностямъ души отвѣчала, и это потому, что въ человѣкѣ очень разнообразны эти потребности. Одинъ ищетъ въ системѣ логической стройности, хотя бы основные принципы ея были совершенно схематичны и отвлеченны, другому необходима научность положеній, хотя бы и не приведенныхъ въ единую систему, иные, наконецъ, ищутъ эстетики и морали въ сочиненіяхъ философовъ. Но, можетъ быть, несуществованіе всѣхъ удовлетворяющей философской системы служитъ доказательствомъ, что нѣтъ истенной системы? можетъ быть. Значитъ, Эммануилъ Кантъ былъ правъ, говоря, что метафизика не возможна?

Слѣд. гносеологи правы, утверждающіе, что кромѣ теоріи познанія нѣтъ доказанной, недогматической, неметафизической дисциплины?

Однако и послѣдніе неправы: гносеологія невозможна безъ другихъ наукъ и даже безъ метафизики (всякій философъ втайнѣ допускаетъ существованіе другихъ людей и природы, хотя иногда показываетъ видъ, что выводитъ ученіе изъ одного „я“). Абсолютной и вполнѣ независимой дисциплины нѣтъ, а все относительно. Остается одно для тѣхъ, кто ищетъ абсолютнаго знанія, стремится къ благу личности, къ водворенію на землѣ царства правды (что, быть можетъ, имѣетъ абсолютную цѣнность).

Для оцѣнки же относительно — истинныхъ системъ имѣется критерій — принципъ, указанный великимъ Ньютономъ, который служитъ мѣриломъ относительной истинно-

сти, большаго или меньшаго приближеніи къ искомому абсолюту, большаго или меньшаго приближеніи къ предѣлу. Этотъ принципъ заключается въ прочности системы, тѣсной сплоченности частей цѣлаго, во взаимной поддержкѣ отдѣльныхъ главъ цѣлаго философскаго построенія, въ научности и мыслимости основныхъ началъ. Намъ кажется „предѣльное“ ученіе, изложенное здѣсь, уясняетъ развитіе познанія, разсматриваемое какъ частный случай міровой эволюціи; сознательное одинъ изъ видовъ безсознательнаго. Если въ полѣ нашего сознанія все измѣняется, или развиваясь или распадаясь, естественно думать, что и общій источникъ мысли и жизни пребываетъ въ измѣненіи, подчиняясь тому же началу эволюціи и диссолюціи. Нельзя отрывать познаванія отъ другихъ видовъ существованія и приписывать ему иныя начала.

Намъ кажется, принципъ измѣняемости, уподобленіе одной величины другой, приспособленіе отдѣльныхъ микрокосмосовъ къ общему макрокосмосу, стремленіе разрозненнаго, аморфнаго къ связной системѣ, — наиболѣе плодотворныя начала, и приложеніе ихъ къ теоріи познанія дастъ съ теченіемъ времени обильные плоды. Въ самомъ дѣлѣ, нельзя-же думать, что міръ ограничивается человѣческими ощущеніями. Тогда пришлось бы полагать (какъ фетишисты), что каждое утро восходитъ новое солнце, потому что возникаютъ въ насъ каждое утро новыя ощущенія солнца. Астрономы считаютъ солнце единымъ и очень медленно измѣняющимся небеснымъ тѣломъ, и конечно не въ смыслѣ нашихъ только ощущеній, но въ смыслѣ вещи, независимой отъ человѣческаго разума и существованія.

Съ другой стороны, нельзя же думать, что вещи въ себѣ совершенно неизмѣнны, когда ощущенія, получаемыя черезъ дѣйствіе ихъ на „я“, постоянно измѣняются, если полагать, что психика одна изъ формъ бытія, что психическое тоже вещь въ себѣ, по отношенію къ другимъ психическимъ, къ другимъ вещамъ въ себѣ. Разъ существуетъ взаимодѣйствіе, должны существовать нѣкоторые общіе принципы и законы существованія для всѣхъ вещей. Согармонія не только въ феноменальномъ мірѣ, но и въ ноуменальномъ, т. е. потусторонне феноменальномъ. Другое, что очень важно имѣть въ виду — это положеніе: не все простое для сознанія просто по происхожденію. Сознательное — малая

сфера, заключенная въ безконечную область безсознательнаго.

Наконецъ, позволяемъ себѣ еще замѣтить, что всѣ положенія, развитыя въ данномъ изслѣдованіи, мы могли бы изложить языкомъ идеалистической философіи, для этого слѣдовало бы только перемѣнной величиной считать дѣйствительное познаніе, дѣйствительный психическій міръ, а предѣломъ не міръ вещей въ себѣ, а міръ идеальнаго познанія, идеальнаго психическаго существованія, къ чему стремится дѣйствительная психичесая реальность. Въ этомъ случаѣ теорія перемѣннаго и предѣла была бы приложена къ одному лишь психическому міру, дѣйствительному или идеальному, а міръ вещей въ себѣ оставленъ былъ бы въ сторонѣ, какъ ненужная вспомогательная величина.

Въ самомъ дѣлѣ, тогда можно было сочесть міръ вещей въ себѣ, какъ воображаемую сферу бытія, какъ объектъ идеальнаго познанія, къ чему стремится дѣйствительное познаніе, онъ, просто, значитъ, искомый идеалъ познаній, желанное согласованіе всѣхъ частей изучаемаго универсальнаго объекта познанія. А процессъ приближенія дѣйствительнаго познанія къ идельному былъ бы уже не приспособленіе психическаго къ вещамъ въ себѣ, а творчество, синтезъ, ни отъ чего независимый, внутреннихъ психическихъ элементовъ. Развитіе духа это было бы, и ничего болѣе. Намъ кажется, что при такомъ изложеніи „предѣльнаго“ ученія о всей эволюціи, эта наша статья много выиграла бы въ убѣдительности въ нашъ вѣкъ увлеченія внутреннимъ, психическимъ, индивидуальнымъ.

Но наше глубокое убѣжденіе, что бытіе не ограничивается однимъ психическимъ, что развитіе духа не есть вполнѣ автономное явленіе, а зависитъ отъ нѣкотораго инобытія, макрокосмоса, чему уподобляется, примѣняется человѣческій духъ — микрокосмосъ, заставило насъ изложить свои мысли языкомъ и въ терминахъ, наименѣе убѣдительныхъ въ наше время, когда критицизмъ и имманентная философія вмѣстѣ съ индивидуализмомъ въ морали и въ эстетикѣ господствуютъ надъ міромъ.

Считаемъ также необходимымъ выяснить въ заключеніи, что дальнѣйшее приложеніе законовъ логики къ явленіямъ красоты и добра дастъ общеобязательную эстетику и

науку нравственности. Истина есть нѣчто общеобязательное, слѣдовательно, могущее быть формулированнымъ въ законахъ мыслеобщенія, т. е. логики. Въ самомъ дѣлѣ, я думаю, біологія и исторія культуры даютъ намъ исходные пункты для объективнаго разсмотрѣнія развитія искусствъ и выработки правилъ и идеаловъ общежитія, т. е. принциповъ эстетики и этики. Съ другой стороны, психологія открываетъ намъ, что область прекраснаго относится къ сферѣ ощущеній, представленій, идей и имѣетъ тѣже законы, которые управляютъ и психическими явленіями, что нравственное чувство направлено къ благу не только своего „я", но и другихъ людей, и какъ всякое чувство, подлежитъ развитію при благопріятныхъ условіяхъ.

Попробуемъ сначала приложить эволюціонно-психологическій принципъ къ явленіямъ прекраснаго. Прекрасное въ природѣ чувствуетъ человѣкъ на всѣхъ стадіяхъ культуры. Восходъ солнца, просторъ синяго моря, дремучій лѣсъ съ его тѣнистыми сводами поражаютъ некультурнаго человѣка, такъ же какъ и культурнаго. Кромѣ прямыхъ наблюденій, констатированныхъ этнографами, это можно видѣть изъ религіозныхъ культовъ такъ называемыхъ дикихъ народовъ (культъ солнца, моря, дремучихъ лѣсовъ сѣвера). Поэтому для насъ интереснѣе всего развитіе вкуса и понятій прекраснаго въ области искусствъ: архитектуры, скульптуры, живописи, музыки и поэзіи. Здѣсь ясна эволюція въ разныхъ вѣкахъ и у разныхъ народовъ.

Сравнивая произведенія искусствъ у разныхъ народовъ, или даже вкусы въ области прекраснаго въ разныхъ классахъ общества, мы видимъ, что чувство и понятіе красоты подлежитъ развитію.

Сравните кусокъ дерева, кое-какъ обрубленнаго топоромъ, которому поклонялся еще недавно вотякъ или самоѣдъ, съ величественно-грозными идолами восточныхъ народовъ (китайцевъ) и далѣе съ чудными изваяніями древнегреческихъ боговъ, чтобы убѣдиться, что здѣсь чувство и идея прекраснаго эволюціонировали; или сопоставте вы поэтическія красоты сказки о царѣ Берендеѣ, которымм любуется не только финскій инородецъ сѣвера Россіи, но и русскіе крестьяне, съ высоко-художественными созданіями Тургенева, чѣмъ наслаждаются классы общества, обладаю-

щіе досугомъ для развитія литературнаго вкуса, чтобы видѣть, что пониманіе литературныхъ типовъ и красоты художественныхъ образовъ подлежитъ даже очень быстрому развитію. Такъ что въ области прекраснаго нужно сказать не то, что „на вкусъ и цвѣтъ товарища нѣтъ“, а то, что авторы и читатели стоятъ на разныхъ ступеняхъ лѣстницы развитія чувствъ и идеи красоты. Для тѣхъ которыя поднялись до одного уровня, вполнѣ возможны для всѣхъ искусствъ общеобязательныя формулы прекраснаго, т. е. научная эстетика. Одинаковое развитіе чувства и мысли и есть та сфера, безъ которой немыслимо приложеніе законовъ логики къ области эстетики.

Но въ какихъ же терминахъ, съ какой точки зрѣнія возможно формулировать положенія научной эстетики? Возьмемъ частный видъ прекраснаго — поэзіи. Мнѣ кажется, съ точки зрѣнія исторіи философіи и психологіи можно уяснить сущность поэтическаго творчества.

Великій Платонъ въ этомъ смыслѣ былъ первый, кто раздѣлилъ царство природы отъ царства совершенныхъ идей (образовъ). т. е, отдѣлилъ область естественныхъ наукъ отъ сферы искусства, міра образовъ—идей. Такое эстетическое толкованіе можно дать философіи Платона (а прочія системы философовъ пріобрѣли бы большой поучительный смыслъ, если бы имъ дать современное научное, эстетическое и моральное толкованіе).

Область идей-вещей Платона для насъ область образовъ дѣйствительныхъ вещей, лишенныхъ матеріи, тяжести, прозы. Это, мнѣ кажется, было первое ясное систематическое отдѣленіе дѣйствительности отъ вымысла, реальнаго отъ идеальнаго. Поэтому психологическій процессъ, который завершился въ умѣ Платона при этомъ раздѣленіи міра, былъ истиннымъ процессомъ художественнаго творчества, и психологія его, раскрытая въ исторіи философіи, очень поучительна въ ученіи о поэтическомъ творчествѣ.

Такое же значеніе для эстетики могли бы имѣть великіе идеалисты Берклей и Фихте. Имъ природа представлялась, какъ міръ ощущеній и образовъ, гдѣ матеріи, независимой отъ „я“, нѣтъ. Природа для нихъ объектъ великаго творчества духа, она обусловлена строеніемъ „я“, есть его продуктъ; а вѣдь міръ поэзіи тоже созданіе ума и вообра-

женія поэта. Законы творчества здѣсь должны быть одни и тѣже. Раскрытіе этихъ законовъ творчества въ исторіи философіи могло бы дать ключъ къ улучшенію синтетическаго творчества поэта и дать тѣ нужные термины и общеобязательныя формулы, при помощи которыхъ ученіе о прекрасномъ выразилось бы въ простыхъ логическихъ нормахъ, т. е. стало бы объективнымъ, а не субъективнымъ, гдѣ принципомъ служитъ „во вкусахъ нѣтъ товарища“.

Философія Платона намъ можетъ показать, что міръ вымысла не тожественненъ съ міромъ реальнымъ, въ немъ нѣтъ несовершенства, безхарактерности, нетипичности, отсутствія единства; философія Берклея и Фихте открываетъ намъ, что поэзія (поэтическая, идеалистическая философія) есть освѣщеніе дѣйствительности однимъ принципомъ, объединеніе разнохарактернаго въ стройное цѣлое, преобладаніе „психизма“ надъ объективно-матеріальнымъ, уподобленіе мірового человѣческому. Съ этой стороны, дѣйствительно, что такое міръ поэта, какъ не реальность, понятая подъ однимъ угломъ зрѣнія. Поэзія — это уголъ зрѣнія, единая художественная перспектива, объектъ въ стереоскопѣ, синтезировитый изъ плоскихъ картинъ дѣйствительности. Для Гомера все творящееся въ мірѣ одна великая сказка, онъ повѣтствуетъ дѣла боговъ и людей — трагическое и малое не повышая и не понижая тона и звука голоса, онъ какъ бы издали смотритъ на жизнь и рисуетъ ее безстрастно.

Сервантесъ (въ Донъ-Кихотѣ) видитъ все подъ угломъ зрѣнія человѣческаго безумія, выражающагося въ высокопарныхъ идеяхъ при ничтожныхъ силахъ, человѣческаго тщеславія, безумныхъ дѣлъ подъ вліяніемъ бреда и т. д. Для Данте все было печально, величаво, ужасно. Онъ былъ человѣкомъ, вышедшимъ изъ ада; для него міръ былъ въ лучшемъ случаѣ чистилищемъ.

Шекспиръ широкой кистью рисуетъ бурное море человѣческихъ страстей, надъ которымъ раздается небесный громъ нравственнаго закона... И такъ всѣ великіе писатели строили художественную перспективу, освѣщающую дѣла людей на лонѣ ли природы или въ шумныхъ городахъ, и чѣмъ геніальнѣе авторъ, тѣмъ опредѣленнѣе, ярче уголъ зрѣнія на смыслъ міроздания и на жизнь человѣка. И къ каждому изъ нихъ примѣнимо изреченіе:

„Міръ мое представленіе“. Здѣсь, какъ и въ философіи, зависитъ все отъ духа творца. Шопенгауэръ мрачный идеалистъ, какъ Данте поэтъ, Платонъ спокоенъ въ царствѣ идей, какъ Гомеръ, и т. д.

Но вѣдь однако (могутъ возразить), философъ ничего не выдумываетъ изъ ума, но строитъ все на основаніи дѣйствительныхъ соотношеній вещей? Развѣ можно сравнивать его дѣятельность съ дѣятельностью поэта? Философъ беретъ какую-либо сторону реальности (здѣсь и психическое тоже можно считать за одну изъ сторонъ реальности) и считаетъ ее основною, поэтому, міръ, построенный имъ, не равенъ міру вещей, гдѣ однѣ стороны не подчинены другимъ, а всѣ равноправны. Такъ поэтъ видитъ въ мірѣ только имъ излюбленное, что болѣе всего волнуетъ его сердце; вотъ почему, изображая повидимому, все разнообразіе природы и жизни человѣка, однако строитъ „свой міръ“ который далеко не равенъ объективному и „мірамъ другихъ“. Что это дѣйствительно такъ, видно изъ психологическаго анализа литературнаго типа.

Литературный типъ не есть фотографія съ отдѣльнаго человѣка, потому что имѣетъ общій характеръ, не есть результатъ умственной выкладки и отвлеченныхъ обобщеній, ибо онъ дышетъ жизнью. Типъ относится къ дѣйствительнымъ людямъ, какъ „терція“ или „квинта“ къ составляющимъ ихъ звукамъ, какъ зеленый цвѣтъ къ синему и желтому, смѣшеніемъ которыхъ получается, тутъ синтезъ, психическій химизмъ, новое, не равное слагаемымъ. Типъ результатъ безотчетнаго психическаго синтеза, дѣло „безсознательнаго духа“.

Такимъ же путемъ претворенія реальнаго въ „я“ поэта—созидаются всѣ виды поэтическаго творчества, и получающійся міръ не равенъ объективному міру. Тоже у философовъ идеалистовъ.

Этотъ же процессъ уподобляется сновидѣнію. Сонъ не равенъ дѣйствительной жизни человѣка. Однако не является чѣмъ-то противоположнымъ ей, а часто является освѣщеніемъ въ одной картинѣ всего прошедшаго и пророчествомъ всего будущаго жизни человѣка.

Что міръ поэзіи не оказывается равнымъ реальному міру, это видно уже изъ того, что въ области вымысла чув-

ствуется отсутствіе давящей реальности. Во времена миѳологическія народы, окруженные богами, не испытывали поэзіи въ своемъ міровоззрѣніи, потому что для нихъ все это было очень реально. Для насъ же, не вѣрующихъ въ боговъ, миѳологія древнихъ сладчайшая поэзія, перлы ея. То же самое жизнь человѣка для философа, знающаго, что пониманіе міра не адэкватно ему, что оно зависитъ отъ нашей организаціи и скоропреходяще, жизнь для него сказка, поэзія высшаго рода.

Такимъ образомъ сущность поэтическаго творчества заключается въ психическомъ синтезѣ отрывочныхъ наблюденій дѣйствительности, образъ поэта иногда можетъ столь же глубоко отличаться отъ дѣйствительныхъ людей, какъ тѣлесный образъ стереоскопа отъ плоскихъ картинъ, которыхъ онъ является синтезомъ. Образъ поэта часто отличается необычайной глубиной и цѣльностью, чего въ дѣйствительности мы не можемъ встрѣтить. Вотъ почему геніальная повѣсть, поэма или драма иногда представляется глубочайшимъ постиженіемъ смысла жизни, уразумѣніемъ тайныхъ пружинъ человѣческихъ поступковъ: жизнь въ перспективѣ поэта можетъ быть выше и стройнѣе, осмысленнѣе и цѣлесообразнѣе, чѣмъ сама пестрая дѣйствительность.

Такой взглядъ на творчество поэта можетъ намъ дать исходную точку для сужденій о величіи автора на основаніи того, какъ глубоко схвачены самыя тайныя пружины человѣческаго духа. Этотъ психологическій методъ оцѣнки вмѣстѣ съ соціологическимъ методомъ, предложеннымъ Геннекеномъ, и съ историческимъ, показывающимъ преемственность литературныхъ теченій, подготовляетъ возможность приложенія формулъ силлогизма къ области эстетики.

Второй принципъ, который долженъ быть введенъ въ эволюціонное изложеніе научныхъ началъ эстетики, это — принципъ (біологическій) полезности ощущенія. для блага организма. Эстетическое наслажденіе—благо жизни. Необходимъ хотя бы минимумъ этого блага, что бы жизнь не утрачивала своей энергіи.

И тутъ замѣчаемъ мы такого рода общее явленіе. Разъ человѣчество удалилось отъ благъ непосредственной жизни на лонѣ природы и заперлось въ каменные города, необходимо теперь искать потерянное наслажденіе (потерянный

рай) въ живомъ воспроизведеніи природы и ея красоты. Если общественная жизнь полна трагедіи, возникающей отъ столкновенія интересовъ личности съ соціальными порядками, то необходимо облегчить это глубокое страданіе поэтическимъ переживаніемъ ихъ, при чемъ выясняется въ образахъ его причина, т. е. необходимо искусство, открывающее тайны человѣческой души. Ни въ древнемъ мірѣ, когда рокъ управлялъ дѣлами людей, ни въ новомъ, когда причиной гибели являются страсти, любовь къ театру и вообще къ поэзіи не было простою роскошью, а потребностью самой жизни. Поэтому я считаю ненаучнымъ взглядомъ на эстетическое чувство, какъ на безкорыстное, чуждое принципа пользы. Это вѣрно будетъ только тогда если пользу понимать уже черезъ чуръ узко. Чувство красоты поднимаетъ упавшія силы, восполняетъ органическіе недочеты въ минимумъ блага личности, и оно можетъ изучаться біо-психологическимъ методомъ.

Такимъ образомъ мнѣ представляется, что принципы психологіи и біологіи создадутъ тѣ необходимыя условія, при которыхъ будетъ возможно приложеніе законовъ логики къ ученію о красотѣ и поднять его черезъ это до научной дисциплины, которой положенія общеобязательны и объективны, поскольку основныя свойства духа объективны для каждаго частнаго выраженія этого духа, т. е. для каждой личности.

Тоже самое и относительно морали. Прогрессъ культуры опредѣляется въ числѣ другихъ признаковъ также и тѣмъ, что все болѣе расширяется область приложенія законовъ логики къ явленіямъ жизни человѣка, поскольку онъ разсматривается какъ часть одного соціальнаго организма. Начиная съ великаго Дарвина, входитъ въ науку о жизни и нравственности эволюціонная точка зрѣнія, безъ которой невозможно понять всю сложность общественной жизни и все разнообразіе человѣческихъ влеченій и привычекъ и невозможно дойти до истинной оцѣнки человѣческихъ поступковъ.

Человѣкъ, существо измѣняющееся, онъ звено въ ряду другихъ существъ, генетически произошелъ изъ другихъ видовъ. Его умственныя и нравственныя свойства въ зародышѣ существовали и существуютъ въ психикѣ другихъ

организмовъ, болѣе простыхъ, чѣмъ человѣкъ. Такой взглядъ на него можетъ уяснить намъ, что получилъ человѣкъ въ наслѣдство отъ предковъ, что самъ пріобрѣлъ на протяженіи исторіи, въ чемъ непроизволенъ онъ, надъ чѣмъ имѣетъ власть его разумная воля, какія условія необходимы, чтобы власть логики разширялось надъ непроизвольной жизнью души. Только разрѣшеніе всѣхъ этихъ вопросовъ можетъ дать конкретное исполнимое содержаніе нравственному императиву. Христіанская религія и философія Канта даютъ формулы этого императива, но не проводятъ черты, отдѣляющей возможное, зависящее отъ воли человѣка отъ инстинктивнаго, неподчиняющагося разуму, также не входятъ въ разсмотрѣніе общественныхъ условій, развивающихъ нравственное чувство въ теченіи поколѣній или атрофирующихъ его. Такое біо-психологическое ученіе о нравственности и должно быть созидающимъ науки этику. Работы Дарвина, Спенсера, Фуллье, Вундта, Гефдинга имѣютъ такую именно тенденцію.

Въ самомъ дѣлѣ, къ какому классу явленій нужно отнести нравственное чувство? Нельзя ли сопоставить его съ соціальнымъ инстинктомъ животныхъ? Дарвинъ объ этомъ предметѣ говоритъ такъ въ своей книгѣ „происхожденіе человѣка“: „слѣдовательно, это положеніе кажется мнѣ въ высокой степени вѣроятнымъ, именно, что всякое животное, одаренное ясно выраженными общественными инстинктами, включая сюда привязанность между родителями и дѣтьми, должно роковымъ образомъ пріобрѣсти нравственное чувство или совѣсть, какъ только умственныя способности достигнутъ такого же или почти такого же высокаго развитія, какъ у человѣка. Въ пользу этого, говоритъ, во-первыхъ, то, что общественные инстинкты побуждаютъ животное чувствовать удовольствіе въ обществѣ своихъ товарищей, сочувствовать имъ до извѣстной степени и оказывать имъ помощь. Во-вторыхъ, какъ скоро умственныя способности достигли высокаго развитія, образы прошлыхъ дѣйствій и побужденій должны были постоянно носиться въ мозгу каждаго недѣлимаго; и то чувство недовольства, которое, какъ увидимъ далѣе, постоянно слѣдуетъ за неудовлетвореніемъ инстинктовъ, должно было возникать, когда животное видѣло, что сильные и присущіе ему инстинкты

уступили какому-либо другому инстинкту, болѣе живому въ ту минуту, но не столь сильному по своей природѣ и не оставляющему за собой столь живыхъ впечатлѣній". (68 стр. переводъ Сѣченова).

Такимъ образомъ общественный инстинктъ можно разсматривать, какъ начальную стадію нравственнаго чувства.

И содержаніе общественныхъ инстинктовъ у животныхъ напоминаетъ намъ содержаніе нравственнаго чувства. Цѣль того и другого психическаго факта—сохранить себѣ подобныхъ. Такъ самая обыкновенная услуга, оказываемая другъ другу высшими животными,—это предупрежденіе о грозящей опасности, которая выслѣживается соединенными силами всѣхъ.

Каждому охотнику извѣстно, замѣчаетъ д-ръ Jeger, какъ трудно приблизиться къ животнымъ въ стадѣ или кучкѣ. Многія птицы и нѣкоторыя млекопитающія ставятъ часовыхъ. Павіаны вида Hamadryas имѣютъ привычку переворачивать камни, отыскивая насѣкомыхъ и т. п., и если имъ встрѣчается большой камень, то вокругъ него становятся столько обезьянъ, сколько могутъ умѣститься, и онѣ, перевернувъ его общими усиліями, дѣлятъ добычу между собою (69 стр.).

Такъ что содержаніе общественнаго инстинкта однокачественно съ нравственнымъ чувствомъ, вотъ почему послѣднее нужно разсматривать въ связи съ первымъ по принципу эволюціи. Соціальные инстинкты обусловливаются условіями общественной жизни, тоже самое, слѣдовательно нужно сказать и о нравственномъ чувствѣ. Оно функція общественной жизни и воспитанія. Такъ что историческое разсмотрѣніе его можетъ дать намъ правило, какъ далѣе развивать этотъ цементъ семьи, общества и государства. По краткости писанной исторіи приходится обратиться къ даннымъ антропологіи для историческаго изученія началъ этики. Это именно и сдѣлано въ книгѣ Вундта „Этика". „Я считаю, говоритъ Вундтъ, настоящимъ преддверіемъ этики психологію народовъ, которая между прочимъ, должна изслѣдовать исторію нравовъ и нравственныхъ представленій съ точки зрѣнія психологіи" (предисловіе). Вундтъ и начинаетъ съ анализа словъ, обозначающихъ добро и зло у разныхъ народовъ, затѣмъ переходитъ къ изученію мифа и

культа. Онъ приходитъ къ заключенію, что нравственность имѣетъ связь съ волей народа. Не только единичная воля, но существуетъ также коллективная воля. Глубокое удовлетвореніе личной воли, и особенно коллективной есть высшее благо жизни. Гармонія воли (личной и коллективной) есть сущность нравственности. Изъ этой сущности проистекаютъ правила и нормы нравственности.

Гербертъ Спенсеръ въ своей философской системѣ провелъ эволюціонную точку зрѣнія по всѣмъ областямъ знанія, начиная съ образованія туманной матеріи и кончая соціальными и религіозными явленіями. Разумѣется, такой всесосторонній человѣкъ и нравственность разсмотрѣлъ не только въ фазахъ историческаго развитія нравовъ, но и въ отвлеченной схемѣ идеальнаго общества при условіи существованія идеальной нравственности. Вотъ почему его этика дѣлится на двѣ части: физику нравовъ и научную этику. Въ самомъ дѣлѣ, каждый поступокъ есть съ одной стороны физическое движеніе, физическое приспособленіе организма къ природѣ. Здѣсь возможна эволюція, возможно совершенство; съ другой стороны, каждый поступокъ явленіе психологическое, потому что имѣетъ психическую причину: инстиктъ, представленіе, чувство, желаніе. Чѣмъ больше гармоніи чувствъ, желаній, представленій между собою, тѣмъ совершеннѣе психическій организмъ. Наконецъ, каждый поступокъ приноситъ вредъ или пользу обществу. Возможна точка зрѣнія соціальная; чѣмъ больше соотвѣтствія между нашими желаніями и поступками и общественной пользой, тѣмъ совершеннѣе соціальный организмъ.

Вотъ съ этихъ точекъ зрѣнія можно разсмотрѣть исторію нравовъ и затѣмъ пытаться создать научную этику, какъ науку о физическомъ, біологическомъ и соціальномъ совершенствѣ. Этимъ и занимается Спенсеръ въ своей этикѣ, разсматривая подробно индивидуальную и общественную жизнь, освѣщаемую точкой зрѣнія идеала, или приближенія къ нему. Несомнѣнно этимъ методомъ великій философъ написалъ одну изъ главъ будущей науки о нравственности, научая насъ прилагать законы логики къ этой сложной области деликатнѣйшихъ явленій жизни духа. Но у Спенсера мало психическаго раскрытія содержанія нравственнаго чувства. Это видимъ въ книгѣ Гефдинга „Этика“.

Жизнь на своемъ пути приводитъ сама къ вопросамъ. Только тамъ, гдѣ кругозоръ узокъ, а задачи ограничены, мы находимъ полную очевидность. Научная этика не хочетъ, да и не можетъ занять мѣсто положительной морали, но обосновать, развить и расширить эту послѣднюю. Основателемъ этики слѣдуетъ признать Сократа—„познай самого себя“.

Какъ основаніе этики субъективный принципъ, такъ масштабъ, по которому оцѣниваются поступки изъ этого основанія, есть объективный принципъ этики.

Чистый индивидуализмъ неопровержимъ въ теоретическомъ отношеніи, также и ученіе Аристиппа о жизни для мгновенія. Но практика, но психологія говоритъ противъ Аристиппа и индивидуализма.

Душа рядъ явленій $A\,B\,C\,D\,E\,F$.....; жить для мгновенія значитъ всецѣло предаться или A, или B, и т. д.. положимъ D. но вѣдь D связано съ C, E, F и т. д. D не можетъ постоянно первенствовать въ нормальной душѣ человѣка. Слѣдовательно невозможна жизнь для мгновенія D. Также невозможенъ и чистый индивидуализмъ, потому что въ человѣкѣ кромѣ чувствъ, инстинктовъ, мыслей, направленныхъ къ центру (къ самому себѣ), имѣются чувства, инстинкты, мысли, направленныя къ периферіи, т. е. къ другимъ людямъ, къ семейству, къ націи, къ человѣческому роду.

Чувство справедливости приближаетъ къ безпристрастному знанію, къ объективной оцѣнкѣ.

Этими и подобными положеніями Гефдингъ приближаетъ насъ къ возможности построить науку о нравственности, для всѣхъ обязательную и очевидную, каковою является теперь физика или математика.

Такимъ образомъ намъ представляется, что общеобязательная наука о нравственности будетъ создана. Вопервыхъ, въ ней чувствуется потребность общества, особенно въ наше время, когда никто ничему не вѣритъ, что не доказано по строгимъ правиламъ силлогизма, когда прежніе авторитеты уже не съ такой силой властвуютъ надъ умами. Вовторыхъ, великими учеными не только положены первые камни, но и возведены уже цѣлыя части будущаго стройнаго величественнаго зданія. Также намъ представляется, что нравствен-

ныя правила будутъ опредѣлены какъ такія, черезъ соблюденіе которыхъ доставляется всему человѣчеству существованіе наивозможно свободное отъ страданій и наивозможно богатое наслажденіями,—и притомъ не только человѣчеству, но, насколько это допускаетъ природа вещей, и всякой твари, которая только имѣетъ чувство. (Утилитаріанизмъ. Миллъ).

Ученіе о сверхчеловѣкѣ и современный индивидуализмъ не уничтожатъ власть нравственнаго закона, а только углубятъ нѣкоторыя главы въ наукѣ о нравственности.

Вопросъ о сверхчеловѣкѣ есть новый вопросъ о цѣнности жизни. Геніальный Нитче спрашиваетъ васъ: что цѣннѣе, правдивая ли жизнь посредственныхъ людей, или дѣла великаго человѣка, хотя бы совершившаго преступленіе? „Живите для сверхчеловѣка, онъ высшая цѣнность, большая, чѣмъ ваша святость“. Вотъ что онъ говоритъ. Не будемъ мы здѣсь разбирать, правъ ли онъ, или нѣтъ, а повторимъ только, что, если есть прогрессъ, то обѣ цѣнности эти будутъ существовать рядомъ, что человѣкъ соединитъ ихъ въ гармонію при помощи высшаго общаго механизма, лучшаго воспитанія, болѣе глубокаго постиженія человѣческой души. Онъ избѣгнетъ ужасной дилеммы: „или сверхчеловѣкъ или нравственный законъ!“ расширивъ понятіе сверхчеловѣка еще однимъ признакомъ: способности безконечно ждать исполненія своихъ желаній, разъ скорое преслѣдованіе своей цѣли нарушаетъ благо другихъ. Сверхчеловѣкъ пусть скажетъ: „что я хочу, то свято, и прибавитъ: я могу ждать долго того, что я хочу, пока не исчезнутъ условія, при которыхъ моя цѣль не достижима безъ нарушенія чужихъ интересовъ. Я сверхчеловѣкъ, я могу ждать“.

Современный индивидуализмъ тоже не противорѣчитъ возможному высшему порядку идивидуально—соціальному, гармоніи единичной воли съ коллективной волей. Это не достигнуто. Но ничто не мѣшаетъ неустанно стремиться. „Вы сверхчеловѣки, должны не уставать долго, долго, а стремиться“.

Впрочемъ, не входитъ въ нашу цѣль углубляться далѣе въ эти вопросы, потому что мы коснулись этого только въ заключеніи и съ той только цѣлью, чтобы показать, что прогрессъ есть разширяющееся приложеніе законовъ логики

къ явленіямъ природы, жизни и духа, что сфера приложенія увеличивается все болѣе и болѣе, и что предѣлы человѣческому уму и творчеству не поставлены, что есть надежда и въ области эстетики и ученія о нравственности видѣть нерасторжимую цѣпь логическихъ звеньевъ и обязательную для ума каждаго очевидность.

М. В. ПИРОЖКОВЪ

Спб., В. О., 2 л., д. 13

(„Литературная Книжная Лавка")

Историческій Отдѣлъ

Поступили въ продажу:

№ 1. **Бороздинъ, А. К.** **Литературныя характеристики. Девятнадцатый вѣкъ.** Томъ I. Спб. 1903 г. Съ 8 портретами. 1 р. 75 к.

№ 2. **Лемке, Мих.** **Очерки по исторіи русской цензуры и журналистики XIX столѣтія.** Съ 19 портретами и 81 карикатурою. Спб. 1904 г. 3 р.

№ 3. „ „ **Эпоха цензурныхъ реформъ 1859—65 годовъ.** Съ 4 портретами. Спб. 1904 г. 3 р.

№ 4. **Богучарскій, В.** **Изъ прошлаго русскаго общества.** Съ 6 портретами. Спб. 1904 г. 2 р.

№ 5. **Милюковъ, П. Н.** **Государственное хозяйство Россіи въ первой четверти XVIII в. и реформа Петра Великаго.** 2-е изданіе. Спб. 1904 г. 3 р. 50 к.

№ 6. **Пименова, Э. К.** **Политическіе вожди современной Англіи и Ирландіи.** Съ 10 портретами. Спб. 1904 г. 2 р.

№ 8. **Файфъ, Ч.** **Исторія Европы въ XIX в.** Перев. съ англ. *М. Лучицкой* подъ редакціей проф. *И. В. Лучицкаго*. 2-е изданіе, въ одномъ компактномъ томѣ, съ 2 раскр. картами. Спб. 1904 г. 5 р. 50 к.

№ 9. **Куно Франке.** **Исторія нѣмецкой литературы въ связи съ развитіемъ общественныхъ силъ** (Съ V вѣка до настоящаго времени). Съ 39 портретами. Перев. съ англ. *П. Батина*. Спб. 1904 г. 3 р.

№ 12. **Никитенко, А. В.** **Повѣсть о самомъ себѣ.** Посмертныя записки и дневникъ (1804—1877 гг.). Изданіе 2-е, исправленное и дополненное *по рукописи*, подъ редакціей, съ примѣчаніями и алфавитнымъ указателемъ *М. К. Лемке*. Въ двухъ томахъ. Спб. 1904 г. Ц. за оба тома 7 р.

№ 15. **Рожковъ, Н.** **Учебникъ всеобщей исторіи для среднихъ учебныхъ заведеній и для самообразованія.** Спб. 1904 г. 1 р. 10 к.

Печатаются:

№ 1. **Бороздинъ, А. К.** **Литературныя характеристики. Девятнадцатый вѣкъ.** Томъ II. Съ 15 портретами. 1 р. 75 к.

№ 7. **Буркгардтъ, Я.** **Культура Италіи въ эпоху Возрожденія.** Перев. съ нѣм. *С. Бриліанта*.

№ 10. **Тэнъ, И.** **Происхожденіе современной Франціи.** Т. I. Старый порядокъ. Т. II. Новый порядокъ. Перев. съ франц. *Э. Пименовой*.

№ 11. **Изъ исторіи общественнаго движенія въ Россіи при Александрѣ I** (Матеріалы и статьи *В. И. Семевскаго, П. Е. Щеголева* и *В. Богучарскаго*).

№ 13. **Батюшковъ, Ѳ. Д.** **В. Г. Короленко, какъ человѣкъ и писатель, по его произведеніямъ.** Съ портретами и иллюстраціями.

№ 14. **Каутскій, К.** **Томасъ Мооръ и его Утопія.** Переводъ съ нѣм. *А. Ю. Финна*.

Выписывающіе изъ склада за пересылку не платятъ

Книжный Складъ и Издательство

М. В. ПИРОЖКОВА

(Спб., В. О., 2 л., д. 13)

Мельхіоръ-де-ВОГЮЭ. **Максимъ Горькій.** Произведенія и личность писателя. Съ портретомъ. Переводъ А. Б. Ф. Спб. 1902 г. 25 к.

ГОРИНЪ, Н. **Основныя идеи произведеній Максима Горькаго.** Съ портретомъ. Спб. 1902 г. 30 к.

ГУРЕВИЧЪ, Л. **„Сѣдокъ" и другіе разсказы.** Спб. 1904 г. 1 р. 50 к.

Содержаніе: Сѣдокъ. — У рулетки. — Порученіе. — Шурочка. — Странная исторія. — Тоска. — Ребенокъ. — Разсѣянность. — Въ снѣга. — Неоконченное письмо.

ЛАВРИНОВИЧЪ, Ю. Н. (Надеждинъ). **Очерки французской общественности.** Спб. 1903 г. 1 р. 25 к.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ДѢЛО. **Сборникъ.** Спб. 1902 г. 2 р. 25 к.

Содержаніе: **Евг. Чириковъ.** На дворѣ во флигелѣ. *Бытовыя картины*, поставленныя на московскихъ и петербургскихъ театрахъ.— **Скиталецъ.** Пѣсни скитальца. *Стихотворенія.*—**Евг. Тарле.** Изъ исторіи обществовѣдѣнія въ Россіи.—**Танъ.** На красномъ камнѣ. *Повѣсть.*—**А. М. Вербовъ.** *Стихотворенія.*—**В. Богучарскій.** Декабристъ-литераторъ Александръ Осиповичъ Корниловичъ.—**В. Вересаевъ.** На эстрадѣ. *Эскизъ.*—**С. Булгаковъ.** Васнецовъ, Достоевскій, Вл. Соловьевъ и Толстой. *Параллели.*—**А. Лукьяновъ.** *Стихотворенія.*—**В. І. Дмитріева.** Волки. *Разсказъ.*—**Николай Бердяевъ.** Къ философіи трагедіи. *Морисъ Метерлинкъ.*—**Вас. Брусянинъ.** Пѣвучая гитара. *Разсказъ.*—**Галина.** *Стихотворенія.*—**Скиталецъ.** Атаманъ. *Разсказъ.*—**З. К. Максимъ** Горькій въ иностранной критикѣ.—**Танъ.** *Стихотвореніе.*—**Иванъ Новиковъ.** *Два очерка*: 1) Къ жизни, 2) Ландыши.—**Иванъ Странникъ.** Изъ настроеній современной французской литературы.—**Вл. Муриновъ.** *Разсказъ.*—**Проф. Евг. Аничковъ.** Вильямъ Моррисъ и его утопическій романъ.

МЕРЕЖКОВСКІЙ, Д. С. **Дафнисъ и Хлоя.** Древнегреческая повѣсть *Лонгуса* о любви пастушка и пастушки на островѣ Лезбосѣ. 2-ое изд. Спб. 1904 г. 1 р. 25 к.

Л. Толстой и Достоевскій. Т. І. Жизнь и творчество. Спб. 1903 г. 2 р. Т. ІІ. Религія. Спб. 1903 г. 3 р.

Любовь сильнѣе смерти. Итальянская новелла XV в. 2-ое изд. Спб. 1904 г. 1 р. 25 к.

МОРСЬЕ, де, А. **Права женщины.** Вопросы соціальнаго воспитанія. Переводъ съ франц. *Эльтъ.* Спб. 1904 г. 50 к.

ПЕЛЬТАНЪ, Камиллъ, депутатъ. **Исторія Франціи отъ 1815 года до нашихъ дней.** Иллюстрировано 7 рис. и 78 портретами. Спб. 1903 г. 1 р. 25 к.

ЯКИМОВЪ, Василій. **По слѣдамъ голода.** (Изъ воспоминаній). Спб. 1903 г. 1 р.

Очень сочувственно рекомендуется журналомъ *„Русское Богатство"* (1902 г. XII).

Безъ хлѣба насущнаго. Разсказы. Спб. 1904 г. 1 р. 25 к.

Выписывающіе изъ склада за пересылку не платятъ